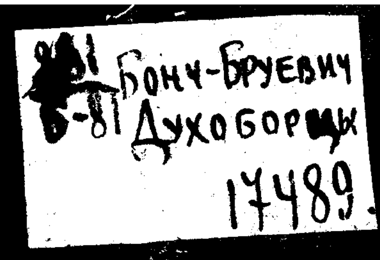

Бонч-Бруевич
Духоборцы
17489.

Возможна слѣдующая схема
заціи ведутъ работы исклю-
йское значеніе, областные
е значеніе, и мелкія объ-
значеніе.

тивнаго строительства въ
: мелко районные Союзы,
составляютъ 22%, средніе
ь членовъ—45%, а крупные
еновъ,—29%.

мъ распоряженіи довольно
щее время являются до-

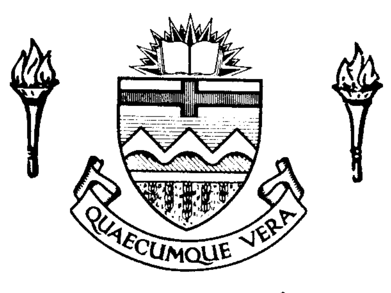
упныхъ объединеній, явля-
я не въ силахъ удовлетво-
имыя торговыя операціи съ
бластные же союзы явля-
аціями.

ціи

ніе

ед-
то-

д—
ммъ
ной
аго
по-
мы.
юза,
его
гій,
пе-


QUAECUMQUE VERA

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ".
Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9, 10 и 11. Тел. 227-42.

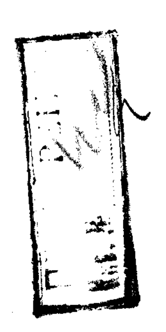
БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВОВѢДѢНІЯ. Кн. 14-я.

Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.

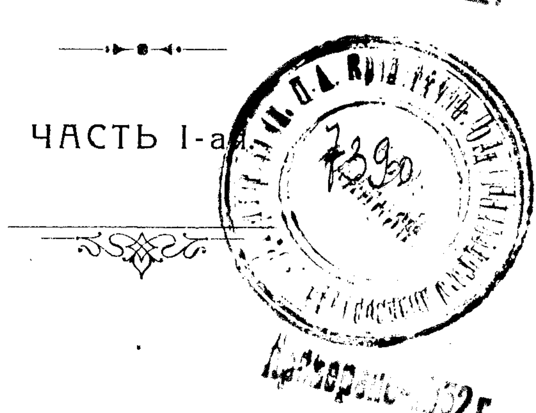
ДУХОБОРЦЫ

въ

КАНАДСКИХЪ ПРЕРІЯХЪ.

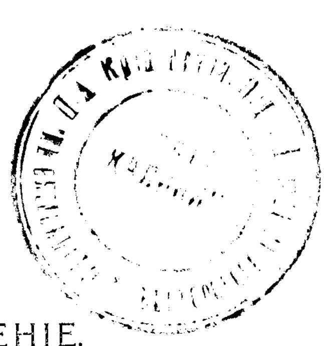


ЧАСТЬ I-ая.



ПЕТРОГРАДЪ.
1918.

Типографія Акц. Общ. «Кадима», Птрг., Вас. Остр., 5 линія, 28.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первую часть книги „Духоборцы въ канадскихъ преріяхъ“ я началъ печатать еще въ началѣ 1916 года, когда царское правительство все болѣе и болѣе становилось реакціоннымъ, когда подъ видомъ военной была введена предварительная цензура. Типографщики и издатели должны были снова и снова посылать всѣ рукописи на предварительный просмотръ въ „военную цензуру“, гдѣ выступили на сцену все тѣ же старые штатскіе знакомые изъ членовъ союза русскаго народа, которые принялись съ истиннымъ остервенѣніемъ заплечныхъ дѣлъ мастеровъ рвать и метать живое тѣло мысли и слова привычными пріемами стараго времени до думскаго періода. Красное чернило рѣкой полилось по всѣмъ твореніямъ русскихъ писателей. Марка реакціонныхъ дѣятелей была покрыта штемпелемъ патріотизма, во имя котораго,—„вѣдь теперь война!“ кричали и шептали мракобѣсы,—сплоченные ряды черносотенцевъ расхищали и уничтожали все, что только попадало имъ подъ руку въ цензурномъ военномъ застѣнкѣ, куда набѣжало несмѣтное число этихъ черныхъ рыцарей черной военной реакціи.

Писать при такихъ условіяхъ до невѣроятности тяжело, писать же про общество людей издревле гони-

мыхъ въ Россіи и изгнанныхъ изъ страны тогда еще царствовавшимъ Николаемъ II-ымъ, писать о людяхъ, въ принципѣ отрицающихъ войну и жестоко пострадавшихъ за свои антимилитаристическіе взгляды и живую пропаганду своихъ воззрѣній, писать въ годы милитаристической вакханаліи и сумасшествія,—особенно трудно. Вотъ почему, волей-неволей, мнѣ пришлось многое умолчать и вмѣсто болѣе или менѣе подробныхъ свѣдѣній изъ исторіи духоборцевъ послѣдняго двадцатипятилѣтія дать только „краткія свѣдѣнія о переселеніи духоборцевъ въ Канаду".

Во второй части этой книги, которая теперь печатается, я далъ нѣкоторый бытовой матеріалъ, который по тѣмъ же цензурнымъ условіямъ не могъ войти въ первую часть. Подробныя же свѣдѣнія о своеобразномъ крестьянскомъ протестѣ противъ гнета самодержавія Александра III и Николая II, который столь сильно и упорно былъ проведенъ въ жизнь духоборцами,—мы дадимъ въ особой книгѣ „Духоборческая эпопея". Нѣкоторыя главы изъ этой книги намъ удалось, въ сильно сокращенномъ видѣ, напечатать въ журналѣ „Образованіе" при полномъ запретѣ цензурой всей книги.

Февральская и октябрьская революціи потребовавшія къ участію въ повседневной работѣ всѣхъ членовъ партіи, конечно, не дали возможности много заниматься литературной работой, почему послѣднія главы этой книги, напечатанныя уже при свѣтѣ революціонной свободы, сильно задержались, чѣмъ и объясняется значительное опозданіе появленія въ свѣтъ этой моей давно задержанной книги.

Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.

Москва 11 мая 1918 г.

Краткія свѣдѣнія о переселеніи духоборцевъ въ Канаду.

Двадцать четвертаго февраля 1898 г. изъ канцеляріи г. тифлисскаго губернатора была выдана духоборцу Ивану Обросимову слѣдующая справка за № 154-ымъ:

„По поводу ходатайства, принесеннаго на Августѣйшее Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны имя, духоборами-постниками, выселенными въ 1895 году изъ Ахалкалакскаго въ другіе уѣзды Тифлисской губ., о сгруппированіи означенныхъ духоборовъ-постниковъ на жительство въ одномъ селеніи съ освобожденіемъ отъ воинской повинности, или же о разрѣшеніи всѣмъ имъ выселиться за границу послѣдовали распоряженія:

1) Освобожденіе ихъ отъ воинской повинности неудовлетворено, и

2) духоборы-постники, за исключеніемъ, конечно, находящихся въ призывномъ возрастѣ и не исполнившихъ воинской повинности, могутъ быть увольняемы за границу при условіи:

а) полученія заграничнаго паспорта въ установленномъ порядкѣ;

б) выѣзда изъ предѣловъ Россіи на собственный счетъ;

в) выдачи при выѣздѣ подписки о невозвращеніи впредь въ предѣлы Имперіи, имѣя въ виду, что въ случаѣ неисполненія сего послѣдняго пункта, виновный подвергается высылкѣ въ отдаленныя мѣстности.

Ходатайство же ихъ о сгруппированіи на жительство въ одномъ селеніи не уважено."

Это официальное разрѣшеніе положило начало громадному передвиженію духоборцевъ.

Выселеніе далеко за океанъ семитысячной массы исконныхъ, предпріимчивыхъ, трудолюбивыхъ, горячо-привязанныхъ къ своей родинѣ русскихъ людей—является чуть ли не первымъ примѣромъ въ лѣтописяхъ русской исторіи и во всякомъ случаѣ единственнымъ по тому изъ ряда вонъ выдающемуся сцѣпленію предшествовавшихъ этому выселенію обстоятельствъ, съ которыми мы надѣемся обстоятельно познакомить нашихъ читателей въ особой книжкѣ.

Получивъ оффиціальное разрѣшеніе на выселеніе, они немедленно обратились къ своимъ друзьямъ, жившимъ въ то время въ Англіи, съ просьбой помочь имъ, какъ въ выборѣ мѣста поселенія, такъ и въ устройствѣ самаго передвиженія. Квакеры, давно интересовавшіеся духоборцами и помогавшіе имъ и прежде, во время разныхъ политическихъ невзгодъ, бушевавшихъ надъ этими родственными имъ по духу людьми, энергично отозвались и на этотъ разъ. Они сейчасъ же организовали въ Лондонѣ „Комитетъ Друзей" (Committee of Friends) и открыли при немъ сборъ пожертвованій для спеціальнаго переселенческаго фонда, предназначеннаго для духоборцевъ.

Л. Н. Толстой, получивъ отъ духоборцевъ то же увѣдомленіе о разрѣшеніи выѣхать, а также и тревожныя

извѣстія объ ихъ состояніи на Кавказѣ, написалъ воззваніе о помощи имъ въ дѣлѣ переселенія. Это воззваніе, переведенное на многіе языки и перепечатанное, въ массѣ газетъ и журналовъ, привлекло еще бо̀льшее вниманіе европейской публики къ духоборцамъ. Черезъ нѣкоторое время „Комитетъ Друзей“ располагалъ уже 20,000 руб., пожертвованныхъ разными людьми спеціально на переселеніе духоборцевъ.

Съ первыхъ же шаговъ „Комитету Друзей“, а также и другимъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ дѣлѣ устройства переселенія духоборцевъ, выяснилось, что безъ активнаго участія представителей отъ духоборцевъ совершенно невозможно разрѣшить нѣкоторые вопросы о мѣстѣ поселенія, выборѣ земель, планѣ всего передвиженія и пр., и пр. Объ этомъ сообщили духоборцамъ на Кавказъ, и въ первыхъ числахъ іюля 1898 года въ Англію прибыли двѣ семьи, отцы которыхъ — Петръ Махортовъ и Иванъ Ивинъ, — были выборными отъ духоборцевъ.

Такъ какъ въ кассѣ комитета еще не было достаточно средствъ, чтобы переселить всѣхъ духоборцевъ большой партіи, напримѣръ, въ Америку, то рѣшено было передвинуть первую партію (3,200 человѣкъ), особенно сильно нуждавшуюся, куда-нибудь въ ближайшія англійскія владѣнія. Англичане предложили островъ Кипръ.

Въ это время отъ духоборцевъ получались весьма тревожныя извѣстія. Такъ 29 мая 1898 г. они писали одному изъ членовъ комитета: „На приглашеніе ваше на островъ Кипръ мы готовы хоть сейчасъ. Списки наши начальствомъ приняты, по которымъ мы должны получить паспорта, и мы рѣшились какъ можно поскорѣе готовиться къ выѣзду. Постарайтесь, милые братья, помочь нашему переѣзду и нашему поселенію, потому

что мы дошли до крайности,—заработковъ у насъ мало, да къ тому же дешевые; хлѣбъ дорогой—пшеничная мука 1 р. 50 к. пудъ, да еще истощены болѣзнями: выйдемъ на работу—силы нѣтъ. Не оставьте насъ своимъ благорасположеніемъ.“

Напряженное чувство ожиданія все болѣе и болѣе усиливалось среди духоборцевъ, и уже 16 іюля, когда еще не было положительно извѣстно, куда двинется первая партія, въ Англіи было получено письмо, въ которомъ говорилось: „Мы продали свое остальное имущество—лошадей и фургоны, чтобы заплатить за паспорта и за проѣздъ по желѣзной дорогѣ до пристани Батумъ съ каждаго человѣка—2 р. 30 к., а съ маленькихъ—половинная цѣна“.

Между тѣмъ первыя свѣдѣнія о Кипрѣ, собранныя въ Англіи, были очень неблагопріятны: климатъ, почва и господствующія тамъ болѣзни наводили многихъ на тяжелыя предчувствія. Получивъ эти свѣдѣнія, „Комитетъ Друзей“ не могъ взять на свою отвѣтственность переселеніе большой массы духоборцевъ на Кипръ, а предложилъ послать туда на пробу 100—200 человѣкъ; но экспериментовъ производить было некогда, такъ какъ пріѣхавшіе въ Англію духоборческіе представители рѣшительно заявили, что ихъ братья больше ждать не могутъ и что многіе готовы взять на руки дѣтей и итти, закрывши глаза, хотя бы въ Турцію. „Лучше переселить ихъ хоть куда-нибудь“, — говорили духоборческіе представители, — „чѣмъ оставлять ихъ дома“. Послѣ такого категорическаго заявленія было рѣшено приступить къ переселенію на Кипръ первой партіи духоборцевъ.

Въ виду этого на Кипръ сейчасъ же отправили для встрѣчи первой партіи пріѣхавшихъ ходоковъ вмѣстѣ съ Д. А. Хилковымъ, при чемъ деньги на эту поѣздку

были даны англичанами, такъ называемыми „перлэйскими колонистами“ (интеллигенты, поселившіеся въ деревнѣ для занятія земледѣльческимъ „хлѣбнымъ трудомъ“).

Ивину и Махортову Кипръ чрезвычайно не понравился, и они, пробывъ тамъ три дня, вернулись въ Англію, давъ телеграмму своимъ братьямъ на Кавказъ, что „Кипръ не годится“. Но было уже поздно, такъ какъ уже отъ 3-го августа 1898 г. въ Англіи была получена телеграмма: „зéмли смотрѣть — времени нѣтъ; если принимаютъ—ѣдемъ; тысяча сто душъ выѣхали въ Батумъ. Стоять не позволяютъ. Телеграфируйте. Потаповъ“. 4-го августа духоборцы телеграфировали: „пароходъ наняли, десять рублей съ человѣка. Нашимъ билетамъ срокъ истекаетъ“ [1]).

Какъ разъ въ это время, совершенно неожиданно, англійское правительство потребовало громадную гарантію—250 рублей за каждаго переселенца-духоборца, мотивируя свое требованіе тѣмъ, что духоборцы—голодный народъ, не имѣющій никакой собственности, и что, англійскому правительству, очень можетъ быть, придется ихъ кормить на свой счетъ. Эта новая задержка вскорѣ была устранена усиленной дѣятельностью нѣкоторыхъ членовъ „Комитета Друзей“. Особенно сильно помогла въ этомъ дѣлѣ энергичная агитація В. Г. Черткова, который, объѣхавъ квакеровъ, быстро собралъ большую сумму денегъ. Прежде всего удалось понизить гарантію съ 250 руб. до 150 руб. съ души; затѣмъ квакеры, воодушевленные агитаціей членовъ комитета, въ нѣсколько дней собрали между собой гарантію въ 100.000 рублей. Ихъ присоединили къ 50.000 руб., находившимся уже

---

[1]) Т.-е. паспортамъ, которые были имъ выданы срокомъ только на три недѣли.

въ переселенческомъ фондѣ комитета. Такимъ образомъ, непредвидѣнная задержка была благополучно устранена, и 7-го августа 1898 г. наступилъ второй историческій моментъ въ дѣлѣ выселенія духоборцевъ изъ Россіи. Именно, въ этотъ день первая партія духоборцевъ, въ количествѣ 1128 человѣкъ, на пароходѣ компаніи „Messagerie Maritime“ — „Duran“,—отплыла изъ Батума въ г. Ларнаку, на островъ Кипръ.

Само собой разумѣется, отъ переселенія на Кипръ остальныхъ, стоявшихъ на первой очереди двухъ слишкомъ тысячъ человѣкъ, — пришлось отказаться за неимѣніемъ наличныхъ средствъ. Эта временная задержка переселенія, какъ оказалось послѣ, была чрезвычайно благопріятна для духоборцевъ, такъ какъ поселеніе на Кипрѣ было очень неудачно: сопровождалось громадными затратами, повальными мѣстными болѣзнями и очень большимъ процентомъ смертности. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на описаніи девятимѣсячнаго пребыванія духоборцевъ на Кипрѣ:—этотъ періодъ ихъ скитальческой жизни будетъ нами описанъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же только приведемъ выдержку изъ письма очевидца объ отъѣздѣ первой партіи духоборцевъ отъ родныхъ береговъ.

Вотъ что писалъ объ этомъ отъѣздѣ своимъ друзьямъ въ Англію Л. А. Суллержицкій:

„...Въ Батумъ я попалъ только въ среду 5-го августа, рано утромъ. По дорогѣ на Тифлисскій вокзалъ встрѣтилъ женщину-духоборку и спросилъ ее, сколько ихъ здѣсь и гдѣ стоятъ. Она указала мнѣ новую пожарную часть, еще не занятую командой; тамъ было около 100 человѣкъ. Тамъ же я видѣлъ Василія Потапова [1]).

---

[1]) Василій Потаповъ—одинъ изъ выдающихся духоборцевъ пользующійся большимъ авторитетомъ среди своихъ братьевъ.

Онъ сообщилъ мнѣ, что ихъ въ Батумѣ 1.128 человѣкъ и что они каждый день ждутъ своего парохода. Расположились они въ Батумѣ не плохо... Всѣ помѣщенія даны были по доброму желанію, изъ сочувствія—безплатно. Многіе были на работахъ поденно по 70, 75 и 80 коп. въ день, какъ женщины, такъ и мужчины...

„...Въ четвергъ утромъ (6 августа) пришелъ пароходъ „Duran", опоздавшій вслѣдствіе нордъ-оста...

„...Въ пятницу стали садиться на пароходъ. Приблизительно въ часъ дня пріѣхалъ полицеймейстеръ; всѣхъ бывшихъ на пароходѣ удалили на берегъ и, осмотрѣвши, чтобы не было никого на пароходѣ лишняго, стали пускать по одному семейству. При входѣ на пароходъ считали число душъ семейства, помѣченное въ проходномъ свидѣтельствѣ этого семейства, а заграничные паспорта передавали не имъ, а таможенному солдату на томъ основаніи, что они, какъ безвозвратные, имѣть ихъ не могутъ. Такъ что паспорта, за которые было взято столько денегъ, были написаны только для того, чтобы перейти отъ полицеймейстера въ таможню, не побывавъ даже въ рукахъ у духоборцевъ.

„Англійскій консулъ далъ имъ списокъ—общее проходное свидѣтельство.

„Когда полицеймейстеръ уѣхалъ, явился еще таможенный чиновникъ и два жандарма, и опять хотѣли считать; начали выкликать, но духоборцы уже размѣстились, кто внизу, кто наверху, и изъ этой переклички выходила только путаница. Тогда хотѣли опять выводить на берегъ и опять считать, но они такъ уже были измучены стояніемъ на жарѣ, пока ихъ пропускали на пароходъ, и голодомъ, и сумятицей, что я обратился къ консулу съ просьбой прекратить это. Упрямый чиновникъ-армянинъ долго не соглашался. Наконецъ, согласился ограничить счетъ только тѣмъ, что, вызвавши

всѣхъ на верхнюю палубу, пересчиталъ просто число душъ, не именуя; такъ и сдѣлали. Все это продолжалось до 6-ти часовъ вечера...

„...Наконецъ, все было кончено; я поцѣловался съ Потаповымъ и другими, кого зналъ поближе, и поспѣшилъ сойти...

„...Сняли сходни и пароходъ медленно отошелъ. Съ палубы махали платками, картузами, а съ берега отвѣчали только четыре человѣка—два духоборца, англійскій консулъ и я. Долго видѣлъ я Потапова, милое, взволнованное, кроткое лицо его. Минута была торжественная. Съ парохода долго было слышно пѣніе псалмовъ. Я былъ взволнованъ, какъ рѣдко, слезы душили меня. Что-то будетъ съ ними?...“

Вскорѣ послѣ отъѣзда первой партіи духоборцевъ на Кипръ, представители ихъ—Ивинъ и Махортовъ, вмѣстѣ съ англичаниномъ Моодомъ и русскимъ Д. А. Хилковымъ—поѣхали въ Америку искать земли въ Канадѣ, гдѣ предполагалось окончательно поселить всѣхъ духоборцевъ. На эту поѣздку деньги были даны тѣми же перлэйскими колонистами.

Успѣхъ этой поѣздки превзошелъ всѣ ожиданія. Англичанинъ А. Моодъ очень умѣло повелъ дѣло, и въ скоромъ времени добился отъ канадскаго правительства громадныхъ льготъ для духоборцевъ. Прежде всего оно гарантировало имъ полную религіозную свободу и совершенно освободило ихъ отъ воинской повинности, въ какой бы то ни было формѣ, подведя духоборцевъ подъ слѣдующую статью законовъ: „Всякое лицо, имѣющее свидѣтельство отъ общинъ квакеровъ, менонитовъ или тункеровъ (Tunkers), а равнымъ образомъ всякій обитатель Канады, какого бы то ни было религіознаго наименованія, подлежащій отбытію воинской повинности, но вслѣдствіе своихъ религіозныхъ

убѣжденій отказывающійся носить оружіе и лично участвовать въ отбытіи воинской повинности, будетъ освобожденъ отъ этой повинности послѣ вынутія жребія какъ въ мирное, такъ и въ военное время подъ такими условіями и при такихъ правилахъ, какія губернаторскій совѣтъ предписываетъ отъ времени до времени" [1]).

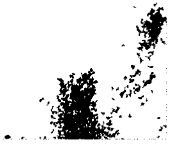
Кромѣ того А. Моодъ просилъ, чтобы ему выдали спеціальный указъ, который ясно формулировалъ бы освобожденіе именно духоборцевъ отъ отбыванія воинской повинности. Товарищъ министра г. Смартъ сказалъ, что въ этомъ хотя и нѣтъ необходимости, такъ какъ общіе законы страны достаточно хороши, но что все-таки духоборцы могутъ получить желаемый указъ.

Желѣзная дорога уменьшила для духоборцевъ перевозочный тарифъ на 50%, при чемъ дѣти до 5-ти лѣтъ могли ѣхать безплатно. Канадское правительство рѣшило выдать духоборцамъ такъ называемый Bonus. Пароходныя компаніи, перевозящія эмигрантовъ въ Канаду, обыкновенно получаютъ съ правительства за каждый билетъ взрослаго человѣка или за два дѣтскихъ—5 долларовъ (около 10 руб.), которые и называются „bonus money". На этотъ разъ правительство должно было выдать эти деньги агентамъ переселенія, а такъ какъ таковыми агентами являлись: Моодъ, какъ представитель „Комитета Друзей", и Ивинъ и Махортовъ, какъ представители духоборцевъ, а также и всѣ тѣ лица, на чье имя будутъ наняты пароходы для переселявшихся духоборцевъ, то образовавшійся по подсчету капиталъ долженъ былъ поступить въ общій переселенческій фондъ.

Принимая же во вниманіе бѣдственное положеніе переселенцевъ, канадское правительство сочло возмож-

---

[1]) Изъ письма А. Моодъ (14 сентября 1898 г.).



нымъ, кромѣ bonus'а, выдать на каждаго человѣка— мужчину, женщину или ребенка — по полтора доллара на душу. Такимъ образомъ получилась довольно почтенная цифра въ 35000 долларовъ (около 70000 р.).

Правительство предоставило неограниченное право безплатнаго проѣзда по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ для осмотра земель пріѣхавшимъ ходокамъ-духоборцамъ, а также Д. А. Хилкову и Мооду. Взяло также на свой счетъ всѣ путевыя издержки этихъ же лицъ при разъѣздахъ для осмотра земель по преріямъ сѣверозападной территоріи Канады. Всѣ лица, сопровождавшія партіи духоборцевъ, пользовались туда и обратно безплатнымъ проѣздомъ по канадскимъ желѣзнымъ дорогамъ.

Налоги на землю правительство обѣщало взыскивать съ духоборцевъ лишь по истеченіи трехъ лѣтъ.

А. Моодъ, уѣзжая изъ Канады, объѣхалъ сѣвероамериканскіе Соединенные Штаты, гдѣ ему удалось привлечь вниманіе общества къ духоборческому движенію. Въ Соединенныхъ Штатахъ сейчасъ же возникли два комитета для оказанія помощи духоборцамъ: одинъ— квакерскій, а другой—состоявшій изъ почитателей Л. Н. Толстого. Тотъ и другой комитетъ своей агитаціей, а также и довольно значительными пожертвованіями, принесли много пользы духоборцамъ.

Въ то время, какъ въ Канадѣ шли дѣятельные переговоры съ правительствомъ объ условіяхъ поселенія духоборцевъ и выбиралась земля для этого поселенія, въ Англію пріѣхали еще два представителя отъ духоборцевъ, Иванъ Обросимовъ и Николай Зибаровъ, которые привезли точныя свѣдѣнія о наличныхъ капиталахъ, имѣющихся у ссыльныхъ духоборцевъ въ ихъ общей кассѣ, а также и всѣ нужныя свѣдѣнія о количествѣ людей готовыхъ къ отъѣзду и пр.

Оказалось, что вторая партія духоборцевъ, которая съ нетерпѣніемъ ожидала своего выѣзда, имѣла общественный капиталъ въ 45000 руб., а расходы на путешествіе и продовольствіе во время пути опредѣлялись суммой въ 88780 руб. Объ этой крупной недостачѣ было сообщено Л. Н. Толстому, который письменно обратился къ знакомымъ и нѣкоторые изъ нихъ щедро откликнулись на его призывъ. Кромѣ того, онъ рѣшилъ докончить давно имъ начатую повѣсть „Воскресеніе", разросшуюся при обработкѣ въ романъ, и предоставить право перваго его появленія въ печати періодическимъ изданіямъ разныхъ странъ съ тѣмъ, чтобы вырученныя такимъ образомъ деньги поступили въ духоборческій переселенческій фондъ [1]).

Въ слѣдующихъ словахъ сообщалъ Левъ Николаевичъ объ этомъ своемъ рѣшеніи В. Г. Черткову: „У меня есть неоконченныя повѣсти „Воскресеніе" и другія. Я послѣднее время занимался ими. Такъ вотъ, я хотѣлъ бы продать ихъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ въ англійскія или американскія газеты и употребить вырученное на переселеніе духоборовъ. Повѣсти эти написаны въ моей старой манерѣ, которую я теперь не одобряю. Если я буду исправлять ихъ, пока останусь доволенъ, я никогда не кончу. Обязавшись же отдать ихъ издателю, я долженъ буду выпустить ихъ tels quels. Такъ случилось со мной съ повѣстью „Казаки": я все не кончалъ

---

[1]) За романъ „Воскресеніе" духоборцы всего получили: отъ русскихъ издателей около 20000 руб. Отъ американскихъ и англійскихъ издателей, согласно отчета A. Moodt (см. „A. Report und Account of the Resurrection fund") — около 16000 р. Отъ остальныхъ заграничныхъ изданій около 10000 р. (Первую и послѣднюю цифры привожу по памяти, за неимѣніемъ сейчасъ подъ руками нужныхъ документовъ, а потому онѣ — приблизительныя).

ее; но тогда проигралъ деньги и для уплаты передалъ (рукопись) въ редакцію журнала. Теперь же случай гораздо болѣе законный. Повѣсти же сами по себѣ, если и не удовлетворяютъ теперешнимъ требованіямъ моимъ отъ искусства,—не общедоступны по формѣ,—то по содержанію не вредны и даже могутъ быть полезны людямъ. И потому думаю, что хорошо, продавъ ихъ какъ можно дороже, напечатать теперь, не дожидаясь моей смерти, и передать деньги въ комитетъ для переселенія духоборовъ.“

Въ непродолжительномъ времени отъ Л. Н. Толстого было получено, собранные имъ и полученные за романъ „Воскресеніе“, для второй партіи 32360 рублей. Перлэйскіе колонисты пожертвовали 9700 рублей, да квакеры выдали изъ комитета 1700 рублей, и, такимъ образомъ, передвиженіе второй партіи было обезпечено. Какъ разъ къ этому времени былъ зафрахтованъ океанскій пароходъ „Lake Huron“, который и отправился 30 ноября новаго стиля 1898 г. изъ Ливерпуля въ Батумъ, гдѣ его прихода такъ страстно ожидали истомившіеся духоборцы, которые всю осень бомбардировали своихъ англійскихъ друзей весьма тревожными письмами.

Такъ отъ 22 августа 1898 г. они писали:

Село Скра.

„...Зимовать намъ не причемъ: 1) Лошадей и фургоновъ нѣтъ, пораспродано. 2) Къ желѣзной дорогѣ всѣ собраны — по квартирамъ очень тѣсно, плата дорогая, заработка нѣтъ. 3) За паспорта деньги уплачены, въ ожиданіи своей очереди къ движенію...

...Еще, дорогіе братья, скажемъ вамъ о грубомъ обращеніи правительства и вообще всѣхъ жителей.

Въ Душетскомъ уѣздѣ 20 августа случилось ужасное

дѣло: наши братья ходили на работу — одинъ мужчина и пять женщинъ къ кн. Мухранскому. По окончаніи работы управляющій того же хозяина отобралъ у нихъ грабли (онъ полагалъ, что они будутъ обороняться), расчиталъ ихъ за поденную работу. Они отправились, но при выходѣ изъ сада, у воротъ, встрѣтили ихъ четыре вооруженныхъ грузина; вмигъ схватили они одну дѣвушку, которая отъ страха громко закричала. Мужчина обратился защищать ее, но вдругъ раздался выстрѣлъ прямо въ лицо этому защитнику. Конечно, пока тотъ пришелъ въ себя, дѣвушку унесли въ тотъ же садъ. Мужчина этотъ вскричалъ очень громко, такъ что услыхали наши братья на мѣстѣ жительства (на разстояніи полторы версты). Всѣ бросились туда бѣжать—мужчины и женщины. Прибѣжавъ, начали искать въ саду и въ окружности сада и вездѣ по лѣсу, и такъ за всю ночь не могли отыскать.

По утру эти разбойники ее отпустили. Платье на ней оказалось все изорванное въ клочки... Такое беззаконіе непереносимо. Обращались мы къ русскимъ властямъ и приставу, но они не вняли нашей просьбѣ..."

Изъ того же селенія отъ 4-го сентября 1898 года писали:

„...Мы, истомившись ожиданіемъ и тѣснотою по квартирамъ, думаемъ, какъ бы намъ возможно было тронуться хоть въ ближайшее мѣсто, напримѣръ, въ Турцію на зимовку. А послѣ зимовки, можетъ, Господь и добрые люди помогутъ средствами, чтобы намъ всѣмъ переѣхать въ Канаду на постоянное жительство."

Подобныя письма, ясно опредѣлявшія настроеніе духоборцевъ, получались въ Англіи очень часто и „Комитету Друзей" пришлось торопиться.

6 (18) декабря океанскій пароходъ „Lake Huron" былъ уже въ Батумѣ, а 10 (22) декабря духоборцы уже отчалили отъ батумскихъ береговъ.

Первая партія духоборцевъ была снабжена батумскимъ англійскимъ консуломъ слѣдующимъ „проходнымъ свидѣтельствомъ“:

„Свидѣтельство сіе выдано Великобританскимъ въ Батумѣ консульствомъ въ томъ, что сего числа получена изъ Оттавы телеграмма отъ Канадскаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, которая разрѣшаетъ переселиться въ Канаду (2200) двумъ тысячами двѣсти человѣкамъ духоборцевъ. Переговоры относительно переселенія остальныхъ духоборцевъ въ настоящее время ведутся съ Канадскимъ правительствомъ въ чемъ подписью и приложеніемъ консульской печати свидѣтельствую. Великобританское Консульство въ Батумѣ 26 сентября (8 октября) 1898 г. П. Стивенсъ, Консулъ Ея Величества.“

Въ нашемъ распоряженіи имѣется рукопись — дневникъ духоборца Семена Рыбина, ѣхавшаго со второй партіей [1]); рукопись эта названа имъ „Краткое описаніе“ [2]).

Предоставимъ здѣсь самому очевидцу-духоборцу разсказать о своемъ путешествіи.

„...Съ великой радостью,—пишетъ Семенъ Рыбинъ,— дождались мы ожидаемаго нами выѣзда за границу. Получили паспорта, за которые было уплачено за каждый по 10 рублей, т.-е. на каждое семейство паспортъ. 28-го ноября стали выбираться изъ своихъ жилищъ, а 29-го прибыли вагоны, на которыхъ нужно намъ было отъѣзжать; внесли плату за желѣзную дорогу до Батума 1092 рубля за 600 душъ, считая съ дѣтьми и багажемъ; выѣхали въ 5 часовъ вечера, оставивъ привычную намъ страну русской имперіи, а также попрощались съ зна-

---

[1]) Первой мы считаемъ ту, которая уѣхала на островъ Кипръ.

[2]) Изъ матеріаловъ о духоборцахъ, собранныхъ авторомъ этой книги въ Канадѣ.

комцами, которые сильно жалѣли о нашемъ выѣздѣ. Отправились изъ мѣстечка Скра въ Батумъ. Въ Батумъ прибыли въ 12 часовъ дня, такъ что почти весь путь продолжали ночью...

„...При отъѣздѣ изъ Россіи власти оставили всѣхъ принадлежащихъ къ призыву, которыхъ черезъ два дня отпустили, а одного не пустили, — Григорія Маркина,— которому досталось на военную службу. Въ прочихъ уѣздахъ призывныхъ совсѣмъ не пустили, и они остались въ неизвѣстности. Доѣхавъ до Батума, насъ немедленно придвинули къ пристани, гдѣ были приготовлены мѣста для расположенія, и всѣ разгрузились благополучно. Помѣщенія были хорошія, было сухо и тепло. Всѣ эти помѣщенія даны для всѣхъ переселенцевъ-духоборцевъ даромъ. Такъ прожили мы въ Батумѣ 10 дней, и все было хорошо и радостно; ожидали парохода, и когда выходили смотрѣть, какъ волнуется Черное море, и очень ужасно было. И вотъ 6-го декабря прибылъ пароходъ, который называли быстроходный (Lake Huron), величиною въ длину 70 саженъ и 7 саженъ ширины. И всѣ 2000 слишкомъ душъ погрузились на него (нагрузка была ночью). 10-го декабря приходили для повѣрки душъ полицмейстеръ и прочіе чиновники. Они тоже очень жалѣли о насъ, потому что они не предполагали этого переселенія. Весь нашъ народъ прощался съ властями; потомъ всѣ поклонились въ землю, отдавая поклонъ родной землѣ. Кругомъ было слишкомъ много посторонняго народа, и они не могли смотрѣть отъ жалости; нѣкоторые даже плакали. Потомъ стали пропускать каждое семейство, одно за другимъ, и считали по свидѣтельствамъ каждаго, чтобы не пустить заграницу лишняго. Также осматривали и доктора—нѣтъ ли больныхъ, и признали болѣзнь у двухъ человѣкъ, чрезъ которыхъ вынуждены были остаться и ихъ семейства;

да еще остались Карскіе разселенные, которыхъ отпустили, человѣкъ 30.

„И вотъ 10-го декабря, въ 3 часа пополудни нашъ пароходъ сталъ отходить. Во время отхода народъ весь былъ на палубахъ, и было очень жалко разставаться съ остальными братьями, которые кланялись въ ноги до земли и не могли терпѣть, глядя на свой народъ, который съ грустной радостью отъѣзжалъ. Оставшіеся сильно тосковали и передавали слезовой поклонъ. По отъѣздѣ отъ пристани на нашемъ пароходѣ били ракеты такъ громко, какъ изъ орудій, и мы отправились въ путь-дорогу. Итакъ, путешествіе наше началось. Въ тотъ день, когда отъѣхали, погода была очень хорошая, и море стояло совершенно спокойное, такъ что нашъ пароходъ совсѣмъ не шатало; весь народъ радостно смотрѣлъ на быстрый ходъ парохода. По прошествіи ночи, въ 8 часовъ утра поднялся очень сильный вѣтеръ. Море сильно взволновалось, и образовалась ужасная качка. Народъ, не видѣвшій отъ роду морского путешествія, началъ сильно рвать, а нѣкоторые даже лишились своихъ чувствъ; путь имъ казался слишкомъ трудный. Такъ продолжалось весь день, т.-е. 11-го декабря и всю ночь. 12-го декабря качка нисколько не прекращалась, но народъ уже немного обвыкъ и не сталъ такъ рвать; но такихъ было еще очень мало. 13-го декабря, въ 2 часа пополудни мы прибыли въ Турцію, въ городъ Константинополь—всѣ были благополучны...

„...Въ Константинополѣ мы стояли слишкомъ сутки. 14-го декабря въ 7 часовъ 30 минутъ отправились дальше. Погода была очень хорошая...

„23-го декабря мы прибыли въ проливъ, который слѣдуетъ изъ Средиземнаго моря въ Атлантическій океанъ... Мы безъ остановки отправились по океану дальше,

и все было благополучно... Въ океанѣ сильныя волны, и пароходъ бросаетъ во всѣ стороны...

„26-го весь день очень сильно гуляла волна и становилась все сильнѣе и сильнѣе. 27-го декабря стало такъ сильно волноваться, что волны были выше парохода, и пароходъ сильно заплескивало. Въ этотъ же день случилось двумъ мужчинамъ пойти къ кормѣ парохода и любоваться на сильныя волны, какъ онѣ сливаются высокими горами; но онѣ,—эти волны,—полюбили ихъ по-своему: моментально хлынули на пароходъ и такъ сильно, что сбили обоихъ съ ногъ долой, и у одного унесли шапку въ море и немного ранили отъ сильнаго удара. Вообще, сегодня очень сильно бросало нашъ „Лейкъ Гуронъ“, какъ малаго ребенка, но народъ нисколько не рвалъ, потому что уже привыкъ... 30-го декбря было то же самое... Волны сливались высокими горами и заплескивали на самую верхнюю палубу, а потомъ разливались по трюмамъ, и нѣкоторыхъ смачивало съ головы до ногъ. Вдобавокъ, это иногда случалось во время спусканія нѣкоторыхъ въ трюмъ; и когда онъ или она сходитъ по лѣстницѣ, то вдругъ дѣлается такой наклонъ, что сходящій не можетъ удержаться за перила лѣстницы и падаетъ, куда попадетъ и убивается до полусмерти. И все это вѣрно. Вечеромъ уже въ сумеркахъ, сего же 30-го декабря похоронили одну старую женщину [1]). Когда спускали покойницу, пароходъ остановился. Его только переворачивало волной, былъ туманъ и вѣтеръ. И такъ вотъ спустили ее въ сильныя волны,

[1]) Умершіе были и ранѣе этого числа, о чемъ всегда упоминаетъ авторъ этого дневника въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ. Мы выпустили изъ дневника всѣ тѣ мѣста, гдѣ авторъ вдается въ подробныя описанія мѣстностей, состоянія погоды и пр., и пр. Выпустили также и упоминанія о каждомъ умершемъ. На пароходѣ всего умерло 10 человѣкъ. *Прим. В. Б. Б.*

которыя похоронили ее. Да еще померла одна дѣвочка, которую похоронили 31-го декабря. 2-го января 1899 года померла дѣвочка, которую спустили въ море, а также еще 3-го января спустили мальчика, который умеръ вскорѣ послѣ дѣвочки.

„Очень жалко и ужасно смотрѣть, какъ усопшаго бросаютъ прямо въ море и отдаютъ плоть во власть сильныхъ волнъ, которыя не допускаютъ плоть до дна, а бросаютъ его во всѣ стороны. Но на все это воля Бога.

„8 января утромъ увидѣли берегъ Америки, который издалека былъ виденъ; всѣ съ радости не знали, что дѣлать; всѣ говорятъ другъ другу: „Берегъ!.. Берегъ!.. Пріѣхали!.. Пріѣхали!..“ Эта радость могла даже поднять нѣкоторыхъ съ постели, которые болѣли всю дорогу отъ качки.

„Мы прибыли въ городъ Галифаксъ, гдѣ былъ карантинъ, въ которомъ и обслѣдовали нашъ пароходъ. Мѣстность здѣсь въ высшей степени прекрасная; вездѣ по берегамъ и въ поляхъ огромные лѣса, и все болѣе сосна. Здѣсь на ночь мы пристали въ бухту, которая была отъ города версты двѣ. Бухта эта около небольшого острова, и народъ выходилъ въ бухту, и очень всѣ рады хорошему прибытію. Здѣсь насъ встрѣтили братья англичане квакеры, также Хилковъ и Ивинъ, хозяева парохода, министръ Канады и прочіе чиновники, которые радостно принимали насъ и благословляли жить за братьевъ, на радость всѣмъ. Квакеры даже служили богомолебныя обѣдни. Мы переночевали здѣсь. Поутру пріѣхала комиссія, которая пропускала по одному въ бухту, на берегъ. Смотрѣли больныхъ. Оказалась больной только одна дѣвочка, черезъ которую должны были остаться отецъ и мать; ихъ сейчасъ же отправили въ Галифаксъ для излѣченія. Остальнымъ позволили итти

по острову, кто куда желаетъ; и мы ходили почти весь день и любовались на прекрасную страну, на зеленые лѣса, англійскія жилища, а также осмотрѣли и работы, которыя производились для завода; и всѣмъ было хорошо и радостно, и такъ весь день 9-го января. По прошествіи ночи, 10-го января отправились по океану; погода была очень хорошая и океанъ спокоенъ. Сейчасъ съ нами ѣдутъ всѣ вышеупомянутые квакеры. Въ Галифаксѣ они подавали милость. Весь день ѣхали по океану, а по прошествіи ночи мы прибыли уже на пристань, т.-е. 11-го января. Когда стало видно съ пристани нашъ пароходъ, то множество легкихъ пароходовъ выѣзжало къ намъ на встрѣчу. И вотъ, пристань становилась все ближе и ближе, а затѣмъ на нашемъ пароходѣ били ракеты, какъ и въ Батумѣ, при отъѣздѣ, даже нѣсколько разъ, и вотъ уже стало видно берегъ, и нигдѣ земли не видно, даже на водѣ — все было заплѣнено толпами народа, который вышелъ встрѣчать насъ. Было народу такъ много, что и сказать нельзя. Всѣ громко кричали: ура! (по-англійски), и радостно поднимали руки вверхъ, и хлопали, и махали бѣлыми платочками (это они дѣлаютъ во время великой радости).— Вотъ ужъ подошелъ нашъ пароходъ, и народъ хлынулъ къ намъ и началъ здороваться и дарить насъ, а нѣкоторые становили лѣстницы, по которымъ мы должны были сходить. Боже мой, какой народъ! Высокій, чистый и очень прекрасно убранный, и такъ странно смотрѣть на его одежду и прикоснуться къ нему. Но онъ берется за наши вещи и тащитъ, помогаетъ намъ, старается угодить намъ несмотря на то, что вещи не такъ чисты, и не интересуется собой, какъ какой-либо русскій.

„Насъ еще раньше распредѣлили на пять городовъ для зимовки, и мы, дѣйствительно, должны были отправляться на пять поѣздовъ, а именно: 1) Богданов-

скіе—въ городъ Виннипегъ; 2) Троицкіе—въ гор. Портажъ-ла-Прери; 3) Тамбовскіе — въ гор. Іорктонъ; 4) Орловскіе—въ гор. Брандонъ; и мы, Михайловскіе со Спассовскими—въ гор. Дофинъ. Съ первымъ поѣздомъ ѣдутъ въ Виннипегъ, и они начали сходить съ парохода и нагружаться на поѣзда. И здѣсь вездѣ запружено народомъ, такъ что только пройти можно по одному человѣку; всѣ смотрѣли на насъ и разговаривали, но мы ничего не могли понять, а барыни, т.-е. ихнія женщины, каждому, лѣтъ до пятнадцати, дарили разные гостинцы. Это уже было долго, ночью. И вотъ одни за другими поуѣхали и дошла очередь до насъ. Мы—на пятый поѣздъ, т.-е. достальной, а они,—народы провожали насъ до послѣдняго.

Мы взошли на американскій поѣздъ, который оказался очень красивый, такъ что на такихъ поѣздахъ въ Россіи ѣздятъ только въ первомъ классѣ. 12-го января отправились по желѣзной дорогѣ въ Канаду. Всѣ наши очень удивлялись, какъ это мы могли удостоиться такой встрѣчи и привѣта, и всѣ сердечно благодарили Господа Бога и всѣхъ добрыхъ людей. Мы ѣхали весь день. Ѣзда такъ хороша, что и сказать нельзя. Боже мой, какіе вагоны даны для насъ, которыхъ мы и видѣть не полагали! Какая пища!—Такую мы отъ роду не ѣдали: хлѣбъ, какъ снѣгъ бѣлый, и все остальное очень хорошо.

„Поѣзда ходятъ здѣсь гораздо шибче, чѣмъ въ Россіи. По дорогѣ было много городовъ, и вездѣ было масса народа, который выходилъ къ поѣзду, и всѣ обращались очень вѣжливо и хорошо. По всему пути мы съ удивленіемъ смотрѣли на прекрасную страну. Страна очень хорошая, хотя земли не видно,—есть маленькій снѣгъ, но вездѣ очень хорошо тѣмъ, что повсюду огромные лѣса́ и чистыя поля; земля—ровнота, но есть и

пологая, гороватая, но болѣе всего лѣсъ. По пути вездѣ встрѣчаются селенія; всѣмъ жить просторно, и всѣ живутъ хорошо. Здѣсь простого, свободнаго человѣка не отличить по одеждѣ отъ чиновника, потому что всѣ одѣты одинаково: слишкомъ чисто, а эполетъ и игрушекъ на себя не цѣпляютъ, какъ русскіе, потому что всѣ работаютъ одинаково. Путь продолжали до 15 января; все было благополучно и хорошо, но климатъ становился все жестче. И вотъ, 16 января, или по-англійски 28, вечеромъ мы прибыли до назначеннаго мѣста,—городъ Дофинъ, гдѣ тоже были встрѣчены хорошо. Сгрузились въ помѣщенія, которыя были раньше приготовлены. Помѣщенія даны очень хорошія: тепло, сухо, но маленько тѣсно. Жить здѣсь хорошо, но городъ слишкомъ малъ и работы совсѣмъ нѣтъ. Погода хороша, но и морозъ тоже хорошій—американскій. Пища всюду хороша... Какъ за все благодарить Господа и добрыхъ людей, то и сказать нельзя. Живемъ хорошо, и такъ всѣ дни до 2 февраля на англійскій счетъ.

„Сейчасъ наши уже собираются ѣхать на свою землю, готовить лѣсъ для постройки своихъ домовъ."

Какъ уже видно изъ этого дневника, канадскій народъ съ радостью встрѣтилъ вновь прибывшихъ переселенцевъ. Но кромѣ того, мы считаемъ необходимымъ отмѣтить здѣсь нѣкоторыя рѣчи и привѣтствія, съ которыми обратились къ духоборцамъ представители канадскаго народа.

„Монтреальскій совѣтъ женщинъ" привѣтствовалъ первую партію, прибывшую въ Канаду слѣдующимъ открытымъ письмомъ, которое было прочитано представительницей Комитета „Совѣта" г-жей О. Коксъ въ присутствіи другой депутатки отъ совѣта—Генріеты Морганъ:

„Добро пожаловать въ Монтреаль и Канаду,—такъ

начиналось письмо.—Мы надѣемся, что вы скоро обживетесь между нами и живя занятой и счастливой жизнью скоро забудете тѣ несчастія и то горе, которыя вамъ пришлось испытать.

„Канада хорошая и подходящая страна для тѣхъ, кто любитъ трудъ и свободу. Протягивая вамъ братскую руку и привѣтствуя васъ, мы въ то же время надѣемся, что вы поможете намъ въ трудѣ сооруженія великаго государства. Монтреаль, 24 января 1899 г.“

Канадскіе рабочіе прислали отъ себя представителя м-ра Буллера, произнесшаго весьма живую и очень прочувствованную рѣчь.

„Я былъ избранъ рабочимъ обществомъ,—такъ началъ свою рѣчь г. Буллеръ,—для того, чтобы привѣтствовать ваше прибытіе въ Канаду. Съ чувствомъ искренней радости я исполняю это порученіе. Вы являетесь не только наиболѣе желательными переселенцами, но болѣе того—приносите съ собой нѣчто болѣе необходимое, ибо вы представляете людей твердо стоящихъ за свои убѣжденія, какихъ бы страданій вамъ это ни стоило. Вашъ благородный отказъ употреблять оружіе, ваша благородная рѣшимость сдѣлаться, ради своихъ убѣжденій, изгнанниками изъ родной земли явятся вмѣстѣ съ тѣмъ поддержкой всякому доброму начинанію и въ самой Канадѣ. Никогда въ моей жизни я не былъ свидѣтелемъ болѣе трогательнаго зрѣлища, какое пришлось мнѣ увидать сегодня: 2.000 изгнанниковъ изъ Россіи, входящихъ въ новый міръ черезъ портъ, каждая выдающаяся точка котораго увѣнчана мрачнымъ военнымъ укрѣпленіемъ или бастіономъ. Но несмотря на это, я надѣюсь, что миру также предстоитъ побѣда, и что та же благородная сила, которая заставила васъ сложить оружіе въ Европѣ, разрушитъ и грозныя укрѣпленія въ Галифаксѣ. Я провелъ на пароходѣ лишь нѣ-

сколько минутъ, но я видѣлъ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что канадское правительство не сдѣлало ошибки, пригласивъ васъ поселиться въ Канадѣ. Вы принадлежите къ одной изъ тѣхъ великихъ сѣверныхъ расъ, въ которыхъ такъ нуждается эта страна; между ними русскіе отличаются своею способностью къ промышленной организаціи и артельной жизни и могутъ въ этомъ отношеніи дать урокъ даже такой передовой странѣ, какъ Канада...

„...Имя вашего покровителя и друга, графа Толстого, пользуется въ Канадѣ такой же широкой извѣстностью, какъ и въ Россіи, и я смѣю выразить надежду, что, можетъ быть, черезъ пятнадцать-двадцать лѣтъ одинъ изъ этихъ мальчиковъ, слушающихъ теперь меня, займетъ, подобно Толстому, съ честью для его страны одинъ изъ троновъ литературнаго міра. Отъ имени рабочихъ этой страны я привѣтствую васъ на почвѣ Канады и желаю вамъ успѣха."

Одинъ изъ корреспондентовъ слѣдующимъ образомъ описываетъ духоборцевъ:

„Духоборцы являются характерными представителями чисто-русскаго типа, могучаго и сильнаго; мужчины и женщины поражаютъ своимъ физическимъ развитіемъ. Отличительныя черты ихъ: широкія, четырехугольныя плечи и мощныя фигуры, отличающіяся здоровой массивностью. Черты лица у нихъ рѣзкія, но вмѣстѣ съ тѣмъ облагороженныя и свидѣтельствующія о томъ, что ихъ обладатели не знакомы съ порочной жизнью. Духоборцы носятъ усы, но сбриваютъ бороду. Волосы у нихъ коротко острижены, за исключеніемъ одной пряди, спускающейся на широкій, открытый лобъ. Но наиболѣе отличительная черта ихъ всѣхъ, это—свѣтлое и привѣтливое выраженіе глазъ, придающее привлекательность ихъ лицамъ и быстро возбуждающее довѣріе

къ нимъ. Всѣ ихъ привычки свидѣтельствуютъ о томъ, что они обладаютъ проницательнымъ умомъ, который, благодаря самому роду занятій ихъ, не достигъ еще той степени развитія, которая могла бы служить показателемъ ихъ дѣйствительныхъ способностей. Во всякомъ случаѣ они обладаютъ такими качествами, которыя рѣдко встрѣчаются у переселенцевъ: — трудолюбіемъ, бережливостью, чистотой и высокой нравственностью, словомъ, переселенцы такого рода чрезвычайно желательны.“

„Физіономіи переселенцевъ обоего пола, — пишетъ другой корреспондентъ,—какъ молодыхъ, такъ и стариковъ, очень интеллигентны и оживленны. Трудно найти что-либо несимпатичное въ обычаяхъ новыхъ переселенцевъ. Они такъ же опрятны, какъ и благочестивы, и, очевидно, считаютъ опрятность одной изъ необходимыхъ добродѣтелей. Чистота парохода, переплывшаго Атлантическій океанъ, совершившаго около 5.000 миль пути, имѣя 2.000 пассажировъ, пробывшихъ около мѣсяца на суднѣ, является краснорѣчивымъ доказательствомъ желательности подобныхъ переселенцевъ для Канады. Палуба „Lake Hurona“ блистала такой чистотой, что безъ преувеличенія могла бы служить обѣденнымъ столомъ. Когда чиновники взошли на пароходъ въ Галифаксѣ, первое ихъ восклицаніе было: „Какая чистота на пароходѣ!“ То же повторилось и въ St. John'ѣ, и эта похвала чистотѣ парохода можетъ быть съ равнымъ успѣхомъ приложена и къ самимъ переселенцамъ, поражающимъ всѣхъ своей опрятностью и оригинальностью костюмовъ.“

Говоря о пріемѣ, какой встрѣтили духоборцы при пріѣздѣ въ Канаду, необходимо упомянуть о той заботливости и предупредительности, съ какой были организованы спеціальные поѣзда для духоборцевъ. Одинъ

изъ корреспондентовъ канадскихъ газетъ, осматривавшій эти поѣзда, пишетъ: „Поѣздъ, въ которомъ поѣдутъ духоборцы, состоитъ изъ выкрашенныхъ заново, чрезвычайно удобныхъ и изящныхъ вагоновъ со всѣми необходимыми приспособленіями. Для духоборцевъ заранѣе была заготовлена провизія (въ каждомъ поѣздѣ есть спеціальный вагонъ-складъ, въ которомъ находятся: 100 фунтовъ сыра, 12 фунтовъ чаю, бочка сахару, 50 кусковъ мыла, 16 галлоновъ молока, 500 хлѣбовъ и 10 фунтовъ соли). Въ Оттавѣ запасъ провизіи будетъ возобновленъ. Кромѣ того, въ каждомъ поѣздѣ будетъ находиться: два чана и двѣ полубочки съ питьевой водой, 14 дюжинъ чайныхъ ложекъ, 5 дюжинъ чашекъ, 14 дюжинъ тарелокъ, 5 различныхъ сковородокъ, два сырныхъ ножа, 5 сосудовъ для варки кофе, ящикъ спичекъ, два ведра, два мѣшка, двѣ метлы, столъ, пачка гвоздей, топоръ, ножъ для расколки сахара, пачка оберточной бумаги и 25 ярдовъ полотенецъ. Отмѣчаемъ всѣ эти мелочи, ибо они свидѣтельствуютъ о той заботливости, какую проявило канадское правительтво по отношенію къ малѣйшимъ нуждамъ своихъ новыхъ согражданъ...

„... Въ заключеніе нашей замѣтки, — говоритъ тотъ же корреспондентъ, — можемъ лишь сказать, что никогда канадскій народъ и канадское правительство не встрѣчали переселенцевъ такъ охотно и такъ сердечно.“

Слѣдующая, третья партія духоборцевъ отчалила отъ Батума на пароходѣ „Lake Superior“ 22 декабря (3 января) утромъ и прибыла въ Галифаксъ 27 января нов. стил. 1909 г. Эту партію сопровождалъ сынъ Л. Н. Толстого— Сергѣй Львовичъ Толстой; тутъ же ѣхали фельдшерица Е. Д. Хирьякова и ея помощница. Первую половину пути онъ шелъ подъ легкимъ вѣтромъ и при ясной погодѣ, но вторую часть пути сопровождали сильные

вѣтры и бури. Во время пути родился мальчикъ и умерло двѣ женщины и дѣвочка 7 мѣсяцевъ, заболѣвшая натуральной оспой. Другихъ случаевъ заболѣванія оспой не было. По прибытіи въ Галифаксъ пароходъ былъ поставленъ въ карантинъ на 24 дня, послѣ чего и эта партія отправилась на мѣсто зимовки. На „Lake Superior" пріѣхало 1.700 человѣкъ. Расходъ по переѣзду этой партіи былъ покрытъ изъ запаснаго общественнаго капитала, сохранившагося у этихъ духоборцевъ. На этомъ пароходѣ, между прочими, ѣхало 600 человѣкъ карскихъ духоборцевъ, которые имѣли возможность внести въ общій капиталъ довольно значительную сумму денегъ.

Къ веснѣ (1899 г.) представилась возможность перевезти и Кипрскихъ духоборцевъ въ Канаду. Двѣ русскія женщины—П. Н. и А. Н. Шараповы дали для этой цѣли 20.000 руб., а остальную сумму доплатили квакеры. 7 мая на пароходѣ „Lake Superior" въ Квебекъ прибыло 1.020 кипрскихъ духоборцевъ; сто восемь человѣкъ они оставили на кладбищахъ Кипра. Въ дорогѣ у нихъ умеръ только одинъ старикъ и родился одинъ мальчикъ. Этотъ пароходъ сопровождалъ Л. А. Суллержицкій и въ качествѣ фельдшерицы—А. А. Сацъ.

Въ это же время пароходъ „Lake Huron" везъ изъ Батума послѣднюю (четвертую) партію карскихъ духоборцевъ—2.318 человѣкъ, которые ѣхали вполнѣ на свой счетъ.

Эти послѣднія партіи духоборцевъ, которую сопровождали А. Н. Коншинъ и пишущій эти строки, В. Д. Бончъ-Бруевичъ; въ качествѣ врача ѣхала В. М. Величкина. Фельдшерицей была Е. Д. Хирьякова. На этотъ разъ этотъ океанскій пароходъ принялъ на свой бортъ 2.318 человѣкъ, среди которыхъ было много старыхъ, слабыхъ, больныхъ, такъ какъ всѣ предыдущія партіи

оставляли до весны многихъ тѣхъ изъ своихъ братьевъ и сестеръ, которымъ зимнее путешествіе было не подъ силу.

Въ іюлѣ пріѣхало изъ Россіи еще 52 духоборца, которые не могли уѣхать съ послѣднимъ пароходомъ, потому что въ ихъ семьяхъ были заразные больные.

Такимъ образомъ, къ августу мѣсяцу 1899 года на сѣверо-западѣ Канады уже находилось всего 7.160 духоборцевъ, которые, размѣстившись въ различныхъ участкахъ, частью дѣятельно принялись за свою привычную домашнюю и полевую работу, спѣша хоть какъ-нибудь приготовиться къ предстоящей зимовкѣ на новыхъ мѣстахъ, частью же,—почти все взрослое мужское населеніе,—разбрелись во всѣ стороны западной Канады, производя всевозможныя полевыя, землекопныя и желѣзнодорожныя работы и тѣмъ зарабатывая себѣ и семьямъ своимъ скудное пропитаніе.

Вскорѣ послѣ прибытія первой двухтысячной партіи духоборцевъ въ Канаду, 150 изъ нихъ, подъ руководствомъ опытныхъ и знающихъ мѣстность англичанъ, съ переводчиками и землемѣромъ, отправились въ сѣверозападныя преріи. Выбравъ наиболѣе подходящіе пункты, артели духоборцевъ и англичанъ-плотниковъ сейчасъ же принялись строить громадные сараи-блокгаузы, куда предполагалось по веснѣ передвинуть всѣхъ прибывшихъ духоборцевъ съ ихъ багажемъ и провіантомъ.

На первое время такихъ центральныхъ пунктовъ было выбрано два: одинъ на берегу Swan-River'a (Лебяжья рѣка), недалеко отъ впаденія въ нее Bear's head Creek (Медвѣжья рѣчка), а другой на берегу Dead horse Creek (ручей, впадающій въ рѣку Assiniboine). Въ этихъ-то сараяхъ и жили почти до половины лѣта первыя четыре тысячи духоборцевъ—двѣ партіи, пріѣхавшія на пароходахъ „Lake Huron" и „Lake Superior". Отсюда они мало-по-малу разселились на мѣста своего новаго

поселенія, предварительно тщательно осмотрѣвъ выбранные участки.

Всѣ прибывшіе въ Канаду духоборцы поселились въ двухъ районахъ: большая часть, около 5.800 человѣкъ, осѣли въ провинціи Assiniboia, въ стоверстномъ пространствѣ между городами Iorkton и Swan-River [1]) и меньшая часть, около 1.400 человѣкъ, проѣхала еще далѣе на сѣверо-западъ и поселились по рѣкѣ Сѣверный Саскачеванъ, въ Принцъ-Альбертовскомъ округѣ.

Іорктонскія духоборческія поселенія раздѣляются на двѣ неравныя группы, которыя называются, по своему мѣстоположенію, сѣверной и южной колоніей. Сѣверная колонія находится ближе къ городу Swan-River, южная—къ Iorkton'у. Оба города лежатъ на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, которые тоже впослѣдствіи были соединены между собой желѣзной дорогой, которая прорѣзала большинство духоборческихъ земель этого района съ юга на сѣверъ.

Подробное описаніе жизни и дѣятельности духоборцевъ въ Канадѣ, въ первые годы ихъ поселенія тамъ, читатель найдетъ въ слѣдующихъ главахъ этой книги. Давъ предварительныя краткія свѣдѣнія объ обстоятельствахъ сопуствовавшихъ переселенію, мы остановимся далѣе какъ на переселеніи четвертой партіи духоборцевъ, съ которой намъ пришлось путешествовать, такъ и на жизни всей духоборческой общины въ Канадѣ. Исторія-же духоборческаго движенія и протеста, предшествовавшихъ заключительной главѣ этой народной трагедіи, не затрагивается нами здѣсь: ея описаніе и изслѣдованіе будетъ дано нами въ особой книгѣ.

Самъ городъ Swan-River лежитъ въ сосѣдней провинціи Manitoba.

Съ четвертой партіей духоборцевъ въ Канаду.

I.

Отъѣздъ изъ Англіи.

Нашъ пароходъ „Lake Huron“ отвалилъ отъ береговъ Англіи, и мы [1]), имѣя на борту около ста человѣкъ команды, направились въ Константинополь, а оттуда въ Батумъ, чтобы тамъ забрать послѣднюю партію духоборцевъ и переправить ихъ въ Канаду.

Майскіе, свѣтлые, свѣжіе дни благопріятствовали намъ, и мы ѣхали зачарованные неописуемыми прелестями океана... Время шло быстро. Спокойно дошли мы до Гибралтара. Вотъ и Средиземное море, то туманное, то ослѣпительно яркое. Наконецъ мы въ Архипелагѣ. Подъѣзжаемъ къ Дарданелламъ. Полнымъ ходомъ шелъ нашъ испытанный громадный океанскій грузовикъ, и капитанъ, словно не зная (а онъ здѣсь уже былъ не менѣе двадцати разъ), не уменьшалъ хода.

— Пусть турки побезпокоятся или, можетъ быть, проспятъ,—шутилъ онъ, спускаясь съ капитанскаго мостика...

---

[1]) Кромѣ меня изъ Англіи на пароходѣ „Lake Huron“ ѣхали еще двое русскихъ: женщина-врачъ В. М. Величкина и юноша Александръ Бодянскій, пожелавшій поселиться въ Канадѣ.

Уже смеркалось...

Черезъ нѣкоторое время вонъ тамъ, вдали у берега что-то блеснуло и сейчасъ же загремѣлъ выстрѣлъ...

Нашъ пароходъ не уменьшалъ хода...

Чувствовалось какое-то пренебреженіе у англичанъ къ туркамъ, къ ихъ сигналу, къ ихъ требованіямъ...

Вотъ и еще взвился клубень... Вотъ бухнулъ еще выстрѣлъ...

— Трень, трень...—раздался сигнальный звонокъ дежурнаго офицера. Пароходъ замедлилъ ходъ. Винтъ лѣниво сталъ поворачиваться и темно-синяя вода моря закипѣла и забурлила бѣлой пѣной...

— Чортъ съ ними! Надо останавливаться... Послѣ третьяго холостого начнутъ палить боевыми...

— Почему это?...—справлялись мы.

— Да вотъ турки спать полегли съ пѣтухами, а мы должны стоять здѣсь, дожидать разсвѣта... По Дарданелламъ ночью не пропускаютъ...

Мы бросили якоря и остановились, дрейфуя, плавно слегка покачивались на тихой, еле замѣтной волнѣ...

Раннимъ утромъ, лишь только стало разсвѣтать, и когда тѣни еще бродили отъ берега къ берегу по глади водъ, къ намъ причалила лодка... Нашъ пароходъ принялъ лоцмана, который повелъ насъ дальше...

Лоцманъ оказался грекомъ... Побывъ на мостикѣ, онъ спустился къ намъ въ каютъ-кампанію и съ удовольствіемъ сталъ пить крѣпкій англійскій чай съ сгущеннымъ молокомъ. Онъ производилъ впечатлѣніе захудалаго, оголодавшаго человѣка. Напившись основательно чаю, онъ сталъ приглядываться къ намъ... Узнавъ, что мы русскіе, вдругъ зацокалъ языкомъ и какъ-то печально, дружественно взглянулъ на насъ и сталъ разговаривать съ нами на ломаномъ, но достаточно понятномъ русскомъ языкѣ. Оказалось, что онъ жилъ когда-

то въ Одессѣ. Мы шли почти полнымъ ходомъ, а лоцманъ все сидѣлъ въ каютѣ, такъ что совершенно было очевидно, что присутствіе его явно излишне, и ясно, что англичанамъ былъ прекрасно извѣстенъ проходимый фарватеръ Дарданеллъ и пресловутыя турецкія береговыя минныя загражденія совершенно не страшили ни капитана, ни команду нашего торгового парохода...

— Русскій, русскій... — задумчиво проговорилъ лоцманъ—и опять многозначительно цокнулъ языкомъ.

— На берегъ ѣхать будешь?—обратился онъ ко мнѣ.

— Да, поѣдемъ...

Опять многозначительный взглядъ...

— Паспортъ есть?

— Есть...

Лоцманъ опять посмотрѣлъ на насъ.

— Поѣдешъ—туда...—и онъ махнулъ рукой куда-то вдаль,—тамъ одинъ полицейскій спроситъ, откуда ѣдешь? Поѣдешь, туда, — и онъ махнулъ рукой въ противоположную сторону — тамъ другой полицейскій спроситъ, куда и зачѣмъ?

И онъ помолчалъ...

— Ты русскій!... Объ этомъ думать надо... — Здѣсь полицейскій... ухъ, полицейскій!...

У него, очевидно, не хватало словъ выразить свой страхъ и отчаяніе передъ турецкой полиціей...

Это было давно—въ 1900 г.,—когда уничтоженіемъ всего живого въ Турціи былъ пристально занятъ кровавый деспотъ, султанъ Абдулъ-Гамидъ...

Хотя мы имѣли свои собственные заграничные паспорта, хотя мы были офиціальныя лица на пароходѣ, записанныя въ его журналѣ,—но это восклицаніе грека: „ты русскій!“, какъ-то рѣзнуло насъ по сердцу... Очевидно, русскіе здѣсь на отмѣтѣ, очевидно, съ ними об-

ходятся не такъ, какъ съ европейцами, очевидно, съ ними не церемонятся...

За завтракомъ мы сказали объ этомъ капитану... Тотъ, истый свободолюбивый бриттъ, возмутился: да, мы знаемъ, что съ русскими здѣсь не церемонятся, но разъ вы подъ англійскимъ флагомъ находитесь у насъ на суднѣ и поѣдете на берегъ, какъ наши официальныя торговыя лица въ гости въ наше консульство, о, нѣтъ, не думайте, чтобъ эти азіаты осмѣлились бы прикоснуться къ вамъ хоть пальцемъ... Наше посольство здѣсь недаромъ живетъ и уважать англійскій законъ и англійскій флагъ заставитъ кого угодно... Въ этомъ прошу не сомнѣваться...

И это такъ было сказано, съ такой отмѣнной твердостью, что, право, у насъ повеселѣло на душѣ.

Къ вечеру подъѣзжали къ Константинополю... Еще издали заслышали мы протяжный, безсмѣнный лай собакъ, который не сливался съ звуками моря, а какъ-то нарушалъ, оскорблялъ предвечернее тихое пѣніе легкихъ волнъ...

Вотъ стали на якорь...

Чудесная ночь располагала къ разговорамъ... Не хотѣлось идти въ каюту... И то тамъ, то тутъ толпились кучки матросовъ, офицеровъ... Вотъ запѣла скрипка, и мечтательное настроеніе охватило всѣхъ... Лишь поздно ночью разошлись мы по своимъ угламъ...

II.

Въ Константинопольской таможнѣ.

На утро, захвативъ легкій багажъ, мы спустились на шлюпку лодочниковъ и вскорѣ,—съ капитаномъ, докто-

ромъ, инженеромъ парохода и двумя офицерами,—двинулись на берегъ...

Мнѣ вспомнился грекъ лоцманъ... Я почувствовалъ себя русскимъ и подумалъ: „Ну, что-то будетъ!... Исполнятся ли слова нашего прорицателя?...“

Дѣйствительно, лодочники, объѣхавъ пароходъ, направились совершенно въ противоположную сторону отъ той таможни, куда намъ собственно нужно было ѣхать...

Перерѣзавъ проливъ, мы подъѣхали къ какимъ-то мосткамъ, гдѣ на деревянной тумбочкѣ сидѣлъ турокъ въ фескѣ и равнодушно посматривалъ на насъ; на этихъ же мосткахъ, почти у берега примостились, свернувъ ноги колачикомъ, еще нѣсколько турокъ, въ халатахъ, въ чалмахъ, толстые, лѣнивые и грязные, тупо смотрѣвшіе вдаль и безпрерывно сосавшіе кальянъ... Это были хозяева немного поодоль стоявшихъ лавокъ...

Въ это время къ лавкамъ кто-то подошелъ и крикнулъ гортаннымъ голосомъ...

Не шевелясь, чуть поднявши головы, равнодушно посмотрѣли лавочники на кричавшаго и махавшаго руками болѣе молодого и менѣе толстаго турка. Одинъ изъ сидѣвшихъ крикнулъ что-то односложное, и всѣ также какъ и прежде склонили головы, сильно затянулись и погрузились въ безсмысленное лѣнивое молчаніе...

— Ну, и народъ, — подумалъ я, — не даромъ здѣсь цивилизація расшибается, какъ о каменную стѣну... Что, въ самомъ дѣлѣ, нужно предпринять, какія героическія средства необходимо употребить, чтобы хоть какъ-нибудь расшевелить этихъ полусонныхъ, лѣнивыхъ представителей турецкаго торговаго сословія?...

Сидѣвшій на тумбочкѣ, оказавшійся чиновникомъ таможенной службы, что-то спросилъ у лодочниковъ, потомъ издавъ звукъ, подобный англійскому, спросилъ: откуда ѣдете? Капитанъ рѣзко и кратко отвѣтилъ... Ту-

рокъ махнулъ рукой, и мы двинулись на противоположную сторону...

Опять такіе же мостки, опять такая же засаленная фигура таможеннаго турецкаго чиновника. И здѣсь вопросы—куда и зачѣмъ? Такой же рѣзкій отвѣтъ капитана. Но турокъ, посмотрѣвъ на насъ, предложилъ и намъ вопросы. Не успѣли мы отвѣтить, какъ капитанъ, поднявшись въ лодкѣ и сдѣлавъ властный жестъ въ нашу сторону, какъ-бы останавливающій насъ, рѣзко и твердо заявилъ, что мы записаны „на руль“, въ списки англійскаго корабля, исполняемъ тамъ офиціальныя обязанности, что ему, турецкому чиновнику, нѣтъ до насъ никакого дѣла, разъ капитанъ англійскаго корабля заявилъ ему все, что̀ было надо... Чиновникъ заморгалъ, закивалъ головой, и мы направились къ пристани таможни. Высадившись здѣсь, простившись съ лодочниками, мы вступили въ грязное закоптѣлое зданіе. За прилавками сновали чиновники въ фескахъ, носильщики... Капитанъ представилъ списокъ лицъ, съ нимъ прибывшихъ. Вдругъ на насъ, русскихъ, пристально воззрился какой-то господинъ съ русой бородой въ фескѣ, пронырливый, типа международной ищейки, и на чисто русскомъ языкѣ обратился къ намъ:

— Вы русскіе?...

— Русскіе.

— Куда ѣдете? Откуда? Зачѣмъ?

Мы заявили ему, что это его рѣшительно не касается, что капитанъ представилъ документы корабля и что тамъ мы значимся...

— Но вы не англичане...

— Это мы знаемъ...

— Ваши паспорта...

Капитанъ заинтересовался разговоромъ и, когда мы ему объяснили въ чемъ дѣло, онъ сказалъ намъ: „вѣдь,

у васъ есть паспорта, удовлетворите его любопытство"...

Мы вынули и дали наши паспорта и въ этомъ, конечно, была наша оплошность, такъ какъ этимъ мы какъ бы сами себя выдѣляли изъ всѣхъ другихъ прибывшихъ и русая ищейка въ фескѣ такъ и вонзилась въ наши документы. Повертѣвъ ихъ со всѣхъ сторонъ, пошептавшись съ кѣмъ-то, онъ вдругъ заявилъ весьма нахальнымъ тономъ:

— Паспорта не визированы, я васъ не пропущу, я долженъ васъ задержать...

Хотя и дымъ отечества бываетъ намъ сладокъ и пріятенъ, хотя во всемъ тонѣ этой ищейки мы ясно почувствовали нѣчто отъ нашего доморощеннаго, но перспектива сидѣнія въ турецкой кутузкѣ намъ далеко не улыбалась...

Мы сообщили о намѣреніяхъ этого господина капитану...

Капитанъ, окруженный своими офицерами, вдругъ какъ-то весь собрался, засверкалъ глазами и лаконически, твердо спросилъ:

— Что̀ вы имъ сказали?

Ищейка залебезила, зашмыгала и хотѣла улепетнуть...

— Что̀ вы имъ сказали?—еще болѣе грозно зарокоталъ капитанъ...

— Паспорта не визированы... Я долженъ спросить...

— Паспортовъ никакихъ ненужно. Это ошибка, что я просилъ ихъ вамъ показать; они находятся подъ англійскимъ флагомъ...—И онъ протянулъ руку за паспортами...

Но ищейка, сторожившая, очевидно, не только турецкіе интересы, наши паспорта поспѣшно положила въ карманъ и скрылась, кинувъ намъ угрожающій взглядъ...

— Я протестую...—упорно заявилъ капитанъ, обращаясь къ чиновнику, поднявъ руку кверху...—И тутъ же

очень мягко сказалъ намъ: „Я извиняюсь, что такъ все случилось, видите, какіе нахалы эти азіаты, черезъ полчаса здѣсь будутъ англійскія власти, а васъ прошу не выходить изъ таможни...“

Онъ крѣпко пожалъ намъ руки и, откозырявъ, вмѣстѣ съ офицерами двинулся гордо и свободно на улицу.

Мы взяли стулья, присѣли, и насъ сейчасъ-же плотнымъ кольцомъ окружили турецкіе шпіоны всѣхъ національностей. Когда приходилъ какой новый, на насъ прямо показывали пальцами... Черезъ таможню протекало много народа въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, халатахъ, широчайшихъ шароварахъ и чалмахъ; смотрѣли на насъ, какъ на диво и все болѣе и болѣе толпились кругомъ...

Вынырнула все та-же отвратительная ищейка, что-то шепнула тому-другому, и черезъ нѣсколько минутъ къ намъ стали подходить и греки, и армяне, и турки, и русскіе и на разныхъ языкахъ стали умильно напѣвать намъ:

— Ну и стоитъ вамъ здѣсь сидѣть въ такой грязи?.. Вы бы вышли погулять, а то вотъ можно пока въ гостинницу...

— Никуда, никуда не ходите. Будьте здѣсь... — кричалъ еще издали, махая намъ руками какой-то запыхавшійся человѣчекъ, бомбой влетая въ таможню...

Расталкивая локтями стоявшихъ, оттаскивая за шиворотъ тѣхъ, кто попадался ему на пути, ругаясь на всѣхъ языкахъ, онъ, наконецъ, прорвался сквозь плотно окружавшее насъ кольцо и подлетѣлъ къ намъ:

— Что̀ на улицу, небось, звали... А, проклятые!—закричалъ онъ...—Чего налѣзли, отходи...—И онъ безцеремонно отпихивалъ и шпіоновъ, и публику...

— Простите, позвольте представиться. Жара... Бѣжалъ... Британскій консулъ приказалъ кланяться... сейчасъ прибудутъ... Позвольте предложить... Вотъ фрукты...

Забѣжалъ купилъ.—И онъ угощалъ насъ прекрасными персиками, грушами и еще чѣмъ-то...

— Отходи!..—ревѣлъ онъ на толпу...

Когда онъ, наконецъ, немного успокоился, освѣжился, вытеръ обильно катившій съ него потъ, мы заявили ему, что насъ дѣйствительно все время звали на улицу, почти тащили за рукавъ...

— Знаю я ихъ уловки...—кричалъ вѣстникъ британскаго консульства, грекъ по происхожденію, долго жившій на южномъ берегу Крыма, хорошо владѣвшій русскимъ языкомъ...—*Здѣсь*—разъ заявленъ протестъ капитана—вы неприкосновенны, а *тамъ* они могутъ дѣлать съ вами, что̀ хотятъ и, конечно, намъ было бы гораздо труднѣй выручать васъ, разъ вы попали-бы въ цѣпкія лапы турецкой полиціи...

— Проходи, проходи, нечего толпиться!.. — кричалъ онъ и по-турецки, и по-русски, и по-армянски...

Сыщики заняли болѣе удаленныя позиціи, но не спускали съ насъ глазъ...

— А гдѣ вашъ багажъ!

— У насъ его отобрали.

— Ахъ, негодяи! У васъ, можетъ быть, есть что-либо тамъ цѣнное?

— Нѣтъ, но есть рукописи и частная переписка, которой мы дорожимъ и не хотѣли бы, чтобы она попала въ руки турецкой полиціи, ибо можетъ пропасть, затеряться...

— Дайте два шиллинга...

Я далъ.

Грекъ бросился къ прилавку, гдѣ таможенные турецкіе чиновники и артельщики съ любопытствомъ разсматривали наши письма, книги, рукописи, фотографическія карточки...

Грекъ, еще издали началъ кричать, ругаться и часто

повторять слово „муша“ — далеко неласковое, скорѣй ругательное.

Тѣ тоже отругивались... Бѣлокурая ищейка въ фескѣ, прекрасно говорившая по-русски и насъ задержавшая, точно что-то подозрѣвая, издали внимательно слѣдила за этой группой турокъ и приближавшагося къ нимъ посланца англійскаго консульства. Турки посмотрѣли на ищейку и стали такъ, что совершенно загородили отъ него наши чемоданы...

Грекъ все также ругаясь, что-то оживленно сталъ говорить чиновникамъ, и намъ было видно, какъ двое изъ нихъ сложили правую руку лодочкой, держа ее около кармана штановъ. Грекъ мигомъ сунулъ въ одну и другую по шиллингу и, какъ власть имѣющій, полѣзъ въ чемоданы. Чтобы совершенно загородить его отъ русой ищейки, двое влѣзли на прилавокъ, а грекъ сталъ быстро-быстро выбирать все писанное и набивать свои безконечные карманы... Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, кккъ грекъ возвращался къ намъ, весело издали улыбаясь... Мы диву дались, смотря на все это... И мнѣ показалось, что онъ рискуетъ изъ-за насъ. И хотя я прекрасно зналъ, что эти письма и рукописи имѣютъ исключительно литературный интересъ и жаль было бы, если бы они пропали, но, чтобы изъ-за нихъ такъ рисковать, конечно, это не стоило бы дѣлать.

Я сказалъ греку свои опасенія...

— Что вы, что вы!... — успокоилъ онъ меня.—Да за два шиллинга они вамъ что̀ угодно отдадутъ. Вѣдь, они совершенно голодные, живутъ подаяніями, что̀ дадутъ, а жалованье,—гроша они не получали уже чуть ли не восемь мѣсяцевъ...

Русая ищейка въ фескѣ, хорошо говорившая по-русски, съ завистью посматривала на оттопыренные карманы грека, который черезъ двѣ-три минуты сталъ

все это передавать намъ, раскладывать, разглаживать помятое здѣсь же на прилавкѣ, совершенно не обращая вниманія на ищейку, вынулъ какую-то газету, досталъ бичевку у артельщика, все тщательно завязалъ и побѣдоносно передалъ намъ:

— Вотъ, пожалуйте!...

Я диву давался; мнѣ какъ-то неловко было держать этотъ пакетъ въ рукахъ и такъ и казалось, что вотъ сейчасъ подойдетъ кто-нибудь и отберетъ все обратно...

Но въ это время случилось что-то совершенно необыкновенное...

Съ улицы въ двери таможни вошелъ хорошо одѣтый мужчина среднихъ лѣтъ, высокаго роста, бритый, въ соломенной шляпѣ. Рядомъ съ нимъ шелъ нашъ капитанъ, за нимъ человѣкъ пять молодыхъ людей, такъ же хорошо одѣтыхъ. Въ таможнѣ все стихло, шпіоны еще болѣе подались назадъ, чиновники почтительно поклонились...

Вошедшій, вмѣстѣ съ капитаномъ, прямо направился къ намъ... Капитанъ познакомилъ насъ. И прибывшій англичанинъ—это былъ британскій консулъ—очень привѣтливо выразилъ сожалѣніе о постигшей насъ непріятности.

Онъ пригласилъ насъ слѣдовать за нимъ... Черезъ входъ въ таможню мы вышли на пристань и подошли къ какому-то небольшому зданію въ одну комнату, гдѣ въ углу, на помостѣ сидѣлъ толстый-претолстый турокъ въ фескѣ, въ красныхъ суконныхъ широченныхъ штанахъ и въ черной курткѣ, подпоясанной зеленымъ шарфомъ; сидѣлъ онъ по-турецки, съ ногами взгромоздившись на помостъ, устланный пестрымъ азіатскимъ ковромъ. Тутъ же рядомъ стоялъ огромный кальянъ, который безпрерывно сосалъ турокъ, такъ что облако дыма обволакивало комнату...

Консулъ вошелъ, за нимъ капитанъ, далѣе—мы. Рядомъ съ консуломъ стоялъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти. Сзади стояли всѣ прибывшіе съ консуломъ и совсѣмъ назади нашъ попечительный грекъ, а изъ-за него виднѣлись турецкія фески.

Никто не снялъ шляпы.

Турокъ точно со сна, оторвавшись отъ кальяна, смотрѣлъ перепуганными, моргающими глазами, видимо, совершенно не понимая, почему вдругъ его побезпокоили, зачѣмъ пришли всѣ эти люди...

Консулъ очень рѣзкимъ, повышеннымъ тономъ заявилъ:

— Какъ смѣли ваши чиновники задержать двухъ путешественниковъ, пріѣхавшихъ подъ англійскимъ флагомъ, записанныхъ въ вѣдомости корабля и направлявшихся въ англійское посольство!...

Турка вытаращилъ глаза и сталъ кланяться, смѣшно качаясь и складываясь перочиннымъ ножичкомъ...

Англичанинъ-переводчикъ, стоявшій рядомъ съ консуломъ, совершенно такимъ же рѣзкимъ тономъ, такъ что почти нельзя было отличить его голоса отъ голоса консула, повторилъ то же самое по-турецки.

— Я требую примѣрнаго наказанія вашихъ чиновниковъ,—столь же рѣзко продолжалъ консулъ и столь же рѣзко переводилъ драгоманъ.

Турка еще болѣе низко забилъ челомъ, что-то бормоча себѣ подъ носъ...

— Вы должны немедленно принести извиненія передо мной.

— Извиняюсь, извиняюсь...—лепеталъ турка, прикладывая руку и къ сердцу, и ко лбу.

— Ваши чиновники оскорбили капитана судна, пришедшаго подъ англійскимъ флагомъ... Вы должны немедленно извиниться передъ капитаномъ...

— Извиняюсь, извиняюсь... — лепеталъ турка, все также прикладывая руку то къ сердцу, то ко лбу и кланяясь, кланяясь безъ конца...

— Ваши чиновники осмѣлились задержать трехъ нашихъ друзей, прибывшихъ на англійскомъ кораблѣ, подъ англійскимъ флагомъ и слѣдовавшихъ въ наше посольство, и тѣмъ явно оскорбили ихъ — я требую, чтобы вы немедленно принесли передъ ними извиненіе...

Драгоманъ все также рѣзко перевелъ и эту послѣднюю фразу.

Турка, очевидно, совершенно отчаявшійся, обливаясь градомъ пота, повернулся въ нашу сторону и сталъ все такъ же бить поклоны, прижимая руку то ко лбу, то къ сердцу.

— Онъ извиняется передъ вами,—сказалъ намъ драгоманъ...

Я долженъ сознаться, что мнѣ стало даже жалко этого несчастнаго пожилого человѣка.

— И вы твердо запомните, что это больше никогда не должно повторяться, иначе я долженъ буду принять особо энергичныя мѣры... — сказалъ болѣе сдержанно консулъ.

Драгоманъ, также понижая тонъ, переводя не только слова, но и голосъ, перевелъ этотъ заключительный аккордъ грознаго стража знамени англійской имперіи, и мы всѣ, давая дорогу консулу, вышли изъ этой резиденціи начальника таможни.

Я оглянулся. Турокъ уже успѣлъ принять свое каменное, неподвижное состояніе и изъ всѣхъ силъ тянулъ брошенный кальянъ, совершенно скрываясь въ огромныхъ клубахъ дыма...

Грекъ побѣдоносно несся впереди всѣхъ. Консулъ шелъ съ нами и демонстративно предупредительно разговаривалъ...

Бѣлокурая ищейка въ фескѣ, задержавшая насъ, злобно поглядывала на консула и на англичанъ и безпомощно крутилась туда-сюда.

Лишь только мы вступили въ проходную залу таможни, какъ всѣ тѣ шпіоны, которые такъ тщательно смотрѣли за нами и выманивали насъ на улицу, сейчасъ же, какой-то особой, угодливой, отвратительной походкой, сѣменя ногами и пригибая свои іудины спины, бросились къ нашимъ вещамъ и чемоданамъ и наперерывъ другъ передъ другомъ потащили все наше добро къ стоявшимъ у подъѣзда извозчичьимъ парнымъ коляскамъ. Мы всѣ вмѣстѣ съ консуломъ и капитаномъ двинулись пѣшкомъ, и мимо насъ вскорѣ, поднимая ужасную пыль, карьеромъ пронесся грекъ, оберегавшій наши вещи.

— Теперь долго будутъ помнить эти азіаты, — шутливо сказалъ намъ капитанъ.

И когда я видѣлъ какъ эти англійскія власти шли по Константинополю, когда я видѣлъ, какъ посматривали на нихъ встрѣчающіеся намъ турки, — я думалъ: о, да, вотъ это нація! Она заставитъ уважать себя вездѣ и всюду, во всѣхъ пунктахъ земного шара, на сушѣ, моряхъ и океанахъ...

Черезъ нѣсколько минутъ мы подходили уже къ англійскому посольству. Здѣсь мы распрощались съ консуломъ и отправились въ предназначенное намъ помѣщеніе...

III.

Въ Константинополѣ.

Намъ необходимо было обождать въ Константинополѣ дней десять прихода нашего парохода, который

пошелъ въ Батумъ за духоборцами. Въ это время мы должны были закупить нѣкоторый провіантъ.

Я получилъ предупрежденіе отъ англійскаго консульства быть осторожнымъ, не выходить въ городъ и даже не прогуливаться передъ посольствомъ внѣ англійской территоріи: турецкая полиція злилась за инцидентъ въ таможнѣ и могла причинить мнѣ всякія непріятности.

Стояла сильная жара и сидѣть все время въ комнатахъ становилось нестерпимо.

Ко мнѣ часто захаживалъ тотъ грекъ, который прибѣжалъ къ намъ въ таможню изъ консульства, и мы много бесѣдовали съ нимъ, также какъ и съ другими служащими насчетъ порядковъ въ Турціи и потихоньку бродили по Константинополю.

Всѣ,—и англичане, и греки, и турки,—находившіеся на службѣ въ англійскомъ посольствѣ, въ одинъ голосъ твердили о тѣхъ ужасахъ правленія страной, сведеннаго на прямой разбойничій грабежъ народа, который безпредѣльно царствовалъ въ этой разлагающейся турецкой монархіи.

Чиновники правительственной турецкой службы — вотъ главная язва правленія. Получить мѣсто чиновника добиваются десятки тысячъ людей, пускающихъ въ ходъ и протекцію, и связи, и подкупъ, и подлогъ. Лишь бы дорваться до маленькаго мѣста; жалованье неважно, его иногда совершенно не получаютъ или отдаютъ цѣликомъ своему ближайшему начальству. Мѣсто чиновника—доходное мѣсто. Пріобрѣтая въ руки власть, турецкій чиновникъ тѣмъ самымъ становится обладателемъ безконечнаго способа вымогательствъ, грабежа и поборовъ народа. Поддерживая другъ друга, отчисляя болѣе старшимъ извѣстный процентъ своего дохода и идя по этой лѣстницѣ вплоть до министровъ, турецкіе чиновники государственной службы дошли въ способахъ

грабежа народа до величайшей изобрѣтательности и на этомъ поприщѣ имъ несомнѣнно принадлежитъ пальма первенства.

Что-бы ни случилось—все имъ на руку. Пожаръ ли, убійство ли, поджогъ, скандалъ или другое какое-либо уголовное дѣло, — все даетъ доходъ. Особенно доходными считаются убійства. Тутъ прежде всего начинаютъ грабить семью убитаго, завѣряя всѣми клятвами Корана, что приложатъ всѣ силы, чтобы найти убійцу, за что, конечно, впередъ берутъ достаточно денегъ, пополняя первоначальныя суммы все новыми и новыми на расходы дѣла. А такъ какъ связь между чиновничествомъ и уголовнымъ міромъ самая тѣсная, то напавши на слѣдъ убійцы, — сейчасъ же начинаютъ грабить убійцу и его родственниковъ за сокрытіе слѣдовъ преступленія. Иногда образуются цѣлыя партіи, борющіяся другъ съ другомъ. Одно убійство порождаетъ другія и т. д. и т. д. Получить въ свое вѣдѣніе хорошее убійство, гдѣ родственники богаты, — этого добиваются, какъ манны небесной. Одно такое убійство нерѣдко обогащаетъ на всю жизнь массу чиновниковъ.

Есть спеціалисты, которые набиваютъ себѣ мошну на преслѣдованіи промышленныхъ и торговыхъ заведеній. Въ этой области чиновники проявляютъ виртуозность. Мнѣ разсказывали такіе случаи: вотъ приходится открывать какое-нибудь предпріятіе, послѣ соблюденія, казалось бы, всѣхъ формальностей и въ самую послѣднюю минуту, вдругъ вамъ заявляютъ, что потому-то и потому вы не можете не только приступить къ работѣ, а должны снести часть вашихъ построекъ, распустить рабочихъ и прочее. Предприниматель начинаетъ метаться, какъ мышь въ мышеловкѣ, и, конечно, раскошеливается и даетъ и даетъ, но такъ какъ хорошій аппетитъ всегда приходитъ во время ѣды, то и здѣсь нерѣдко случается,

что не успѣвъ еще приступить къ дѣлу, чиновники уже совершенно объѣли предпринимателя, и онъ, разоренный, остается, какъ ракъ на мели со всей своей промышленной затѣей.

Вотъ почему все чаще и чаще въ Турціи всякія промышленныя и торговыя предпріятія основываются на подставныхъ лицахъ иностраннаго происхожденія. Посольства всегда съумѣютъ отстоять интересы своихъ согражданъ. Разгулъ и произволъ турецкихъ чиновниковъ въ такихъ случаяхъ сильно сокращаются.

Очень выгодныя мошенническія операціи въ Турціи производятся съ жалованьемъ солдатъ. По закону турецкіе солдаты должны получать ежемѣсячно небольшое жалованье. Не говоря уже о томъ, что жалованье не только солдатамъ, но и офицерамъ задерживается цѣлыми мѣсяцами, но, кромѣ того, солдатамъ почти никогда не платятъ наличными деньгами, имъ выдаютъ особыя квитанціи, гдѣ удостовѣряется, что такой-то солдатъ, такого-то полка имѣетъ право получить изъ Государственнаго Казначейства или его отдѣленій такую-то сумму. Если бы солдатъ захотѣлъ самъ получить эту сумму, то ему пришлось бы прождать очень долго. На помощь турецкому воинству приходятъ банкирскія конторы, которыя находятся въ самой тѣсной связи съ крупнымъ чиновничествомъ. Онѣ скупаютъ за безцѣнокъ эти солдатскія квитанціи, предъявляютъ ихъ къ полученію или сдаютъ Казначейству въ уплату по всевозможнымъ обязательствамъ, конечно, получая полностью всю сумму. Эти операціи съ солдатскими квитанціями считаются чрезвычайно прибыльными. Нечего говорить, это понятно каждому, насколько страдаютъ отъ такой системы вымогательства интересы солдатъ,—этихъ несчастныхъ турецкихъ крестьянъ, очень мало развитыхъ и сильно фанатизированныхъ турецкимъ духовенствомъ, которое

играетъ самую гнусную роль въ дѣлѣ порабощенія и обкрадыванія населенія страны.

И къ этому открытому дневному грабежу и разбою до такой степени привыкли, что въ Турціи всѣ чуть-ли не готовы признать его за нормальное явленіе. Политическая тупость населенія, отсутствіе всякой гражданственности сказалась здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-либо.

Мнѣ пришлось также встрѣтиться въ Константинополѣ съ людьми, пережившими всѣ ужасы извѣстной константинопольской армянской рѣзни. Причины ея и до сего времени неясны.

— Я былъ у себя въ конторѣ, — разсказывалъ мнѣ одинъ изъ очевидцевъ,—когда къ намъ вбѣжалъ нашъ агентъ съ извѣстіемъ, что какія-то лица, ворвавшіяся въ Оттоманскій банкъ, хотятъ взорвать его. Оказалось послѣ, что въ этотъ день пріѣхало тридцать человѣкъ армянъ, пришли къ директору банка и заявили, что они взорвутъ немедленно банкъ, если турецкое правительство не пообѣщаетъ освободить армянъ отъ своего ига.

Директоръ растерялся. Онъ побѣжалъ съ докладомъ къ министрамъ, а тридцать смѣльчаковъ, удаливши изъ банка всѣхъ служащихъ, заперлись въ немъ, занявъ всѣ входы. Банкъ, по приказанію султана, былъ окруженъ войсками. Черезъ нѣкоторое время солдаты стали стрѣлять по окнамъ. Армяне отвѣтили бомбами чрезвычайно разрушительной силы: сразу было ранено и убито нѣсколько десятковъ солдатъ. Турки, убѣдившись, что съ ними не шутятъ, вступили въ переговоры съ армянами черезъ пословъ державъ. Армяне, засѣвшіе въ банкъ, потерявшіе убитымъ главнаго своего вождя, очевидно, растерялись и уже не имѣли силъ привести свой планъ въ исполненіе.

Послѣ долгихъ переговоровъ они рѣшили уйти изъ банка подъ условіемъ полной гарантіи ихъ неприкосно-

венности. Вышли они изъ банка, имѣя каждый въ обѣихъ рукахъ по бомбѣ. Сопровождаемые послами, конвоируемые солдатами, они двинулись на пристань между сплошныхъ стѣнъ народа. Ихъ посадили на отходившій въ дальнее плаваніе иностранный пароходъ, и они благополучно уѣхали, проживая послѣ этого долгое время гдѣ-то въ Америкѣ.

Поступокъ этихъ быстро остывшихъ авантюристовъ, какъ и слѣдовало ожидать, вызвалъ среди дикаго азіатскаго населенія Константинополя не только возмущеніе, но фанатическое озвѣрѣніе. Возбуждаемые муллами, полиціей и провокаторами, азіаты поднялись изъ своихъ трущобъ и пришли къ султану просить разрѣшенія рѣзать армянъ. Султанъ, прославленный своею жестокостью, теперь сверженный Абдулъ Гамидъ,—съ великимъ удовольствіемъ и злорадствомъ далъ разрѣшеніе возбужденной толпѣ рѣзать армянъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ. Ободренные, ликующіе погромщики сейчасъ же бросились къ армянскимъ домамъ, стали разбивать и грабить все попадающееся имъ подъ руку, убивая подъ рядъ всѣхъ армянъ. Пощады не было никому: ни дѣтямъ, ни старикам ни женщинамъ, ни дѣвушкамъ... Обезумѣвшіе, осатанѣвшіе азіаты находили особенную страсть въ надругательствахъ надъ беззащитнымъ мирнымъ населеніемъ... Дѣвушки насиловались на глазахъ родителей, маленькихъ дѣтей хватали за ноги и разбивали имъ головы о косяки... Чернь набросилась на армянскія школы, и ничего не подозрѣвавшія дѣти—дѣвочки и мальчики—были вырѣзаны всѣ до одного... Одна армянская школа взрослыхъ юношей, забаррикадировалась, нашлось оружіе и хотя всѣ юноши до одного были убиты, но эти храбрецы за дорого уступили свои жизни... Этотъ случай вполнѣ законной

самозащиты почти единственный во всей константинопольской рѣзнѣ...

Ужасно было положеніе армянскихъ рабочихъ, работавшихъ въ порту, далеко отъ берега. Ничего не подозрѣвая, они, никѣмъ не предупрежденные, послѣ долгаго трудового дня спокойно подъѣзжали на своихъ фелюгахъ къ берегу... Здѣсь ждала ихъ яростная толпа, немедленно набрасывавшаяся на нихъ и убивавшая всѣхъ поголовно... Были случаи, что на нѣкоторыхъ фелюгахъ замѣчали, что что-то неладное дѣлается на берегу, и лодочники-армяне хотѣли отъѣхать подальше, но рѣчная полиція, шмыгавшая всюду въ порту, силой пригоняла фелюги къ берегу и тѣмъ самымъ сама бросала этихъ несчастныхъ въ руки убійцъ... Здѣсь у пристани погибло много тысячъ людей...

Въ 24 часа турки успѣли бы вырѣзать все армянское населеніе Константинополя, но, къ счастью, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, погромщики вскорѣ увлеклись грабежомъ лавокъ и богатыхъ квартиръ и стали развозить награбленное имущество къ себѣ по домамъ... Но нашлось много и такихъ, которые презрѣли земныя блага и продолжали свое неистовое дѣло истребленія ни въ чемъ неповинныхъ людей. Неистовство дошло до того, что толпа, завидѣвъ въ верхнихъ этажахъ домовъ громилъ, требовала отъ нихъ, чтобы они сбрасывали оттуда на мостовую людей...

При дикомъ воѣ, гиканьѣ и какомъ-то страшномъ свистѣ и визгѣ толпы, эти изверги рода человѣческаго хватали дѣтей, раскачивали ихъ и кидали... На несчастныхъ разбившихся бросалась толпа, кромсая на куски умирающихъ или затаптывая ихъ ногами...

Къ исходу дня десятки и сотни труповъ армянъ валялись всюду по Константинополю, среди множества тяжело-раненыхъ... Спускался жуткій вечеръ... Всюду

воцарилась тьма... Никто не зажигалъ огней... Всѣ боялись... Утомившіеся отъ побоища турки разбрелись по домамъ и только особо рьяные погромщики продолжали свое дѣло откровеннаго грабежа...

Взошедшая луна озарила этотъ городъ-кладбище...

Все стихло, лишь только были слышны стоны раненыхъ, безудержныя рыданія тѣхъ, кто случайно остался въ живыхъ и кто искалъ или нашелъ изуродованные трупы своихъ близкихъ, родныхъ, друзей и знакомыхъ...

Но вотъ все ближе и ближе стало слышно ужасное отвратительное завыванье... Это тысячи голодныхъ собакъ, почуявшихъ поживу, бросились отовсюду, изъ города, изъ предмѣстьевъ, изъ окрестностей, на эти кровавыя улицы, чтобы, терзая убитыхъ и раненыхъ, вдоволь насытиться...

Трупы убитыхъ ночью стали свозить въ колымагахъ за городъ, въ ямы... Вмѣстѣ съ трупами валили и тяжело раненыхъ, и я видѣлъ людей, которые разсказывали мнѣ о томъ ужасѣ, охватившемъ ихъ, когда они, очнувшись, поняли, что находятся еще въ незакрытой могилѣ, вперемежку съ трупами... Къ ямамъ-могиламъ утромъ собрались люди и изъ каждой услышали они стоны... Стали вытаскивать еще живыхъ и относить по окрестнымъ домамъ. Обезумѣвшіе азіаты многихъ добивали здѣсь, а много могилъ, несмотря на стоны, были кое-какъ засыпаны землею... Черезъ нѣкоторое время, когда рѣзьня затихла, пришедшіе увидѣли во многихъ мѣстахъ выбившіеся изъ песка скрюченныя ноги, высунувшіяся руки съ искривленными судорогой пальцами, съ сжатыми кулаками... Можно представить, что̀ дѣлалось въ этихъ могилахъ, когда трупы ожили, когда раненые очнулись, когда поняли свое ужасное положеніе и изъ всѣхъ силъ стали пробиваться изъ-подъ земли къ солнцу... Нѣкоторымъ удалось это сдѣлать, но боль-

шинство, промучившись въ ужасной борьбѣ, скончались тамъ среди убіенныхъ своихъ собратьевъ...

Кровавый султанъ Абдулъ-Гамидъ ликовалъ, европейская дипломатія протестовала, но что значитъ для этихъ варваровъ какіе бы то ни было протесты, тѣмъ болѣе что нѣкоторыя европейскія державы, ища союзничества съ Турціей, и протестъ-то свой несли лицемѣрно... Турки это отлично знали, а несчастный армянскій народъ истекалъ кровью...

И эта кровь, въ которой по горло вѣками купались турецкіе деспоты и иже съ ними,—вопіетъ къ небу...

Можетъ быть, настанетъ время, и это время, почемъ знать, можетъ оно уже близко, когда и эта отвратительная деспотія будетъ уничтожена, а турецкій народъ, цѣпенѣющій въ варварствѣ и невѣжествѣ, наконецъ, выйдетъ на дорогу общечеловѣческой культуры, когда не будетъ возможности проливать кровь, какъ воду, изъ-за злобной потѣхи кровавыхъ султановъ и изъ-за своекорыстныхъ интересовъ его окружающей камарильи.

Я встрѣтился также, закупая фрукты, съ представителями русскаго духовенства, которые, узнавъ, что мы ѣдемъ съ духоборцами, очень заинтересовались переселеніемъ. Я, насколько могъ по краткости свиданія, разсказалъ имъ и о самомъ переселеніи и о причинахъ, вызвавшихъ его. Среди собесѣдниковъ былъ одинъ ранѣе долго жившій на Кавказѣ. Онъ хорошо зналъ духоборцевъ, считалъ ихъ за весьма хорошій народъ и очень сожалѣлъ, что они должны покинуть родину. Батюшка долго разсказывалъ мнѣ про духоборцевъ, не забывая ихъ недостатки, хвалилъ за многое, часто повторяя: „примѣрные люди“, „отличное населеніе“ и очень скорбѣлъ, что кавказская администрація такъ раздула дѣло

сожженія духоборцами оружія, совершенно не понявъ мотива этого событія. Я удивился всему слышанному, тѣмъ болѣе что зналъ, что при проѣздѣ первой партіи нашлись какіе-то монахи-изувѣры, вышедшіе на пристань, отъ которой ближе другихъ стоялъ тотъ же пароходъ „Lake Huron", и куда съѣзжали духоборцы за покупками — и громогласно прокляли духоборцевъ, пожелая, чтобы „пучина морская поглотила нечестивцевъ!" Я сказалъ объ этомъ случайнымъ собесѣдникамъ и выразилъ удивленіе такому мракобѣсному неистовству. Мои собесѣдники крайне сконфузились и просили не приписывать этотъ „грѣхъ" всѣмъ духовнымъ, живущимъ въ Константинополѣ.

— Вѣдь и среди насъ есть много и немощныхъ духомъ и скорбныхъ головой, — сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ. И было видно, что ему и кто былъ съ нимъ, такъ больно и такъ тяжело за это неистовство, что мнѣ стало легче, ибо я почувствовалъ, что и въ Константинополѣ среди духовныхъ есть совѣстливые люди...

IV.

Черезъ океанъ.

Раннимъ утромъ 13-го мая 1899 г. въ англійскомъ консульствѣ въ Константинополѣ были получены телеграммы, что океанскій пароходъ „Lake Huron" благополучно прошелъ проливъ и приближается къ порту. Это былъ „нашъ" пароходъ, который ѣздилъ въ Батумъ за послѣдней партіей духоборцевъ и которую мы должны были сопровождать.

Мы сейчасъ же подрядили турецкія филюги, для доставки транспортовъ провіанта, уже закупленнаго нами, а также для отправки на пароходъ свѣжей воды и пр.

Ровно въ 10 часовъ утра „Lake Huron“ бросилъ якорь, а черезъ нѣкоторое время въ англійское консульство явился капитанъ парохода, докторъ, инженеръ и одинъ изъ сопровождавшихъ духоборцевъ—А. Н. Коншинъ. Капитанъ сообщилъ намъ, что на пароходѣ все благополучно и пригласилъ насъ немедленно отправиться на его бортъ. Мы трое, дожидавшіеся прихода парохода въ Константинополѣ, отправились подъ охраной англійскихъ кавасовъ на пристань и двинулись въ небольшой лодкѣ по заливу, направляясь къ нашему огромному пароходу, маячившему вдалекѣ отъ центральныхъ пристаней этого громаднаго порта.

Громко окликаемые таможенной стражей, которая сейчасъ же успокаивалась, лишь только нашъ кавасъ произносилъ слова: „англійское посольство“,—мы выѣхали совершенно изъ линіи судовъ и съ каждымъ моментомъ все яснѣй и яснѣй разглядывали бортъ нашего „Lake Huron'a“ и сѣрую массу чего-то сплошного, покрывавшую всѣ открытыя палубы парохода. Мало-по-малу къ намъ сталъ доноситься гулъ сотенъ голосовъ и пронзительныя выкрикиванія многочисленныхъ торговцевъ всякими пищевыми продуктами, плотнымъ кольцомъ окружившихъ пароходъ.

Какое-то особенное чувство охватывало душу, такъ хотѣлось поскорѣй увидѣть тѣхъ, оригинальная исторія которыхъ обратила на себя вниманіе тысячъ и тысячъ людей всего свѣта.

Мы подплыли совсѣмъ близко къ „Lake Huron'у“. Сѣрая безформенная масса, которую мы замѣтили еще издали на палубахъ и бортахъ парохода, была уже не безформенной массой:—она ожила на нашихъ глазахъ, она пестрѣла различными костюмами, она говорила и перекликалась на всѣ лады, сливая по временамъ всѣ свои голоса въ особенный перекатистый гулъ людской

толпы, такъ напоминающій раскаты и плескъ прибрежныхъ морскихъ волнъ, бьющихся о скалы.

Мы подъѣхали къ трапу. Теченіе тащило нашу лодку, но турки-гребцы ловко держали ее баграми и крючьями. Кавасъ предложилъ намъ выйти, пропустилъ насъ впередъ и послѣдовалъ съ нами по трапу, въ точности исполняя предписаніе англійскаго посольства доставить насъ на бортъ англійскаго корабля „Lake Huron'a".

А тамъ наверху свѣсились уже сотни головъ, съ любопытствомъ разсматривавшія насъ.

— Глянь-кось, пріѣхали новые! — кричалъ чей-то голосъ.

— Новые, проводники и сестрица!...—подхватилъ другой и пошло, и загудѣло по всему пароходу: „новые проводники!" „сестрица!" „сестрица!" „проводники!"—повторяла кругомъ насъ стоустная молва, когда мы взошли на верхнюю палубу. Изъ всѣхъ люковъ и трюмовъ валилъ народъ, взбудораженный облетѣвшею новостью.

Эта русская рѣчь, эти толпы простыхъ русскихъ крестьянъ, привѣтливо и радостно встрѣчающихъ насъ, волновали и бодрили душу, наистраивали насъ на особый ладъ и мы по простому русскому обычаю стали цѣловаться съ стариками, вышедшими къ намъ. Съ торжественнымъ привѣтствіемъ и съ глубокимъ поклономъ они приглашали насъ къ себѣ раздѣлить съ ними ихъ долю, ихъ хлѣбъ-соль.

Немножко привыкнувъ къ этой массѣ лицъ, движеній и звуковъ, мы сейчасъ же принялись за работу, которой повсюду было немало. Турецкія филюги подвозили хлѣбъ, воду, сахаръ и все прочее, что̀ заказали духоборцы. Все это нагружалось на корабль, разносилось по кладовымъ, разливалось въ бочки, цистерны и пр. и пр.

Черезъ нѣсколько времени къ намъ, наконецъ, пришла

откуда-то изъ трюмовъ другая „сестрица“, Е. Д. Хирьякова—фельдшерица и акушерка, самоотверженно совершавшая уже второй рейсъ черезъ океанъ. Первый разъ она ѣхала со второй партіей духоборцевъ, которую сопровождалъ С. Л. Толстой. Оказалось, что на пароходѣ есть больные, что появились уже отъ непривычнаго положенія и всѣхъ условій скученности, признаки дизентеріи и пр. Все это потребовало разнообразныхъ энергичныхъ мѣръ, и женщина-врачъ В. М. Величкина сейчасъ же приступила къ своимъ обязанностямъ.

Изъ г. Константинополя мы отплыли въ тотъ же день.

Лицамъ, сопровождавшимъ духоборцевъ, предстояло разрѣшить нелегкую задачу организаціи всей пароходной жизни: продовольствія, санитаріи, медицинской помощи и пр.

Прекрасно зная ту замѣчательную организованность, которая всегда царила внутри духоборческаго общества, мы рѣшили и на кораблѣ воспользоваться этой природной духоборческой организаціей, помогая только ей приспособиться къ новымъ условіямъ, въ которыя она была поставлена самымъ фактомъ передвиженія.

На первый планъ сама собой выдвинулась задача правильнаго продовольствія всей этой огромной массы людей. Прежде чѣмъ перейти къ описанію, какъ была разрѣшена эта задача, я познакомлю въ краткихъ словахъ, съ какими единицами духоборческой организаціи намъ пришлось имѣть дѣло.

На нашемъ пароходѣ переселялись слѣдующія селенія: 1) Терпѣніе—660 человѣкъ; 2) Спасовка—616; 3) Покровка—250; 4) Горѣлое—265; 5) Троицкое—60; 6) Кирилловна—398; 7) Башкичетскіе, Елизаветпольскіе, возвращенные изъ ссылки и пр. духоборцы, всего—69 че-

ловѣкъ [1]). Въ общемъ итогѣ ѣхало 2318 человѣкъ. Значитъ, первая самая крупная единица духоборческой организаціи, было отдѣльное селеніе. Каждое селеніе выбрало изъ своей среды „старосту" на время путешествія. На обязанности „старостъ" лежало полное наблюденіе за порядкомъ въ районѣ своего селенія, и кромѣ того, каждый изъ нихъ, посмѣнно, въ теченіе пяти дней долженъ быть „старшимъ" надъ всѣмъ пароходомъ, наблюдая за выполненіемъ всѣхъ функцій общепароходной организаціи. Мы, сопровождавшіе духоборцевъ, или, по терминологіи самихъ духоборцевъ,— ихъ „проводники", во всѣхъ важныхъ случаяхъ обращались ко всему „совѣту старостъ"; для созыва этого совѣта, а также за всѣми повседневными нуждами, мы обращались къ дежурному по пароходу „старшему".

Особо важныя дѣла рѣшались не только „совѣтомъ старостъ", но „съѣздкой" всѣхъ „старичковъ" деревень. Когда, въ какихъ случаяхъ можно было ограничиться тою или другою компетенціей, — это рѣшалъ „совѣтъ старостъ" и не разъ бывали случаи, что мы, собравши „совѣтъ старостъ" и объяснивши имъ, въ чемъ дѣло, получали прежде всего въ отвѣтъ: „для этого нужно „шумнуть" старичковъ". Старосты расходились каждый къ своему селенію и черезъ нѣсколько минутъ со всѣхъ сторонъ сходились „старички" къ условленному мѣсту и вопросъ подвергался общему обсужденію. Надо замѣтить, что каждая деревня заняла свое опредѣленное мѣсто на пароходѣ, при чемъ было принято на этотъ счетъ такое рѣшеніе: весь пароходъ—(всѣ его трюмы)— былъ раздѣленъ на шесть частей и между селеніями былъ кинутъ жребій. Приблизительно половина должна была помѣститься въ самомъ нижнемъ этажѣ парохода,

[1]) Эти 69 человѣкъ примкнули къ тому или другому селенію.

гдѣ условія жизни были, конечно, хуже, чѣмъ во второмъ трюмѣ. Чтобы уравнять и эти права, „съѣздка" заранѣе рѣшила, что на пятнадцатый день пути всѣ помѣщенные въ нижнемъ трюмѣ перейдутъ во второй этажъ, а находящіеся во второмъ этажѣ—въ нижній этажъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ внутренней организаціи духоборческаго общества, надо сказать, что всѣ духоборцы между собою раздѣляются на особыя единицы, которыя называются у нихъ „фагонъ". Въ каждомъ такомъ „фагонѣ" находится тридцать человѣкъ (считая мужчинъ, женщинъ и дѣтей). У каждаго „фагона" есть свой представитель, который заботится о нуждахъ этой тридцатидушной ячейки, блюдетъ ея интересы и является своего рода „старшимъ" въ этой ячейкѣ. Въ такой „фагонъ" обыкновенно соединяются нѣсколько семей, по большей части связанныхъ узами родства или свойства. Иногда цѣлая семья какъ разъ вмѣщается въ „фагонъ". Старшимъ въ „фагонѣ" обыкновенно выбираютъ старшаго по семейному положенію „старичка".

Для большей ясности я поясню, что̀ духоборцы понимаютъ подъ словомъ „старичокъ". „Старичкомъ" можетъ быть всякій, кто женатъ, живетъ своей семьей, при чемъ даже совсѣмъ молодые женатые парни могутъ быть уполномочиваемы обществомъ въ весьма отвѣтственныхъ дѣлахъ. Полномочія обыкновенно гармонируютъ съ тѣмъ умомъ, опытомъ и смѣтливостью, которые уже проявилъ, хотя бы и молодой духоборческій „старичокъ". Какъ на примѣръ я укажу на духоборца Григорія Коныгина, имѣвшаго въ то время отъ роду всего 25 лѣтъ, и занимавшаго въ 1899—900 гг. въ Канадѣ такую отвѣтственную должность, какъ секретарь духоборческаго комитета на сѣверномъ участкѣ. Когда я спрашивалъ, почему выбрали такого молодого на эту

должность, духоборцы отвѣчали мнѣ: „онъ имѣетъ дюже развитую голову".

Съ другой стороны, старики, вышедшіе изъ возраста общественной дѣятельности, т.-е. перевалившіе 60—65 лѣтъ, обыкновенно уже не выбираются на общественныя должности, такъ какъ они уже „пожили", „поработали", „имъ пора на покой", „ихъ нечего тревожить"— говорили мнѣ про нихъ духоборцы.

Такіе „древніе старички" иногда бываютъ приглашаемы на съѣздки, какъ хранители „сознанія предковъ", какъ живыя лѣтописи, могущія повѣдать съѣздкѣ, какъ въ такомъ-то и такомъ случаѣ было поступлено тогда-то; кромѣ того, они являются также хранителями обычнаго права, общественной памятью по различнымъ дѣламъ и ихъ мнѣніе всегда бываетъ очень важно въ рѣшеніи различныхъ недоразумѣній и пр.

Но отъ участія въ повседневныхъ житейскихъ дѣлахъ такіе „дѣды" обыкновенно удаляются и если вы у нихъ спросите, что̀ будетъ предпринято по тому или другому вопросу, въ большинствѣ случаевъ вы получите отвѣтъ: „объ этомъ знаютъ старички, они и рѣшатъ".

Всякія общественныя нужды обыкновенно прежде всего обсуждаются въ „фагонахъ", потомъ въ селеніи, потомъ на общей съѣздкѣ, такъ что принятое рѣшеніе, (обязательно единогласное) [1]), является дѣйствительнымъ общественнымъ мнѣніемъ, въ которомъ дѣятельное участіе обыкновенно принимаютъ не только „старички", но и всѣ не женатые парни и дѣвушки, женщины и даже подростки.

---

[1]) Въ настоящее время среди духоборцевъ-общинниковъ Канады и Закавказья это требованіе единогласнаго рѣшенія уступило мѣсту обыкновенному „большинству" и лишь только въ особенно важныхъ вопросахъ это большинство должно быть строго опредѣленнымъ—двѣ трети, три четверти.

Это-та постепенность въ обсужденіи вопроса и есть тотъ цементъ, который прочно сковываетъ весь духоборческій „міръ“; и именно, благодаря этой постепенности, всѣ принятыя рѣшенія духоборцевъ дѣйствительно проводятся въ жизнь твердо и неукоснительно, потому что положительно всѣ духоборцы, отъ мала до велика, всегда солидаризируютъ съ принятымъ рѣшеніемъ съѣздки.

Нечего и говорить, что такая организація очень помогла намъ въ устройствѣ жизни на пароходѣ. По нашему предложенію „старички“ выбрали двухъ завѣдующихъ кладовою и провіантомъ, и каждое селеніе назначило безпрерывный чередъ дежурства на кухняхъ, кашеваровъ, постоянные смѣны дежурныхъ у крановъ водяныхъ цистернъ, у трюмовъ, проходовъ, у отхожихъ мѣстъ, команду для ежедневнаго мытья палубъ и пр. Всѣ эти должности выполнялись по очереди каждымъ селеніемъ. Дежурное селеніе, — число дней дежурства зависѣло отъ числа душъ въ селеніи,—выставляло все количество людей для надобности пароходной службы, въ случаяхъ же экстренной работы всѣ селенія выставляли добавочные комплекты.

Представители „фагоновъ“ являлись въ опредѣленное время за питьевой водой, супомъ, кашей (вообще обѣдомъ), кипяткомъ для чая, за сухарями, хлѣбомъ, сахаромъ, чаемъ, мыломъ и прочими продуктами, которые раздѣлялись „на души“.

Эти семьдесятъ семь человѣкъ разносили все питаніе по всему пароходу и, благодаря такому сравнительно незначительному числу людей, съ которыми приходилось имѣть дѣло, весь пароходъ всегда былъ надѣленъ вò-время всѣмъ необходимымъ.

Такъ какъ кухни были недостаточно просторны для такого количества пассажировъ, то приготовленіе чая

начиналось съ 6 часовъ утра, а вареніе щей, каши и кипятка для вечерняго чаю продолжалось буквально цѣлый день до 7 часовъ вечера, съ 45 минутнымъ перерывомъ отъ $11\frac{1}{4}$ до 12 часовъ. Въ эти 45 минутъ намъ необходимо было успѣть выдать хорошую питьевую воду на весь пароходъ. На тридцать душъ полагалось большое ведро воды. Конечно, если бы намъ пришлось разносить и раздавать воду хотя бы каждой отдѣльной семьѣ, то мы ни въ коемъ случаѣ не могли бы это сдѣлать не только въ 45 минутъ, но и въ полдня. Этотъ вопросъ,—„водяной вопросъ",—какъ говорилъ намъ капитанъ парохода,—всегда наиболѣе затруднителенъ въ передвиженіи массъ на пароходахъ. Когда же онъ увидѣлъ, что весь пароходъ въ 45 минутъ одѣляется водой, онъ пришелъ въ полнѣйшій восторгъ отъ организованности духоборцевъ и вся офицерская команда парохода перебывала при выдачѣ воды. За 10 минутъ до наступленія срока, черезъ дежурныхъ при трюмахъ, всѣ духоборцы оповѣщались, что начинается выдача воды. Сейчасъ же являлись 77 человѣкъ съ ведрами, выстраивались въ шеренгу, два крана начинали дѣйствовать и 77 ведеръ обыкновенно менѣе чѣмъ въ 45 минутъ наполнялись водой, которая и разносилась по всему пароходу. Лишь только успѣвали выдать воду, какъ корридоры парохода наполнялись очередными, пришедшими за горячей пищей.

Съ самаго ранняго утра начиналось также мытье парохода, подъ руководствомъ одного изъ матросовъ. Въ 4, самое позднее въ 5 часовъ утра являлась дежурная команда духоборцевъ и всѣ палубы мылись и чистились. Нижніе корридоры подметались, а разъ въ недѣлю весь народъ изъ трюмовъ поднимался на палубы, койки всѣ разбирались и всѣ пароходныя помѣщенія вымывались начисто. Благодаря всѣмъ этимъ мѣ-

рамъ, а также постоянной обильной дезинфекціи, опасность лѣтнихъ заболѣваній—дизентерія и пр.,—благополучно миновала насъ, проявившись сравнительно въ незначительныхъ размѣрахъ.

Медицинская помощь была организована весьма удачно. Всѣ помѣщенія парохода два раза въ день обходились медицинскимъ персоналомъ, всѣ больные осматривались, и черезъ нѣкоторое время имъ приносилось все, что нужно, а кто могъ, приходилъ за лѣкарствомъ, перевязками и пр. въ аптеку. На нашемъ пароходѣ было много хрониковъ, съ застарѣлыми болѣзнями и очень мало заболѣвшихъ на пароходѣ какой-либо иной болѣзнью, кромѣ морской. Одно изъ самыхъ тяжелыхъ явленій, въ медицинскомъ смыслѣ, это было то, что духоборцы одной деревни, въ которой, какъ оказалось послѣ, всю предшествующую зиму на Кавказѣ не переводилась натуральная оспа, занесли ее на пароходъ и, что̀ всего печальнѣе, въ силу своего полнаго непониманія грозившей всѣмъ опасности, въ силу распространеннаго среди народа предрасудка о „грѣхѣ" лѣчить оспу,—тщательно скрывали ея появленіе и докторамъ удалось ее обнаружить только въ океанѣ и принять энергичныя мѣры въ борьбѣ съ ней. Та семья, въ которой появилась оспа, была сейчасъ же изолирована, духоборцамъ объявлено, что все-равно мы будемъ задержаны въ карантинѣ и тогда, по распоряженію старицы А. Веригиной, матери вождя духоборцевъ П. В. Веригина, всѣ оспенные были „выданы" и ихъ оказалось 13 человѣкъ, при чемъ нѣкоторые изъ дѣтей были всѣ залиты ужасной сплошной оспой. Всѣхъ ихъ,—дѣтей вмѣстѣ съ матерями,—отправили въ карантинный госпиталь и съ ними уѣхала и Е. Д. Хирьякова. Въ теченіе нѣсколькихъ дней заболѣло еше 6 человѣкъ кочегаровъ, которые тоже были помѣщены въ тотъ же

госпиталь. Лѣченіе шло очень удачно; черезъ шесть недѣль всѣ до одного оправились и перенесшіе болѣзнь духоборцы были доставлены къ своимъ семьямъ.

Во время пути у насъ умерло 6 человѣкъ, изъ которыхъ только одинъ мальчикъ былъ жертвой переселенія: онъ получилъ воспаленіе легкихъ и умеръ въ самый день пріѣзда въ канадскій карантинъ. Всѣ же остальные были или старики, или пораженные давнишними застарѣлыми болѣзнями (напримѣръ, туберкулезомъ и пр.).

Лишь только разносилась вѣсть, что на кораблѣ покойникъ, все принимало мрачный, озабоченный, взволнованный видъ. Особенно жуткое чувство охватывало матросовъ. Ихъ пѣсни прекращались; нигдѣ не было слышно шутокъ и перебранки. Они какъ-то пугливо подходили къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ покойникъ, посматривали на него и уходили, точно чувствуя, что и ихъ не минетъ эта участь, быть зашитыми въ мѣшки, съ желѣзомъ у ногъ и брошенными въ кипучія, всепоглощающія волны бездонной водной стихіи.

Не проходило и часа послѣ смерти, какъ всѣ палубы покрывались народомъ. Приходили духоборческіе пѣвцы, одѣтые въ чистыя, нарядныя „смертёныя“ одежды, приходили и начинали пѣть свои заунывные, захватывающіе душу псалмы, стоя кругомъ мертвеца, тоже уже одѣтаго во все чистое и новое. Это пѣніе сначала не смѣлое, не слитное, съ каждой минутой росло и расширялось, съ каждымъ новымъ „взводомъ“ становилось все болѣе серьезно-восторженнымъ, и, переливаясь изъ устъ въ уста, захватывало все новыхъ и новыхъ пѣвцовъ и все пѣло, превращая нашъ несущійся полнымъ ходомъ огромный, океанскій пароходъ,—въ одно живое, глубоко чувствующее тѣло. Шумъ и плескъ океанской волны, переплетаясь съ грохотомъ машины и

какъ бы сливаясь съ могучимъ аккордомъ почти тысячнаго хора, захватывалъ и потрясалъ всѣ души, и пѣли и плакали люди, прощаясь навѣки съ тѣмъ, кто оставилъ ихъ.

Тщательно и бережно завернувъ въ полотно, потомъ обшивъ его еще рядномъ, обвивъ веревками и привязавъ двухъ-трехъ пудовую тяжесть къ ногамъ, при пѣніи псалмовъ, покойника несли къ кормѣ. Матросы открывали бортъ и послѣ чтенія прощальнаго псалма, при полномъ, глубокомъ молчаніи, тихо-тихо, толчками спускалось тѣло. Лишь только волны касались края этого морского гроба, выдергивался одинъ конецъ веревки, и тѣло медленно погружалось въ воду и исчезало. Такъ было въ тихую погоду. Но намъ пришлось хоронить одну женщину высокаго роста въ самый бурный день изъ всего нашего путешествія. Когда была выдернута веревка, огромная волна подхватила эту ничтожную ношу, подхватила и стоймя понесла на гребень. Океанъ не принималъ нашу дань. Волна росла, волна неслась и надъ волной, точно грозясь кораблю, стоялъ во весь ростъ сѣрый пластъ, подъ которымъ мы всѣ видѣли только-что умершую женщину. Толпа замерла, оцѣпенѣла отъ ужаса, а тѣло, какъ бы вздрагивая, стало погружаться въ воду и когда оно готово было скрыться подъ ослабѣвшею волной, новая страшная сила океана, бѣшено вздымая волны, набросилась на свою жертву, подхватила и понесла, и вновь эта женщина, не хотѣвшая разстаться съ нами, все выростала и выростала изъ воды и, поднявшись до самаго гребня еще бо́льшей волны, на мгновеніе замерла и остановилась.

— Няня!—раздался рыдающій вопль дочери умершей.

На пароходѣ все замерло; волна бѣшено подбросила покойницу еще выше и вдругъ, съ трескомъ, свистомъ и гамомъ сразу разверзлась, точно лопнула отъ

напряженія, и мертвая „няня“, закутанная въ саванъ, мгновенно исчезла въ этой ревущей, клокочущей, бездонной пропасти.

Эта борьба мертвеца съ волнами произвела потрясающее впечатлѣніе на духоборцевъ; они понуро стояли толпами на палубахъ, стояли и не расходились.

— Не хотѣлось ей,—сказалъ старикъ, выражая, очевидно, общую мысль.

Поднялись головы. Вздохнула толпа.

— Да, въ воду трудно... Хоть на землѣ бы привелъ Господь покончиться... —началъ другой и оборвался.

Изъ толпы отдѣлилась женщина и торопливо начала читать псаломъ, который полагается прочесть послѣ того, какъ покойникъ опущенъ въ могилу. Всѣ сосредоточенно слушали. Женщина читала съ глубокимъ чувствомъ и невольныя слезы катились по ея щекамъ.

— Аще кто восхощетъ самого себя познать, тотъ да пустится разумомъ искать; аще кто скоро ото сна возстанетъ — Господа прославитъ,—души и тѣла всей жизни здравіе. Отроче благо, съизмала учися, во всякомъ дѣлѣ Господу молися...

И долго шло перечисленіе всевозможныхъ указаній на то, какъ нужно жить, чтобы хорошо прожить жизнь и умереть достойно.

Кончился псаломъ.

— Богу нашему слава,—сказала духоборка кланяясь.

— Спаси Господи! — отвѣтила толпа, какъ-то облегченно вздохнувъ и въ ту же минуту послышался робкій, но звучный, рыдающій женскій голосъ, „зачинающій“ псаломъ. Къ нему присоединился другой, третій, потомъ вступили вторые голоса, потомъ подхватили мужскіе и громче и громче все разносилось пѣніе, захватывая положительно всѣхъ, и это пѣніе было могуче, властно, точно въ немъ оставшіеся въ живыхъ, ожидая и своей

кончины, мирились съ смертью, продолжая жить. Вся толпа двинулась отъ кормы по направленію ко трюмамъ; медленно подвигаясь и расходясь съ обнаженными головами, она продолжала пѣть и въ трюмахъ и на лѣстницахъ и на палубахъ. Пѣлся тотъ псаломъ, который всегда поется при возвращеніи съ кладбища домой.

— Взирай съ приближеніемъ смерти, тлѣнный человѣче, какъ вѣкъ твой проходитъ—смерть не далече. Ангелъ твой хранитель тебя возвѣстуетъ, краткую твою жизнь перстомъ показуетъ. Убойся на всякій часъ, рыдай со слезами, скоро солнце шествуетъ отъ востока до запада. Текутъ времена и лѣта благоволеннымъ окомъ; убойся сей мощи, отсюда спокайся,—посѣтитъ тебя зѣло зло, а ты не ужасайся, держи мечъ безъ отомщенія во своей десницѣ всегда. Сице грядите, люди мои, войдите во храмъ святый кротко, смиренно; прилежну молитву Богу возсылайте, на сіе писаніе умильно взирайте; прочитайте усердно, много разслезитесь, ото всякой ревности сердцемъ умалитесь. У Бога есть смерть прелютая, емлетъ человѣка, переселяетъ отъ міра на вѣчное житіе [1]).

Такъ кончился обрядъ погребенія на пароходѣ „Lake Huron“, въ открытомъ, бушующемъ океанѣ и духоборцы сѣли за поминальную трапезу.

Безъ особенныхъ приключеній мы подвигались все ближе и ближе къ „тому свѣту“, къ американскимъ берегамъ. Такъ мы достигли ньюфаундленской отмели.

[1]) Какъ этотъ, такъ и другіе духоборческіе псалмы нами записаны и отпечатаны въ „Животной книгѣ духоборцевъ“, являющейся вторымъ выпускомъ нашихъ „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества“.

Свѣтлая погода смѣнилась непроницаемымъ туманомъ. Мы шли самымъ тихимъ ходомъ; пароходный гудокъ ревѣлъ ежеминутно, давая о себѣ знать другимъ пароходамъ. Мы постоянно слышали такіе же гудки со всѣхъ сторонъ. Ясно, что кругомъ насъ кипѣла мореплавательная жизнь. Такъ шли мы цѣлыя сутки. Капитанъ не слѣзалъ съ мостика и день, и ночь. Даже ѣду ему носили туда. Онъ былъ очень озабоченъ нашимъ положеніемъ. Наступило другое утро. Мы всѣ, сопровождающіе духоборцевъ, сидѣли въ каютъ-компаніи и завтракали. Пришли и офицера. Конечно, разговоръ вертѣлся все время на туманѣ, на „тихомъ ходѣ“ и т. п.

Вдругъ раздался страшно тревожный свистокъ, одинъ, другой, машина стала; мы всѣ выскочили на палубу, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда капитанъ отдалъ приказаніе „вся команда на бортъ“, изъ люковъ выскакивали кочегары, матросы, слесаря, плотники и др. Въ это же мгновеніе мы взяли „лѣво на бортъ“, и дали полный задній ходъ. Конечно, все это было дѣло одной минуты, показавшейся намъ очень длинною. Духоборцы, чувствуя, что творится что-то неожиданное, тоже повскакали съ своихъ мѣстъ и недоумѣнно посмартивали на мостикъ капитана. И тутъ раздался оглушительный ревъ несомнѣнно громаднаго парохода, совершенно гдѣ-то здѣсь, близко, рядомъ и вслѣдъ за нимъ въ туманной близи медленно и плавно пронесся еле замѣтный силуэтъ морского гиганта.

Нашъ пароходъ далъ рядъ тревожныхъ, одинъ другого перебивающихъ свистковъ и все продолжалъ идти заднимъ ходомъ, удаляясь отъ опасности.

Прошло еще нѣсколько минутъ; гудокъ встрѣтившагося намъ парохода слышенъ былъ тише—ясно было, что отошли отъ него далеко. Мы остановились и пошли впередъ.

Офицера вернулись въ каютъ-компанію.

— Ну, счастливъ же духоборческій Богъ, — сказалъ одинъ изъ нихъ,—чуть-чуть не произошло столкновеніе. Мы разошлись совсѣмъ близко и то только потому, что нашъ капитанъ во-время далъ задній ходъ, а тамъ точно какъ будто и не слышали нашихъ гудковъ, все прутъ и прутъ на насъ...

Я невольно подумалъ, что, дѣйствительно, „счастливъ духоборческій Богъ". Что бы это было, если бы мы потерпѣли крушеніе? Даже подумать было страшно... Я отлично зналъ, что спасательныхъ средствъ у насъ есть не болѣе какъ на пятьсотъ человѣкъ; такимъ образомъ огромное большинство было обречено при крушеніи на вѣрную гибель...

Мы продолжали медленно подвигаться, но около шести часовъ остановились и бросили якоря. Туманъ сталъ еще гуще, море было очень спокойно, но итти было все-таки опасно. Всю ночь нашъ пароходъ гудѣлъ не переставая и только утромъ, съ восходомъ солнца, прорвалась томящая завѣса; туманъ быстро поднялся и куда-то совершенно исчезъ, а передъ нами раскрылось огромное и спокойное пространство океана, залитое солнцемъ. Вдали виднѣлись громады плавучихъ ледяныхъ горъ, а поблизости, то тамъ, то тутъ, выплывали киты, пускающіе красивыя струи фонтановъ; дельфины и какія-то другія морскія чудища постоянно выплескивались изъ воды, играя, вертясь и перегоняя нашъ пароходъ. Свѣжій воздухъ бодрилъ людей, а масса птицъ, летающихъ надъ океаномъ и садящихся на нашъ корабль, давала надежду духоборцамъ, что близокъ берегъ, что вскорѣ мы увидимъ землю, если не Америки, то какихъ-либо острововъ...

Еще черезъ два дня пути мы въ первый разъ увидали берегъ Канады. Мы входили въ дельту рѣки св. Лаврентія.

— Земля!.. Берегъ!.. Земля!.. — разнеслось по пароходу, и толпы народа повалили на палубы. Слабыхъ и старыхъ выносили на рукахъ, и видъ земли бодрилъ ихъ и умилялъ. Многіе плакали. Мы все ближе и ближе подходили къ берегу и, наконецъ, пошли такъ, что на берегу мы различали строенія, пахоту, сады. На рѣкѣ постоянно встрѣчались рыбаки, привѣтствовавшіе насъ маханіемъ шапокъ. Пароходъ нашъ, дѣйствительно, ожилъ. Всѣ ждали благополучнаго прихода; единственнымъ огорченіемъ было то, что намъ придется остановиться въ карантинѣ.

Шестого іюня мы остановились недалеко отъ острова Grosse Isle. Нашъ полуспущенный желтый флагъ далъ знать встрѣчавшимъ, что у насъ не все благополучно, что намъ нуженъ карантинъ.

Отъ берега отдѣлился небольшой пароходикъ и сталъ быстро приближаться къ намъ. На немъ ѣхали врачи карантина во главѣ съ докторомъ Монтазанберомъ, начальникомъ всѣхъ карантиновъ въ Канадѣ. Вступивъ на палубу и осмотрѣвъ больныхъ, врачи убѣдились, что на кораблѣ натуральная оспа, и намъ была объявлена остановка въ карантинѣ. Всей командѣ, начиная съ капитана, сейчасъ же привили оспу, больныхъ отправили въ госпиталь, а только-что умершаго мальчика въ гробу увезли на карантинное кладбище. На другой день была назначена разгрузка парохода. Духоборцы были очень опечалены такимъ оборотомъ дѣла, но другого ничего не оставалось, какъ подчиниться вполнѣ разумнымъ требованіямъ карантинныхъ властей. Нашъ корабль хотѣлъ подойти во время прилива къ берегу, но это ему не удалось и мы стали разгружаться при помощи карантиннаго парохода. Разгрузка шла четверо сутокъ.

Прежде всего перевезли на берегъ карантиннаго

острова весь народъ съ ручнымъ багажемъ, постелями, шубами и пр. Выгрузили также муку и сухари.

Духоборцы крайне встревожились всей этой исторіей. Впрочемъ, нашлись и такіе, которые утверждали, что „оспа у насъ въ карманѣ, дадимъ тыщу рублей — вотъ и пропустятъ“.

Сами они, какъ и большинство русскаго народа, по своей малокультурности, конечно, не придавали большого значенія заразѣ; находили, что все это одинъ обманъ, что болѣзни отъ Бога, а умирать, молъ, все равно надо. Нѣкоторые же смотрѣли на оспу и другія опасныя болѣзни просто какъ на кару Божію. Еще на пароходѣ духоборцы отлично знали, что мы не согласны съ ними, а потому и рѣшили промежъ себя не только не говорить намъ объ оспѣ, но прямо-таки скрывать и отрицать появленіе болѣзни. Больныхъ, какъ сами они потомъ признались, они закутывали въ платки, зарывали въ перины и всякое тряпье и клали ихъ въ самые отдаленные, темные углы, такъ что найти больныхъ при такихъ условіяхъ не представлялось никакой возможности. Этимъ и объясняется столь позднѣе обнаруженіе больныхъ.

Удивленію духоборцевъ не было предѣла послѣ того, какъ они прислали депутацію къ старшему врачу карантина и передали черезъ переводчика просьбу „старичковъ“ всѣхъ селеній немедленно отпустить ихъ дальше, на что получили вполнѣ точный отвѣтъ:

— Въ Канадѣ есть опредѣленные законы относительно заразныхъ болѣзней; согласно съ этими законами мы и поступаемъ,—кратко отвѣтилъ имъ докторъ Монтазанберъ.

Этотъ отвѣтъ просто ошеломилъ духоборцевъ. Они никакъ не могли понять, что это за страна, въ которой штатскій господинъ, добрый и обходительный, останав-

ливаетъ своей властью весь пароходъ и совершенно не хочетъ уважить самихъ духоборческихъ „старичковъ“, готовыхъ раскошелиться и дать „тыщу“, но, нѣтъ, отъ него не было никакого намека, а сами они не рѣшились приступить къ обыкновенному россійскому способу рѣшенію вопроса. Взятка явно здѣсь не дѣйствовала и духоборцы были совершенно сбиты съ толку: на сцену выступалъ какой-то новый законъ, имъ неизвѣстный, и потому тревожившій ихъ.

Наконецъ, все было окончено и мы очутились въ карантинѣ.

V.

Въ карантинѣ.

Карантинъ на островѣ Grosse Isle прекрасно устроенъ. Весь огромный островъ раздѣленъ на три части. Одинъ край занятъ бараками для пассажировъ, на другомъ—ему противоположномъ—устроены больницы, аптека и кладбище. По срединѣ, въ двухверстной нейтральной лѣсистой полосѣ находится домъ завѣдующаго карантиномъ, тутъ же выстроены помѣщенія для карантинныхъ служителей, ихъ семей и пр.

Въ той части, гдѣ поселились, мы со всѣми духоборцами, все устроено весьма разумно и правильно. Всѣ духоборцы размѣстились въ семи огромныхъ баракахъ, выстроенныхъ на сваяхъ такъ, что изъ-подъ барака можно было все вычищать и выгребать. Во всѣхъ баракахъ устроены въ два этажа желѣзныя койки, умывальныя комнаты, кладовыя и пр. Все это—чистое, заново выкрашенное, весьма удобно приспособленное. Въ отдѣльномъ помѣщеніи имѣются двѣнадцать ваннъ, которыми, впрочемъ, духоборцы не пользовались. Въ карантинѣ также имѣется особая хлѣбопекарня, кладо-

вая и очень хорошая кухня. Для пароходной команды выстроена особая гостиница со всѣми приспособленіями.

Въ этой же части карантина имѣется аптека, дезинфекціонныя камеры, дезинфекціонные души, живетъ главный полицейскій и постоянный врачъ.

Духоборцы, по прибытію на островъ, сейчасъ-же принялись за постройку „своихъ" печей и бань. Это очень удивило канадцевъ, но не прошло и двухъ-трехъ дней, какъ на островѣ уже было выстроено въ скалахъ и на пригоркахъ около десяти печей, въ которыхъ духоборки не только варили обѣдъ, но даже пекли хлѣбы. Болѣе же всего поразили канадцевъ четыре бани, выстроенныя духоборцами на берегу рѣки св. Лаврентія. Всѣ доктора спеціально приходили ихъ осматривать и нашли ихъ весьма полезными для здоровья. Духоборцы очень хотѣли попарить и старика Монтазанбера, но онъ наотрѣзъ отказался, говоря, что навѣрное умретъ въ этомъ „аду". Еще болѣе были поражены канадцы, когда они увидѣли, что молодые духоборцы, распарившись въ жаркой банѣ, прямо съ откоса прыгали въ рѣку, температура которой была еще весьма умѣренна, и съ наслажденіемъ плавали и барахтались въ ея волнахъ. „Странный народъ",—говорили они про духоборцевъ,— „но какой здоровый!"—прибавляли они.

Вскорѣ началась поголовная прививка оспы, которая производится въ Канадѣ довольно болѣзненнымъ способомъ: на рукѣ расцарапывается краемъ отравленной оспенной лимфой костяной пластинки пространство величиной въ двугривенный и еще разъ смазывается плоскимъ краемъ пластинки. На рукѣ дѣлаютъ по двѣ такихъ прививки, а если оспа съ перваго раза не привьется, то ее повторяютъ еще разъ.

Съ прививкой оспы было сравнительно мало хлопотъ. Первый примѣръ подала мать Веригина — она сама

пришла на прививку вмѣстѣ съ своими дѣвушками и женщинами ей прислуживавшими и привела всѣхъ своихъ внуковъ и правнуковъ, а за ней, какъ за лицомъ крайне авторитетнымъ въ духоборческой средѣ, безропотно потянулись и другіе духоборцы. Не обошлось конечно и безъ курьезовъ. Вотъ пришелъ здоровый, средняго роста духоборецъ, изъ мордовцевъ, онъ долго смотрѣлъ какъ прививали оспу другимъ, а самъ все не подходилъ. Наконецъ, когда сказали, что и ему пора, онъ заупрямился и задорно спросилъ:

— А скажите, пожалуйста, то-есть какъ это нужно жить человѣку на свѣтѣ божьемъ?—и самъ себѣ отвѣтилъ:

— По Божьему, по христіанскому повелѣнію.

— То есть что же это такое?

— Нужно жить на свѣтѣ какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ заповѣдалъ намъ, стало-быть Евандель должо̀нъ передъ нашимъ умственнымъ окомъ всегда стоять...

— А скажите, пожалуйста, гдѣ это написано въ Евanделѣ чтобы человѣка такому поношенію предавать, то есть ковырять ему руку до крови, потомъ мазать его и все прочее...

И онъ побѣдоносно смотрѣлъ на всѣхъ присутствующихъ. Переводчикъ перевелъ этотъ единоличный діалогъ англичанамъ, тѣ съ интересомъ слушали и смотрѣли на этого убѣжденнаго человѣка...

— Такъ-съ, значитъ, указать не можете...— и онъ собрался уходить, гордо смотря на всѣхъ.

Ему объяснили, что его вѣрованій и убѣжденій никто не касается, но что законы страны, куда онъ пріѣхалъ, повелѣваютъ, для безопасности другихъ, обязательно привить оспу, иначе его не пустятъ въ Канаду и должны будутъ вернуть обратно на родину.

Это совершенно обезкуражило противника оспопрививанія, онъ какъ-то съежился и покорно заявилъ:

— Значитъ, язвить будете?

— Будемъ прививать оспу.

— Ну, ну, язвите во имя Господа Іисуса Христа,— сердясь и отчаяваясь, заявилъ онъ, закручивая широкій рукавъ синей рубахи.

— Господь терпѣлъ и намъ велѣлъ...—и онъ подставилъ руку и отвернулъ лицо, не желая смотрѣть на то, что дѣлаетъ докторъ.

— Язвили его, милостивца, фарисеи да архіереи жидовскіе, ну вотъ и насъ мучаете, вѣрныхъ христіанъ по сознанію словъ самого Христа...

— Язви, язви!.. — приговаривалъ онъ, морщась отъ сильныхъ надрѣзовъ доктора,—потерпимъ, ничего! Терпѣли и не такія муки за вѣру христіанскую...

— Ну вотъ и готово!..—сказалъ кто-то изъ насъ.

И онъ, сердитый, подсушивъ руку, нахлобучилъ шапку и не прощаясь и не глядя на насъ торопливо вышелъ изъ пріемной карантинной амбулаторіи...

Въ карантинѣ мы жили 25 дней вмѣсто полагавшихся по закону трехъ недѣль. Это произошло оттого, что ко времени нашего отъѣзда какъ разъ подоспѣли мѣстные празднества въ память объединенія Канады и желѣзная дорога перевозившая въ эти дни массы народа, спѣшившихъ на праздникъ, отказалась сейчасъ же выставить намъ шесть экстренныхъ поѣздовъ и мы должны были продежурить въ карантинѣ лишнихъ четыре дня наиболѣе томительныхъ. Духоборцы съ нетерпѣніемъ ждали отъѣзда на мѣста, на земли и горевали, что проходитъ даромъ самое горячее время для сельскихъ работъ. Соскучившись по работѣ, они здѣсь начали вырѣзывать изъ дерева ложки, скалки, вальки, солонки и пр.

Приглядываясь къ новой жизни, въ которую вступили духоборцы, они многому дивились. Прежде всего

ихъ удивило, что въ карантинѣ не было полиціи. Когда-же они узнали, что карантинная полиція представлена четырьмя простодушными, добрыми стариками, старавшимися оказать имъ всевозможныя услуги, то духоборцы просто не хотѣли этому вѣрить. Въ концѣ-концовъ они все-таки должны были убѣдиться, что эти „старички" именно и есть полиція и что другой на островѣ не имѣется...

Жили мы въ карантинѣ, въ общемъ благополучно: за это время среди духоборцевъ умерло 7 человѣкъ. Въ ихъ числѣ было, однако, 5 дряхлыхъ стариковъ и старухъ и одинъ ребенокъ $1^1/_2$ года; только одинъ умершій былъ мужчина среднихъ лѣтъ. Всѣхъ ихъ похоронили въ одинъ рядъ на карантинномъ кладбищѣ, а надъ ихъ могилами, поставлены деревянные и каменные памятники, сдѣланные самими духоборцами.

Многое удивляло духоборцевъ, что видѣли они уже изъ гражданскихъ порядковъ этой страны. Но и природа канадская тоже рѣшила удивить ихъ.

Какъ то въ концѣ іюля, вечоромъ, на одномъ изъ пригорковъ нашего острова собралось довольно много духоборцевъ; они вели тихую бесѣду съ „проводниками" о томъ, какая есть страна Канада, да какъ придется устраиваться на новыхъ мѣстахъ и пр. Темнѣло. По небу бѣжали небольшія тучки, черезъ которыя иногда прорывался лунный свѣтъ, играя и переливаясь въ плавныхъ волнахъ рѣки Св. Лаврентія. Кругомъ было какъ-то особенно тихо, уютно, благоговѣйно. Всѣ говорили сдержанно, вполголоса, не рѣшаясь рѣзкимъ звукомъ нарушить гармонію тишины отдыхающей природы.

Вотъ въ отдаленьи, гдѣ-то тамъ надъ рѣкой, тучки освѣтились какимъ-то особеннымъ свѣтомъ, словно ихъ прорѣзала молнія, освѣтились и опять потемнѣли. Черезъ минуту, другую—свѣта показалось больше и по

небу какъ будто бы что-то пробѣжало клубкомъ, зацѣпилось за край тучи и скрылось. Вотъ опять появилось свѣтлое пятно, другое; вотъ они слились, заколыхались и какъ распущенная лента, волнообразнымъ перекатомъ, прошли по небу, а тамъ еще и еще, почти безъ перерыва, поднимаясь все выше, шире и дальше, захватывая весь небосводъ до зенита.

Смолкли духоборцы. Переглянулись. Какой-то шорохъ прошелъ по сидящей толпѣ. Вотъ поднялся одинъ, за нимъ другой, третій, а тамъ разомъ всѣ встали съ земли, степенно и медлительно переступая съ ноги на ногу. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли въ небо, которое играло огнями, переливалось и потухало, словно что-то говоря удивленнымъ людямъ.

Вотъ разомъ все смеркло и вдругъ отъ края и до края освѣтилось небо, всполыхнулось оно, потухло, опять загорѣлось и трепещущая огненная лента разорвалась, быстро устремилась широкими змѣевидными потоками далеко по небу, покрывая свѣтомъ своей цвѣтистой горделивой золотой короны всю ширь и высь неба, куда только хваталъ глазъ...

Духоборцы обомлѣли. Они сняли шапки и молча стояли, созерцая невиданное зрѣлище.

— Господь даетъ знаменіе,—сказалъ кто-то и смолкъ.

Небо стало гаснуть и духоборцы, молча, тихо расходились по баракамъ карантина.

На утро вездѣ было много разговоровъ о „вечернемъ небесномъ знаменіи".

Дня черезъ два вечеромъ вновь повторилось сѣверное сіяніе и такъ пошло почти ежедневно.

— Ну и страна,.— удивлялись духоборцы, — мы-то думали, „знаменіе" намъ Господь-Богъ посылаетъ, а здѣсь такъ видно ужъ положено на небѣ по ночамъ фонари зажигать,—острили они и передавали другъ

другу о томъ, что разглядѣли новаго на небѣ и что узнали интереснаго изъ жизни и обихода этой неизвѣстной для нихъ страны, которая, волею судебъ, стала ихъ второю родиной.

VI.

Мы двигаемся дальше.

Вотъ, наконецъ, наступилъ давно ожидаемый день и мы, партіями человѣкъ въ 400—500, двинулись изъ карантина, переѣзжая на небольшомъ пароходѣ съ острова Grosse Isle въ городъ Квебекъ.

Переселенческіе чиновники и переводчики встрѣчали у пристани Квебека каждую партію и отправляли ихъ въ помѣщеніе для переселенцевъ, напоминающее своимъ устройствомъ большой вокзалъ. Огромное двухъэтажное зданіе примыкало къ вокзалу желѣзной дороги. Нижній этажъ состоялъ изъ очень большой, свѣтлой залы на 1500 человѣкъ, напоминавшей вокзалъ, гдѣ и располагались переселенцы. Въ этомъ же этажѣ помѣщалось управленіе эмигрантскимъ домомъ, комнаты для служащихъ и ресторанъ.

Во второмъ этажѣ имѣются еще двѣ залы для эмигрантовъ и пятнадцать просторныхъ отдѣльныхъ комнатъ, въ которыя и были размѣщены старые, больные и слабые духоборцы.

Это роскошное помѣщеніе нѣтъ никакой возможности сравнить съ нашими отечественными „бараками для переселенцевъ“, такъ все было здѣсь хорошо, разумно и предусмотрительно устроено.

Всѣ помѣщенія обильно освѣщались электричествомъ; для обѣда по стѣнамъ стояли большіе столы, за чистотой которыхъ наблюдали сторожа зданія. Асфальтовый

полъ нѣсколько разъ въ день выметался и вымывался, и вообще чистота вездѣ поддерживалась образцовая, такъ что, несмотря на то, что въ этомъ зданіи единовременно жило около полутора тысячи человѣкъ, — ни грязи, ни спертаго воздуха нигдѣ не было замѣтно.

Тутъ же, внутри нижней залы, находилась лавка, гдѣ всѣ продукты—съѣстные, галантерейные и пр.—продавались по оптовымъ цѣнамъ.

Каждый день на нѣсколько часовъ открывалась тутъ же правительственная мѣняльная контора, а почта, телеграфъ и телефонъ работали весь день. Въ разныхъ мѣстахъ зданія были раскинуты удобныя конторки, снабженныя всѣми письменными принадлежностями, гдѣ можно было писать письма, дѣлать справки о тарифахъ, поѣздахъ, цѣнахъ на товаръ и пр.

Нашъ пароходъ, на который помѣстилось 600 человѣкъ, подошелъ къ квебекской пристани въ 6 ч. вечера. На пристани насъ поджидалъ мистеръ П. Дойль (P. Doyle) — правительственный эмиграціонный агентъ, постоянно живущій въ Квебекѣ; на его обязанности лежитъ встрѣча переселенцевъ и отправка ихъ на мѣста новаго жительства. П. Дойль — очень привлекательный, добрый старикъ, вѣчно хлопочущій, устраивающій все и всѣхъ, проводящій на ногахъ весьма долгій рабочій день: онъ являлся ежедневно въ эмигрантскій домъ въ 9 час. утра и уходилъ въ 11 ч. вечера, обѣдая тутъ же въ эмигрантской гостинницѣ.

Когда мы сошли на берегъ, то прежде всего духоборцевъ повели ознакомиться съ помѣщеніемъ, а въ это время сто человѣкъ рабочихъ принялись выгружать багажъ съ парохода.

Осмотрѣвъ помѣщеніе, мужчины вернулись на пристань за своимъ ручнымъ багажомъ, а женщины и дѣти были оставлены въ залѣ. Ни тѣмъ, ни другимъ не было

позволено таскать багажъ, такъ какъ англичане заявляли, что „лэди духоборки и дѣти могутъ устать и надорваться“ и что „для нихъ это слишкомъ тяжелая работа“.

Когда духоборки узнали, почему ихъ не пускаютъ, онѣ, весело смѣясь, говорили, что и имъ, бабамъ, пришелъ праздникъ.

— Хотятъ изъ насъ барынь сдѣлать,—говорили нѣкоторыя изъ нихъ,—да мы къ этому не привычны.

Но несмотря на то, что онѣ „къ этому не привычны“, духоборки съ видимымъ удовольствіемъ исполнили желаніе англичанъ.

Эмигрантскимъ домомъ въ Квебекѣ завѣдывала замѣчательно энергичная, живая старушка Mistress Corneil, которая, несмотря на свои 70 лѣтъ, не только днемъ, но и ночью за всѣмъ смотритъ, о всемъ заботится, за всѣмъ поспѣваетъ и бѣжитъ на каждый плачъ ребенка. Она быстро сдружилась съ дѣтьми и они не отходили отъ нея. Духоборцамъ очень понравилось это первое канадское начальство—П. Дойль и г-жа Корнейль и они отблагодарили ихъ торжественнымъ прощаніемъ, подарили имъ ложки своей работы, кружева и прошивки — „для ихъ семействъ“,—какъ заявили духоборки.

Изъ Квебека духоборцы двигались дальше по желѣзной дорогѣ. Каждый поѣздъ на 400 человѣкъ, везущій переселенцевъ прямымъ сообщеніемъ на далекій западъ, состоялъ изъ 8 большихъ пассажирскихъ спальныхъ вагоновъ со всѣми необходимыми удобствами для дальняго путешествія.

Между прочимъ, на каждые 4 вагона полагалась одна плита, на которой во время пути духоборцы варили себѣ борщъ, чай, пекли картошку и проч. Кромѣ этихъ восьми вагоновъ, въ каждомъ поѣздѣ былъ еще одинъ багажный, въ отдѣленіи котораго ѣхалъ сопровождавшій поѣздъ чиновникъ, въ этомъ же вагонѣ на-

ходился часто возобновляемый запасъ свѣжей воды, молоко для дѣтей, хлѣбъ, сахаръ, сыръ, всякая необходимая посуда, метлы, полотенца и пр. и пр.

Въ нашей послѣдней партіи оказалось 178 душъ, не имѣвшихъ ни хлѣба, ни денегъ, и на ихъ долю,—какъ только мы узнали объ этомъ,—сейчасъ же стали отпускать изъ правительственнаго запаса по 2 фунта хлѣба въ день на душу, по $^1/_2$ фунта сыра и достаточное количество чаю, сахара и соли. Это очень тронуло бѣдняковъ, тѣмъ болѣе что ихъ же такъ называемые „братья"—богатые и вполнѣ обезпеченные—не только отказали имъ въ помощи, но еще все время настаивали на томъ, что хлѣбъ, выдаваемый правительствомъ, нужно дѣлить не между нуждающимися, а между всѣми поголовно, что̀ и было сдѣлано на всѣхъ пяти поѣздахъ и только на шестомъ, по нашему настоянію, все было выдано однимъ нуждающимся. Экономическое неравенство давало и здѣсь о себѣ знать и всѣ хорошія слова о любви и братствѣ, которыя такъ часто произносили эти богатѣи, ничуть не мѣшали имъ относиться къ своимъ же бѣднякамъ крайне черство и своекорыстно.

Готовя къ отправкѣ третью партію на дальній западъ, мы размѣщали духоборцевъ по спальнымъ вагонамъ и грузили багажъ.

Поѣздъ былъ уже почти готовъ къ отъѣзду, какъ вдругъ прибѣжалъ духоборецъ и таинственно заявилъ намъ:

— Министеръ пріѣхалъ; сестрицу кличатъ...

Мы отправились въ эмигрантское помѣщеніе и сейчасъ же натолкнулись на небольшую группу людей. Это былъ президентъ квебекскаго парламента, котораго сопровождали секретари, мѣстное городское начальство, переводчики, завѣдующій эмигрантскимъ домомъ, начальникъ станціи и пр.

Любезно поздоровавшись съ нами, президентъ заявилъ, что онъ пріѣхалъ съ оффиціальнымъ визитомъ къ духоборцамъ и что онъ желалъ бы поближе познакомиться съ ними.

Мы дали знать объ этомъ духоборцу Павлу Васильевичу Планидину, который былъ за старшаго у жившихъ въ то время въ Квебекѣ духоборцевъ. Онъ быстро принялся организовывать встрѣчу „министеру“.

Въ одну изъ верхнихъ залъ эмигрантскаго дома сейчасъ же сошлись всѣ духоборцы, расположились красивымъ, пестрымъ полукругомъ, впереди котораго разсыпались дѣти.

Президентъ медленно поднимался по лѣстницѣ, разговаривая съ лицами, сопровождавшими эту партію духоборцевъ. Лишь только мы отворили дверь въ большую залу, какъ духоборческій хоръ запѣлъ привѣтственный псаломъ. Канадскія власти, очевидно, не ожидали этой быстро организованной встрѣчи и, снявъ шляпы, почтительно остановились посреди залы.

Кончилось пѣніе псалма, одинъ изъ духоборцевъ, по обычаю, прочелъ вслухъ тотъ же псаломъ и всѣ духоборцы привѣтствовали канадцевъ глубокимъ поклономъ.

Духоборецъ Павелъ Планидинъ выступилъ впередъ и сказалъ привѣтственное слово президенту, подчеркивая ту мысль, что они,—духоборцы,—новые пришельцы въ этой странѣ, болѣе всего желаютъ жить въ полномъ мирѣ и спокойствіи съ мѣстными „народами“, которыхъ считаютъ „за братьевъ“. „Въ трудѣ хлѣбопашцевъ мы находимъ свое счастье и въ немъ прославляемъ имя Господа Бога нашего“, — такъ красиво закончилъ онъ свое краткое, но сильное привѣтственное слово.

Вся эта торжественность и оригинальность встрѣчи, дышавшая сознаніемъ собственнаго достоинства, видимо, чрезвычайно удивила квебекскаго президента. Выслу-

шавъ переводъ рѣчи духоборца, онъ немедленно отвѣтилъ теплымъ привѣтствіемъ, сказавъ, что гордится тѣмъ, что именно въ тѣ годы, когда населеніе квебекской провинціи довѣрило ему отвѣтственный постъ президента мѣстнаго парламента,—случилось такъ, что духоборцы переселились съ своей далекой родины въ эту свободную страну.

Обмѣнявшись привѣтствіями, духоборцы и президентъ квебекскаго парламента разстались.

Простая манера президента въ разговорахъ съ духоборцами очень понравилась имъ.

Это посѣщеніе канадскихъ властей породило много толковъ среди духоборцевъ.

— Одѣтъ-то онъ, — говорили они,—такъ же какъ и всѣ, — не то что у насъ. Сіятельныхъ пуговицъ и позумента здѣсь нѣтъ, братъ,—не полагается...

— Вотъ такъ страна!—прибавляли многіе изъ духоборцевъ, въ недоумѣніи покачивая головой.

VII.

Въ пути.

Дня черезъ два послѣ посѣщенія президента всѣ партіи духоборцевъ уже покинули Квебекъ и послѣдняя наша,—по счету шестая,—нагрузившись въ вагоны, тронулась въ дальній путь, туда, на Западъ, гдѣ еще только-только начинаютъ селиться осѣдлые люди.

На каждой станціи, гдѣ останавливался нашъ поѣздъ, насъ встрѣчали толпы народа, съ шумомъ привѣтствуя маханіемъ шапокъ и криками.

Мы ѣхали по прекрасно разработанной странѣ, гдѣ тучныя нивы смѣнялись поемными лугами, которые, въ

свою очередь, перемѣшивались съ лѣсомъ, пересѣкаемымъ рѣчками, холмами и оврагами. То тамъ, то тутъ паслись богатыя стада, а видъ благоустроенныхъ фермъ положительно восхищалъ духоборцевъ. Но чѣмъ дальше удалялись мы на западъ, тѣмъ однообразнѣй становилась природа, меньше встрѣчалось жилья, и только горѣлые лѣса, вперемежку съ болотами, быстро мелькали передъ нашими окнами вагоновъ, нагоняя грусть и вѣя скукой.

Сумрачнѣй и пасмурнѣй становились духоборцы, живо откликаясь на измѣнившіяся картины природы.

Чѣмъ дальше и дальше,—все хуже и хуже и, наконецъ, мы вступили въ совершенно дикую, безлюдную мѣстность, напоминающую собой первобытную пустыню. Повсюду виднѣлись нагроможденные въ хаотическомъ безпорядкѣ огромные валуны, осколки скалъ, кучи болѣе мелкаго камня; куда ни глянь, вездѣ мелькали передъ глазами, тянулись сплошной сѣрой лентой эти молчаливые свидѣтели далекаго ледниковаго періода.

Ни лѣса, ни луга, ни жилья не было и въ поминѣ. Желѣзнодорожныя станціи стали попадаться рѣже. Пустынно выглядывали ихъ платформы, по которымъ бродило нѣсколько служащихъ, ремонтныхъ рабочихъ и случайныхъ посѣтителей изъ окрестныхъ мѣстъ.

— Куда же это насъ везутъ?—спрашивали въ большомъ волненіи духоборцы.

— Это печальныя мѣста,—говорилъ намъ правительственный агентъ, сопровождавшій поѣздъ,—мѣста вѣчныхъ слезъ, тоски и унынія всѣхъ переселенцевъ, ѣдущихъ на далекій западъ. Мы быстро приближаемся къ поясу великихъ озеръ. Здѣсь природа, какъ видите сами, очень дика, сурова, безлюдна и пустынна, но тамъ, дальше, опять все пойдетъ хорошо, зазеленѣютъ луга и нивы и зашумятъ лѣса...

Мы разсказывали все это духоборцамъ. Они подробно и внимательно выслушивали насъ, но не переставали волноваться.

— Ишь ты камня-то сколько наворочено... Точно кто кидался эдакой махиной...

— Ну и страна!..—тяжело вздыхали духоборцы, очевидно, совершенно ничего не представляя себѣ яснаго о канадской природѣ и жизни.

Замолкли голоса, прекратились разговоры; никто не думалъ о пѣніи; всѣ какъ-то безучастно смотрѣли въ окна вагоновъ, гдѣ быстро бѣжала однообразная картина голой, хмурой пустыни.

Но вотъ, наконецъ, передъ нами блеснула серебристая полоска воды. Еще крутой поворотъ, глубокая выемка насыпи, туннель и мы сразу, точно съ того свѣта, вынырнули на крутой отвѣсъ огромной скалы. И тутъ передъ нами разлилась синяя гладь большого озера, свѣтло и радостно блестѣвшаго на яркомъ полуденномъ солнцѣ своей мелкой, переливчатой рябью.

Тамъ, дальше, окаймляя мшистый берегъ, виднѣлся зеленый, хвойный лѣсъ, сливавшійся вдали съ привольными лугами могучей преріи.

Мы быстро неслись, то ныряя въ выемки, то взбираясь на насыпи, то исчезая въ туннеляхъ, и нашъ поѣздъ, точно змѣйка, живой лентой, извивался по пути, словно силясь грудью проложить себѣ дорогу и во что бы то ни стало вырваться на свободу изъ этой непривѣтливой пустыни.

Народъ ожилъ и, не отрываясь отъ оконъ, разсматривалъ каждую подробнось этихъ широкихъ „великихъ озеръ“. Иногда казалось, что мы кругомъ окружены водой, и только узкая насыпь вела насъ все дальше и дальше, въ новый, невѣдомый міръ.

Но вотъ исчезли и озера, а за ними снова измѣ-

нился пейзажъ и теперь опять все чаще стали попадаться намъ разработанныя поля и нивы, фермы и стада и все это опять радовало духоборцевъ и вселяло въ ихъ души надежду достигнуть „вольныхъ земель".

Послѣ трехъ дней ѣзды мы, наконецъ, прiѣхали къ небольшой станцiи Селькиркъ (East Selkirk), находящейся неподалеку отъ г. Виннипега, этой столицы сѣверо-западной Канады.

Тутъ намъ предстояло простоять значительное время, пока ходоки нашей партiи отыщутъ подходящую землю въ области Принца-Альберта (Prince Albert land), въ провинцiи Саскачевань (Saskatchevan).

VIII.

Въ Селькиркѣ.

Въ Селькиркѣ мы размѣстились въ громадномъ желѣзнодорожномъ зданiи, приспособленномъ для переселенцевъ. Ранѣе здѣсь было желѣзнодорожное депо. Первой нашей заботой было отправить часть мужского населенiя на работы. Предложенiй было много, но одно другого хуже. Однако нѣкоторую партiю отправили. Сосѣднiе помѣщики вскорѣ стали предлагать вырубку лѣса.

— Вотъ это самое хорошее дѣло!—радовались духоборцы.—И близко, и дѣло мы знаемъ. Еще на Кавказѣ такiя работы брали...

Взяли подрядъ, обмѣрили, разбили на делянки на каждое село и принялись за дѣло, застучали топоры. Весело пошла работа. Работали всѣ: и мужчины, и женщины, и дѣти. Расчищали густую заросль никогда еще не вѣдавшаго топора молодого лѣса. Мирiады комаровъ

облѣпляли насъ. Работали въ сѣткахъ, повсюду зажгли костры. Весь лѣсъ предназначался къ сожженію,—стремились расчистить почву для посѣва, почему все срубленное складывалось въ громадные костры. Управляющій имѣніемъ все ходилъ да похваливалъ работу духоборцевъ, удивлялся ихъ силѣ, выносливости и трудолюбію. Мы приступая къ работамъ, заключили съ нимъ письменное условіе, точно обозначивъ цѣну за работу и пр. Чѣмъ ближе къ расплатѣ, тѣмъ управляющій дѣлался хмурѣй, сталъ ворчать на неаккуратность работы, вымѣривалъ пни, злился, что не могъ ничего найти сдѣланное не согласно съ условіемъ, привелъ какихъ-то англичанъ, сталъ покрикивать, ругаться, а когда мы его какъ слѣдуетъ осадили, вдругъ сказалъ: „а, вы, можетъ быть, стачку хотите устроить?“ Это предупрежденіе мнѣ показалось крайне подозрительнымъ. Я постарался навести справки и оказалось, что если бы мы бросили работу, то управляющій имѣлъ бы законное право затянуть уплату денегъ. Я объявилъ объ этомъ духоборцамъ, которые уже начали ворчать на выходки управляющаго.

Наконецъ работу окончили. Съ недѣлю управляющій намъ денегъ не платилъ и только, когда мы пригрозили немедленно пожаловаться въ центральное эмигрантское управленіе, управляющій предложилъ намъ получить двѣ трети заработка, совершенно отказавшись уплатить послѣднюю треть, причемъ вычелъ за топоры и другіе инструменты вдвое больше, чѣмъ это было обусловлено. Когда мы запротестовали, онъ нагло заявилъ, что мы можемъ совсѣмъ ничего не брать, обжаловать въ судъ „и тогда получите все“,—смѣясь сказалъ онъ. Подумавъ о томъ, что намъ придется подавать заявленіе въ судъ отъ каждаго работника, что всѣ духоборцы вотъ-вотъ разъѣдутся въ разныя стороны, что это дѣло затянется,

а деньги нужны сейчасъ, что пройдетъ время и никакихъ концовъ не сыщешь, мы рѣшили примириться съ этимъ явнымъ мошенничествомъ и взять то, чтò даютъ. Въ эти два-три дня мы обращались ко всѣмъ мѣстнымъ властямъ по поводу этого явнаго грабежа. Но рѣшительно всѣ или отмалчивались, или совѣтовали подать въ судъ, но тутъ же говорили, что это очень затянется, или подсмѣивались, грубо выражая ту мысль, что если и наживать, то съ кого же и наживать какъ не съ переселенцевъ...

— Дери съ насъ Канадія! Дери...—восклицали духоборцы.—Драли въ Рассеи, дерутъ и здѣсь...

Управляющій вновь сталъ кобениться и теперь еще скинулъ двѣсти долларовъ съ той суммы, которую предлагалъ раньше, и чтò удивительнѣй всего, при каждомъ такомъ нагломъ заявленіи онъ закладывалъ руки въ карманы клѣтчатыхъ брюкъ и хохоталъ раскатисто, громко, оскаливая зубы, закидывая голову отъ явнаго удовольствія, хлопалъ духоборцевъ по плечу, трясъ ихъ, точно говоря: „вотъ, молъ, какъ!.. Смотри, какой я молодецъ!"

Кое-какъ выторговавъ сто долларовъ изъ этой новой сбавки, мы получили деньги и, не сказавъ ни слова, ушли изъ конторы. Управляющій и не подозрѣвалъ, что духоборцы, уйдя съ нимъ не простившись и не поблагодаривъ его, по ихъ обычаю, нанесли ему самое большое оскорбленіе, которое они только знали: „не сосчитали за человѣка", — говорили они, — а что-же можетъ быть ужаснѣй для духоборца, какъ человѣка, не сосчитать за человѣка?

Когда мы удалялись молчаливой толпой и уже отошли отъ крыльца, вдругъ сзади насъ раздался раскатистый, наглый смѣхъ... Мы невольно оглянулись: на крыльцѣ стоялъ безъ шапки, засунувъ руки въ карманы клѣтчатыхъ брюкъ, управляющій и хохоталъ, и хохоталъ, раска-

чиваясь, откидывая голову, весь красный, озаренный косыми лучами солнца заходившаго за лѣсъ, который тянулся тамъ, позади вырубленнаго нами участка...

— Ишь деретъ его нечистый!..—молвилъ одинъ изъ духоборцевъ.

— Ну и страна!..—раздумчиво замѣтилъ кто-то.

— Ну и люди!..—эхомъ отозвался Павлуша Планидинъ, принимавшій близкое участіе во всей этой исторіи.

Подѣливъ деньги между всѣми работавшими, духоборцы почти не говорили объ этой исторіи, какъ бы стремясь все это забыть какъ можно скорѣе, но сразу насторожились, стали торопиться на земли, весьма неохотно идя на отхожіе промыслы.

Такъ образовалась первая трещина въ отношеніи духоборцевъ къ канадцамъ. Эта исторія съ управляющимъ сразу подорвала то повышенное настроеніе къ Канадѣ, съ какимъ несомнѣнно пріѣхали духоборцы и нашей четвертой партіи.

Чѣмъ дальше мы жили, тѣмъ отношенія усложнялись. Жизнь, со всѣми своими несообразностями, приходила къ намъ и мы должны были такъ или иначе относиться ко всѣмъ этимъ новымъ проявленіямъ ея.

Жили мы скученно, люди томились по простору полей и луговъ. Дѣти такъ и рвались въ окружавшіе насъ лѣса, но такъ какъ было уже нѣсколько случаевъ, что и взрослые духоборцы по нѣскольку дней плутали по непролазнымъ чащамъ неизвѣданныхъ лѣсовъ, то мы всѣми мѣрами удерживали дѣтей отъ далекихъ путешествій. Дѣти естественно направили всю свою пытливость по направленію проѣзжихъ дорогъ и очень быстро достигли порядочной рѣки въ пяти верстахъ отъ насъ, черезъ которую ходилъ паромъ. Тамъ за рѣкой, версты за двѣ, расположился маленькій городокъ Селькиркъ.

Какъ только дѣтвора узнала про рѣку, немедленно

толпы подростковъ бросились туда купаться. Сколько радости дало это событіе духоборческимъ дѣтямъ! Помыться, поплавать, покувыркаться въ водѣ и на бережку на пескѣ—это стало мечтой молодежи, и каждое утро, и среди дня, и вечеромъ мы видѣли веселыя стайки дѣтей, шедшихъ на рѣку. Конечно, дѣвочки не отставали отъ мальчиковъ и по простонародному крестьянскому обычаю и тѣ, и другіе ходили купаться вмѣстѣ. Но весь этотъ дѣтскій радостный пиръ на лонѣ природы вскорѣ кончился бѣдою. Католическіе священники, имѣвшіе большое вліяніе въ этой мѣстности, всполошились: они, какъ истинные лицемѣры, усмотрѣли въ этой естественной тягѣ дѣтей на рѣку цѣлый рядъ преступленій противъ нравственности. Прежде всего они „возмутились" тѣмъ, что дѣти купаются вмѣстѣ — и мальчики и дѣвочки и, о, ужасъ!—безъ костюмовъ, что̀, по ихъ мнѣнію, указывало не только на крайне развратное воспитаніе самихъ дѣтей и ихъ родителей, но и на явное желаніе развратить благочестивое населеніе Канады, такъ какъ дѣти отнюдь не стѣснялись проѣзжихъ и прохожихъ мужчинъ и женщинъ, мѣстныхъ жителей, и такъ же продолжали не только одѣваться, чтобы прикрыть свою наготу, но и раздѣваться, явно стремясь обнажиться и предстать предъ стыдливыми очами леди и джентльменовъ въ томъ, въ чемъ мать родила. Для католическихъ поповъ это было несносимо, они явно увидѣли кару Божію въ нашествіи древнихъ еретиковъ-духоборцевъ, которые хотѣли-де сейчасъ же обратить богобоязненную Канаду въ Содомъ и Гоммору и чтобы избѣжать этого, гг. католическіе попы подали заявленіе мѣстнымъ властямъ. Власти всполошились и сейчасъ же объявили намъ, что „законы страны" не позволяютъ дѣлать тѣ безнравственныя дѣла, которыя совершаютъ духоборческія дѣти, и что за это будутъ отвѣчать не

только дѣти, но и родители ихъ, о чемъ насъ просили объявить духоборцамъ. Мы, конечно, сейчасъ же заявили, что рѣшительно не находимъ ничего безнравственнаго въ поведеніи духоборческихъ дѣтей, и наоборотъ, радуемся ихъ чистотѣ и нравственности, что та гадость, которая пришла на умъ очевидно крайне развратнымъ католическимъ попамъ, совершенно несвойственна этимъ чистымъ и нравственнымъ представителямъ русскаго народа и что мы не можемъ объявлять всю эту ерунду и что, наоборотъ, если бы намъ пришлось здѣсь жить, мы открыли-бы немедленно рѣшительную борьбу противъ этой банды католическихъ поповъ, которые и здѣсь, какъ и въ Европѣ, хотятъ все также властвовать и господствовать надъ людьми. Мы обѣщали разсказать духоборцамъ о продѣлкахъ мѣстнаго духовенства, чтобы они знали, что древній ихъ врагъ и здѣсь не дремлетъ. Судья посочувствовалъ намъ и сталъ говорить, что онъ исполняетъ только свои обязанности, но что онъ самъ возмущенъ засиліемъ католическихъ поповъ и что на выборахъ онъ всегда борется съ ними. Свое объявленіе онъ сдѣлалъ черезъ оффиціальныхъ переводчиковъ, прибавивъ, что на этотъ разъ онъ не возлагаетъ никакого наказанія потому, что духоборцы не знаютъ законовъ страны. Когда духоборцы поняли въ чемъ дѣло, они были поражены, но долго никакъ не могли понять, въ чемъ же собственно тутъ дѣло? Чѣмъ провинились ихъ дѣти, купаясь въ рѣкѣ?

Когда имъ объяснили, что здѣсь требуется, чтобы всѣ купались въ особыхъ штанахъ, то это вызвало общее недоумѣніе.

— Зачѣмъ же это?

— Ишь ты, какъ они, значитъ, наблудили-то, — разсуждала пожилая духоборка,—сами себя боятся, плоти

своей боятся, посмотрѣть даже на дитё, безсовѣстные, не могутъ, безъ того, чтобы похоть ихъ къ горлу бы не подкатила...

— Извѣстно, „чего стыдимся, того и боимся"... Видишь у нихъ жизнь-то какая развратная, что боятся они тѣла-то, потому что знаютъ, къ чему оно ихъ поднимаетъ, ну вотъ и заранѣе стыдятся... Только если бы большіе бы купались вмѣстѣ, это еще бы понять можно, но чего-жъ ты на дитё покорыствовалъ?... Ну и англики!.. И все попы, во всемъ свѣтѣ—вездѣ попы лѣзутъ... Думали здѣсь не будутъ—нѣтъ, нà тебѣ, пожалуйте...

— Да ужъ нашлись праведники,—заговорила духоборка,—ходитъ, смотри ты, глазъ не подыметъ, а вотъ Марьюшка-то съ Ѳеклушей по ягоды ходила, вотъ тутъ чутокъ, на полянку, близехонько, встрѣтили они бритую обезьяну, а онъ за ними, а онѣ отъ него, хотѣли-было черезъ чащу на утёкъ, а онъ Марьюшку-то хвать и облапилъ, трясется весь, кобель безхвостый, она его какъ полыхнетъ прямо подъ грудки, онъ такъ и присѣлъ да охаетъ, а она ему: вотъ тебѣ, кобель безхвостый, будешь за бабами лазать, намяла ягодъ въ рукѣ, плюнула, да ему въ харю и запустила, всего окрасила — пускай помоется хорошенько... Вотъ они праведники-то какіе...

Дѣтямъ однако запретили ходить купаться и они, понурые, все время толкались здѣсь, около барака.

Духоборки быстро разузнали, что господа католическіе попы очень любятъ по вечерамъ похаживать къ переселенцамъ галичанамъ, стоявшимъ неподалеку отъ насъ, и что, пользуясь почти полнымъ отсутствіемъ мужчинъ, ушедшихъ на заработки, они творятъ тамъ что хотятъ со своей духовной паствой, что недавно пришлось скрывать одну дѣвушку-галичанку отъ навязчивыхъ преслѣдованій и требованій какого-то толстаго католическаго праведника и т. д.. и т. д. Сопоставляя эти

факты жизни съ лицемѣрными требованіями, законовъ страны, прошедшихъ подъ давленіемъ все тѣхъ-же поповъ,—духоборцы и удивлялись, и негодовали и хотѣли куда либо уйти отъ всего этого...

Духоборцы, зная, что тамъ въ преріи, они совершенно не будутъ сталкиваться съ попами, очень стали торопиться съ отъѣздомъ изъ Селькирка, но намъ суждено было еще разъ извѣдать на себѣ давленіе этихъ ханжей.

Въ Канадѣ давно былъ проведенъ законъ о воскресномъ отдыхѣ, къ сожалѣнію, подъ непосредственнымъ вліяніемъ духовенства. Духовенство сейчасъ же придало этому закону своеобразное толкованіе. Вездѣ и всюду они широко распространили, что этотъ законъ проведенъ ими „для облегченія участи рабочихъ". Рабочіе впрочемъ не однажды заявляли, что они не нуждаются въ этомъ покровительствѣ закона, такъ какъ чувствуютъ въ себѣ достаточную силу, чтобы рѣшительно отстоять обычаемъ усвоенный однодневный отдыхъ въ недѣлю, въ случаѣ если бы и на него осмѣлилась бы посягнуть буржуазія. У рабочихъ дѣло теперь идетъ объ отвоеваніи бо̀льшаго, чѣмъ однодневный отдыхъ въ недѣлю.

Этотъ поповскій законъ проведенъ въ Канадѣ съ цѣлью держать въ страхѣ Божіемъ мелкихъ собственниковъ, сельское и фермерское населеніе.

Духоборцы, согласно своимъ привычкамъ, свойственнымъ вообще русскимъ крестьянамъ, и по воскресеньямъ отправлялись въ лѣсъ за ягодами и грибами, по утрамъ пекли хлѣбы, ѣздили косить свѣжую траву для только-что пріобрѣтенныхъ лошадей и коровъ—„чтобы скотинка на новомъ мѣстѣ не скучала"—говорили они, — выѣзжали лошадей и пр., вообще дѣлали въ праздники все то, что̀ дѣлаютъ у насъ въ каждой деревнѣ, не считая

это дѣланіе за какой-либо особый трудъ, а за то или необходимое въ хозяйствѣ, или пріятное времяпрепровожденіе, чтò вполнѣ соотвѣтствуетъ праздничному настроенію людей. И вотъ мѣстные католическіе попы заявляютъ и лично намъ, и черезъ магистратъ, что духоборцы нарушаютъ законы страны, работая по праздникамъ и что за это они будутъ подвергаться на первый разъ штрафу, каждый въ пять долларовъ, а при повторныхъ случаяхъ — тюремному заключенію по приговору судьи,—конечно, не для ради наказанія, а для вящшаго прославленія милостиваго Господа Бога Іисуса Христа.

Разузнаемъ, оказывается, что въ Канадѣ считается преступленіемъ, если вы сами у себя дома въ воскресенье будете, не говорю продавать или покупать что-либо, а для своего удовольствія, напримѣръ, вскапывать грядку въ своемъ палисадникѣ подъ цвѣты или огородъ, поливать ихъ, ловить рыбу, охотиться, ловить бабочекъ, рвать или собирать ягоды и грибы, учить грамотѣ и вообще *дѣлать* что-либо для своей или для чужой матеріальной пользы, несмотря даже на то, что эта „польза" будетъ явно связана съ вашей духовной природой. Въ воскресенье вы должны предаваться благочестивымъ размышленіямъ, тихой бесѣдѣ, чтенію Библіи, пѣнію псалмовъ и самое лучшее—хожденію по церквамъ, молитвеннымъ собраніямъ, гдѣ васъ угостятъ прескучнѣйшей шаблонной или фарисейско-лицемѣрной проповѣдью да заунывнымъ пѣніемъ псалмовъ подъ фисъгармонію.

Этотъ законъ возмутителенъ своимъ насиліемъ: онъ распространенъ на *всѣхъ* лицъ, живущихъ въ Канадѣ, хотя бы и на непринадлежащихъ къ тѣмъ вѣроисповѣданіямъ, которыя признаютъ воскресенье за праздникъ. Такъ евреи, магометане, китайцы и др. должны обязательно праздновать восресенье, согласно предписанію

поповъ такъ называемыхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Въ воскресенье могутъ работать только доктора и желѣзныя дороги и то желѣзныя дороги получили это право всего три десятка лѣтъ тому назадъ по настоянію крупной буржуазіи.

Эта новая поповская придирчивость еще болѣе возмутила духоборцевъ, и мы были совершенно осаждены просьбами какъ можно скорѣй отправить ихъ на земли. Къ счастію, къ этому времени вернулись ходоки духоборцевъ, ѣздившихъ осматривать земли въ провинцію Принцъ-Альберта, тѣ земли, которыя для нихъ присмотрѣлъ Д. А. Хилковъ. Участки очень понравились духоборцамъ. Съ величайшимъ интересомъ былъ выслушанъ всѣми остальными докладъ ходоковъ. Всѣ „присогласились" сейчасъ-же туда ѣхать и нашъ огромный баракъ вновь загудѣлъ какъ улей. Всѣ стали собираться. Рѣшено было подѣлиться здѣсь же на селенія, сейчасъ-же начать закупать лошадей, коровъ, плуги, бороны и пр. инвентарь, чтобы явиться въ прерію во всеоружіи настоящихъ хозяевъ-земледѣльцевъ.

Приведемъ нѣкоторыя статистическія данныя, касающіяся населенія, скота и орудій производства, купленныхъ духоборцами, отправлявшимися на земли Принцъ-Альберта по прибытію ихъ въ East Selkirk.

Вотъ эти данныя по 20 іюля 1899 г.

№№	Названіе селъ.	Количество душъ.					Лошади.	Быки.	Фур-гоны.	Плуги.
		мужч.	женщ.	мальчи-ковъ.	дѣво-чекъ.	Всего.				
1	Горѣлое	59	63	24	25	171	8	20	6	8
2	Спасовка № 1 [1]) . .	42	47	22	26	137 [2])	—	1	5	4
3	Спасовка № 2. . . .	58	63	26	30	177	4[3])	—	4	1
4	Спасовка № 3. . . .	46	36	31	23	136	4	—	5	4
5	Кириловка № 1. . .	31	35	15	12	93	4	2	2	2
6	Кириловка № 2. . .	33	31	33	19	116	4	—	2	2
7	Кириловка № 3. . .	24	33	11	19	87	5	—	2	2
8	Кириловка № 4. . .	17	16	8	15	56	6	—	3	—
9	Терпѣніе № 1. . . .	42	44	30	44	160	6	—	3	—
10	Терпѣніе № 2. . . .	38	44	31	30	143	10	—	5	5
11	Терпѣніе № 3. . . .	42	34	27	23	126	10	—	2	4
12	Троицкое.	10	11	8	11	40	2	—	1	—
	Итого.	442	457	266	277	1442	63?[4])	23	40	32[5])

[1]) Духоборцы въ Канадѣ селились небольшими поселками, а потому и разбивали прежнія свои деревни на нѣсколько новыхъ. Четвертая партія къ этому времени еще не дала вновь образовавшимся поселкамъ названія, и мы будемъ ихъ различать по номерамъ.

[2]) На лошадей было ассигновано обществомъ этой деревни 1500 доллар. т.-е. 3000 руб., на которые предполагаютъ купить не менѣе 20 лошадей.

[3]) Ассигновано еще 800 дол. т.-е 1600 руб., на которые будетъ куплено не менѣе 10 лош.

[4]) Кромѣ того всѣми этими 12 деревнями вскладчину ассигновано денегъ на 60 „волостныхъ“ лошадей, которые къ времени отъѣзда были куплены и доставлены на Принцъ-Альбертъ.

[5]) Кромѣ 32 плуговъ, духоборцы этихъ 12 деревень заказали въ Винипегѣ еще 45 плуговъ, которые были доставлены на мѣсто ко времени разселенія духоборцевъ на землѣ.

И такъ, всего лошадей въ этихъ 12 деревняхъ было къ началу поселенія не меньше 153 головъ, т.-е. одна лошадь приходилась на 9½ душъ, 1 фургонъ на 36 человѣкъ, 1 плугъ на 19 душъ. Про быковъ ничего сказать опредѣленнаго въ это время было нельзя, такъ какъ духоборцы хотѣли ихъ прикупить на мѣстѣ своего поселенія. Принимая же во вниманіе, что духоборцы, ушедшіе на Принцъ-Альбертъ, размѣняли по пріѣздѣ въ Канаду около 70 тысячъ рублей золотомъ и что они везли въ среднемъ на каждую душу (считая и дѣтей) по 30 пудовъ багажа, въ которомъ находилось много цѣнныхъ вещей, какъ-то: ковры, инструменты, сбруя, обувь, шубы, сукно,— можно сдѣлать заключеніе, что эта часть четвертой партіи духоборцевъ вполнѣ была экономически обезпечена при самомъ началѣ своего поселенія.

Небольшая часть духоборцевъ, переселившихся въ Принцъ-Альбертъ, сейчасъ же стала селиться отдѣльными фермами, — это наиболѣе имущіе. Бо̀льшая же часть соединилась въ временныя общины; это соединеніе произошло потому, что члены этихъ общинъ не настолько богаты, чтобы сразу сѣсть на отдѣльные участки и вести хозяйства за собственный страхъ и рискъ. Другіе духоборцы ихъ назвали „христіанами поневолѣ". По пріѣздѣ въ Канаду, несомнѣнно, наступило для многихъ самое трудное время въ устройствѣ на новыхъ мѣстахъ, ибо приближалась зима, а между тѣмъ не было ни домовъ, ни даже землянокъ, земли не напахано, сѣно не накошено. И вотъ вся эта нужда принудила этихъ людей на время соединиться, чтобы сообща побороться съ природой, немного стать на ноги, окрѣпнуть и пустить корни на новыхъ мѣстахъ. Лишь только укрѣпленіе это хотя отчасти, произойдетъ, общины эти, несомнѣнно сейчасъ же должны были распаться, такъ какъ ихъ членовъ ничто, кромѣ временной нужды, не связывало между собой.

Типъ этихъ хозяевъ очень хорошо очертила пожилая духоборка изъ с. Горѣлое, которая всей душой хотѣла выхвалить передъ нами своихъ братьевъ-односельчанъ.

— Наши братья не то что всѣ прочіе,—сказала она;—вонъ посмотрите на холодненскихъ [1],—даромъ что они были по ссылкамъ разосланы и на стражду ходили, — а въ праздникъ какъ они рядятся? Все свѣтлое, чистое, новое; бабы—франтихи, дѣвки—одно заглядѣнье.

А наши? Нѣтъ, наши не такіе... Ни тебѣ поѣсть какъ слѣдуетъ, ни тебѣ одѣться понаряднѣе—этого и въ заведеніи у насъ нѣтъ. Носимъ мы старенькое, ѣдимъ мы сѣренькое, плохенькое, — только какъ-либо день перемотать; а все стараемся какъ бы это по домашности прибывало, да въ сундукахъ лежало. На старинѣ зерна у насъ на пять лѣтъ въ запасѣ сохранялось,—неурожай намъ былъ не страшенъ; худобы водили и-и какъ много и все продавали и продавали. Хорошо жили, тихо, скромно, домовито...

Это похвальное слово скопидомству вмѣстѣ съ другимъ разсказомъ о томъ, что на старинѣ „когда пришли мы въ Карсинскую область, всѣ надъ нами смѣялись, что ничего-то мы не умѣемъ, только псалмы пѣть умѣемъ; татары, армяне—всѣ смѣялись; прошло пять-семь лѣтъ—татарскія земли перешли къ намъ въ руки, стада ихъ стали нашими стадами, а самихъ хозяевъ татаръ чабанами (пастухами) изъ милости къ нашимъ стадамъ мы поприняли; посуда, ковры, монисто, дорогая одёжа татарская—все, все перешло къ намъ. Татары изъ нашихъ глазъ смотрѣли, нашими руками ѣли, нашими головами думали—и пикнуть сами не смѣли;—вотъ какіе хозяева мы были на старинѣ, не то что какъ всѣ другіе прочіе... Такъ и тутъ—дай намъ только обжиться

[1]) Тѣ, которые, были сосланы за свои убѣжденія и дѣла.

и языка ихъ узнать; покажемъ мы нѣмцамъ что̀ мы за хозяева... А что здѣсь по „Канадіи“ нѣтъ татаръ или подходящихъ къ нимъ народовъ? — Неожиданно закончилъ оригинальнымъ и весьма характернымъ вопросомъ мой разсказчикъ. Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ задумался, видимо опечаленный перспективой будущей жизни безъ „татаръ или подходящихъ къ нимъ народовъ“.

Эти накопители богатства, типичнѣйшіе кулаки, ведущіе скромную жизнь, однако нашли выходъ изъ своего затруднительнаго положенія—жизни „безъ татаръ“.

Среди выразившихъ желаніе итти на Принцъ-Альбертъ духоборцевъ, нашлось довольно много бѣдняковъ — семействъ 40, которые и на старинѣ жили въ работникахъ; они и теперь присоединились къ своимъ богатымъ братьямъ-односельчанамъ, тоже въ качествѣ батраковъ. Имъ несомнѣнно на долгое время не будетъ выхода изъ своего рабскаго положенія.

Меня все время смущалъ вопросъ какъ и чѣмъ будутъ существовать эти бѣдняки, не имѣющіе возможности не только купить лошади, но даже и кормить себя. Я разспрашивалъ и мнѣ сначала отвѣчали, что они приняты въ общины на равныхъ условіяхъ, что ихъ обстроятъ, на ихъ долю напашутъ, будутъ кормить и одѣвать.

Я сомнѣвался въ правдивости этихъ разсказовъ. Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ разспросовъ, я добился таки правдиваго отвѣта отъ бѣдняковъ; вотъ онъ.

— Они приняты въ общества на слѣдующихъ условіяхъ: имъ будутъ давать лошадей на пахоту, но за каждую десятину вспаханную себѣ они должны вспахать десятину тому, кто дастъ лошадь; кромѣ того: ихъ дѣтей-рабочихъ всѣхъ разослали на работы и бѣдняки должны до тѣхъ поръ, пока будутъ пользоваться чужими лошадьми и не заведутъ своихъ, отдавать половину вы-

работанныхъ на сторонѣ денегъ дѣтьми, тѣмъ, кто согласится давать лошадей...

— А кто же васъ будетъ кормить теперь? Откуда возьмете денегъ на инструментъ, на принадлежности для хатъ, на сѣмена, одежду, обувь и прочее?

— Все это изъ другой половины денегъ, высылаемыхъ рабочими...

— Но вѣдь вы всѣ деньги будете проѣдать и то еще не хватитъ!...

— Да, это вѣрно...

— Когда же вы обзаведетесь своими хозяйствами?

— Не знаемъ, когда Богъ дастъ...

— А если не хватитъ денегъ или работы не будетъ, то тогда какъ же?...

— Въ работники къ „братьямъ" пойдемъ, а то помирать будемъ...

Помирать имъ не пришлось, а вотъ въ работники дѣйствительно въ скоромъ времени нѣкоторымъ бѣднякамъ пришлось поступить къ богатымъ фермерамъ-духоборцамъ. Земельные-же участки бѣдняковъ, записанные на ихъ имя, тоже были взяты для обработки богатыми. Такъ съ самаго начала среди наиболѣе богатаго духоборческаго населенія, не могущаго обработать всю землю своими руками, появилась прослойка сельскаго пролетаріата изъ духоборцевъ-же...

Тутъ же, еще до отъѣзда изъ Селькирка въ нашей партіи намѣтился планъ организаціи двухъ общинъ среди духоборцевъ, уѣзжавшихъ на земли въ Принцъ-Альбертовскій округъ.

Въ одну изъ этихъ общинъ набралось около двухсотъ человѣкъ, считая и дѣтей. Они рѣшили имѣть на первыхъ порахъ общій скотъ. Строиться отдѣльными домами на каждую семью. По мѣрѣ пріобрѣтенія скота, скотъ по жребію будетъ доставаться тому или другому

домохозяину при чемъ разъ получившій исключается изъ слѣдующей жеребьевки до полнаго замыканія круга. Приплодъ будетъ также общественный и поступитъ на жребій до тѣхъ поръ, пока всѣ хозяева не будутъ имѣть по парѣ лошадей, по одной коровѣ, нѣсколько штукъ овецъ, куръ и прочей живности. Скотъ всегда будетъ считаться общественной, а не частной собственностью, хотя каждая отдѣльная штука будетъ находиться въ единоличномъ завѣдываніи и пользованіи того или другого хозяина. Скотъ потому не будетъ находиться въ общественной конюшнѣ, что, какъ говорятъ духоборцы, „скотина любитъ присмотръ, а для этого нуженъ хозяинъ, а если будетъ на общественномъ дворѣ, то никто смотрѣть какъ слѣдуетъ не будетъ и скотъ пропадетъ".

Если же, положимъ, лошади понадобятся обществу для тѣхъ или другихъ нуждъ (подвозъ хлѣба, лѣса и пр.), то никто не имѣетъ права отказать обществу въ пользованіи лошадьми, при чемъ, конечно, будетъ соблюдаться извѣстный чередъ. Если у кого-либо лошади заболѣли, то этому хозяину должны давать лошадей его сообщинники. Если лошадь или другая „худоба" умерла, пропала — на ее мѣсто покупаютъ другую изъ общественныхъ суммъ. Если корова безъ молока, то этому хозяину молоко выдается отъ общества и т. д.

Земля подъ хлѣбъ и сѣнокосъ, а также и подъ огородъ не дѣлится, а остается въ одной межѣ, обрабатывается сообща, и продуктъ дѣлится подушно, при чемъ на сѣмена отдѣляется извѣстная часть. Послѣ дѣлежа всѣ счеты прекращаются и каждый воленъ дѣлать съ полученнымъ имъ продуктомъ что̀ онъ хочетъ: можетъ продать, можетъ накапливать у себя или расходовать. Въ случаѣ нехватки въ одной изъ семей (послѣ дѣлежа) никто не обязанъ выдать хлѣбъ, а если кто выдастъ, то это можетъ быть займомъ или жертвой. Точно также

продукты отъ скота, имѣющагося на рукахъ даннаго хозяина, поступаютъ въ его полное распоряженіе, конечно, послѣ того времени, когда наступитъ полное уравненіе „худобы“. Орудія производства — плуги, бороны, фургоны, косы и пр. и пр.—покупаются на общественный счетъ и сохраняются у каждаго домохозяина отдѣльно, поступая вслѣдъ за лошадьми.

Каждый отдѣльный членъ общины можетъ въ свободное время заниматься какимъ угодно производствомъ, и все получаемое имъ отъ этой работы не касается сообщинниковъ, а идетъ въ его личное распоряженіе. Точно также каждый хозяинъ долженъ самъ заботиться о поддержаніи одежды своей и домашнихъ, упряжи, построекъ (послѣ того какъ онѣ будутъ возведены) и о всѣхъ прочихъ домашнихъ надобностяхъ.

Вообще въ этой общинѣ намѣтился коллективизмъ производства и общность орудій производства, но объ удовлетвореніи всѣхъ потребностей отдѣльныхъ личностей, членовъ общины, заботится не община, а каждое частное хозяйство, каждый членъ семьи.

Каждый домохозяинъ долженъ будетъ вносить опредѣленную сумму денегъ на общественныя нужды, какъ-то, исправленіе дорогъ, мостовъ, паромовъ, проведеніе новыхъ дорогъ; въ случаѣ экстренныхъ расходовъ, какъ напримѣръ, постройка мельницы, кузни, пріобрѣтеніе молотилки, падежъ скота, какое-либо несчастіе (пожаръ, покража и пр.) могутъ быть производимы экстренные равные сборы, по единогласному рѣшенію всѣхъ домохозяевъ общины. Вообще всякое общественное нововведеніе должно быть прежде санкціонировано рѣшеніемъ общества.

Мы видимъ, что въ такого рода общинѣ есть свобода личности, но нѣтъ никакой гарантіи, что наиболѣе смѣтливые и приспособляющіеся не будутъ преумножать

богатства лично для себя и, въ концѣ концовъ, можетъ произойти въ такой общинѣ экономическое разслоеніе со всѣми обыденными его послѣдствіями.

Мало-по-малу нашъ лагерь пустѣлъ. Часть изъ нашихъ духоборцевъ уѣхала въ Іорктонскія поселенія, присоединившись къ тѣмъ духоборцамъ предыдущихъ трехъ партій, которые пріѣхали въ Канаду зимой и весной 1898—99 гг. Значительное число мужского населенія разошлось по работамъ на желѣзныя дороги, фермы, заводы и пр.

Въ скоромъ времени почти вся остальная часть нашей партіи переѣхала изъ своей временной стоянки на постоянное мѣстожительство — въ широкія степи могучей рѣки Саскачевана, почти не знавшія еще жилья осѣдлаго человѣка, гдѣ и были заложены первые въ этой мѣстности духоборческіе поселки.

Нѣкоторая часть духоборцевъ, — отдѣльныя семьи, никуда не примкнувшія,—по преимуществу знающіе какое-либо мастерство, остались временно въ эмигрантскомъ домѣ г. Виннипега, быстро принялись за ремесло, очень хорошо зарабатывая. Особенно удачные заработки были у кожемякъ, умѣвшихъ хорошо обрабатывать овчины и мерлушку на воротники и шапки. Заработокъ этихъ мастеровъ достигалъ до 12 долларовъ въ день.

Интересно отмѣтить, что съ нашей партіей пріѣхало человѣкъ десять духоборцевъ, явныхъ искателей приключеній. Они привезли въ своихъ сундукахъ великолѣпныя ружья, а также патроны къ нимъ. Страстные охотники, совершенно не желающіе вести осѣдлый образъ жизни и заниматься земледѣліемъ, они въ Селькиркѣ, поживъ нѣсколько дней и немного осмотрѣвшись, запаслись хлѣбомъ, солью, табакомъ, размѣняли русскія деньги на канадскія, обрядили ружья въ чехлы,

простились кое съ кѣмъ и темнымъ вечеромъ, когда всѣ спали, вдругъ исчезли, направившись по-двое въ разныя стороны.

— Пошли искать бобровыя забойки,—говорили мнѣ духоборцы про двухъ особенно томившихся и путешествіемъ и всякимъ трудомъ и теперь отправившихся прямо на сѣверъ.

Ихъ никто не осудилъ.

— Не могутъ они,—говорили про нихъ,—жить такъ, какъ мы, скучаютъ, тоска ихъ ѣстъ.

— Любятъ бѣлый свѣтъ, и на Кавказѣ все время бродили по горамъ, только и думали какъ бы куда поглуше забраться, вотъ и здѣсь утекли—только и ждали этой ночи—теперь небось шагаютъ да посвистываютъ... Рады-радешеньки...

Такъ и исчезли они. Помню уже зимой кто-то изъ англичанъ, упрекая духоборцевъ, что они не ѣдятъ мясо съ похвалой, отозвался о нѣсколькихъ духоборцахъ, прекрасныхъ охотникахъ, — которые бьютъ самую рѣдкую пушнину и не боятся бродить повсюду... Мы поняли, что это говорится про нашихъ бѣглецовъ, такъ какъ изъ предыдущихъ партій никто не уходилъ... Это послѣднее извѣстіе, которое мы имѣли о нихъ.

IX.

Городъ Іорктонъ.

Въ августѣ 1899 года я двинулся дальше изъ Селькирка, имѣя намѣреніе достигнуть духоборческихъ участковъ Іорктонскаго района.

Въ Іорктонъ я пріѣхалъ въ обществѣ русской женщины-врача В. М. Величкиной и Л. А. Суллержицкаго.

Суллержицкій, сопровождавшій ранѣе духоборцевъ первой и третьей партіи, теперь много помогалъ по устройству духоборцевъ на мѣстѣ, пріискивалъ имъ работы и пр. Онъ какъ разъ ѣхалъ изъ Виннипега, гдѣ дѣлалъ разныя закупки для духоборцевъ, и еще дорогой высказывалъ мнѣ свои волненія и опасенія относительно вагона муки, нѣсколько дней тому назадъ доставленнаго въ Іорктонъ.

— Вотъ увидите, половина муки не дойдетъ до Громовой горы [1])... Южане обязательно растащутъ...

— Да почему-жъ это такъ?...

— Оттого, что ѣсть хотятъ, да и порядка нѣтъ...

Дѣйствительно, только-что мы слѣзли съ поѣзда и лишь успѣли сдать сторожу на храненіе до утра нашъ ручной багажъ и выйти опять на платформу, какъ насъ окружили духоборцы и послѣ обычныхъ привѣтствій: „Съ пріѣздомъ! Здорово ночевали!... Какъ ѣздилось?“ и отвѣтивъ на наши встрѣчные вопросы традиціоннымъ: „Слава Богу!.. Спаси Господи!..“,—приступили съ своими насущными нуждами:

— Левъ Антонычъ, — обратился одинъ изъ нихъ къ Суллержицкому,—а муки-то нѣтъ!...

— Какъ нѣтъ?

— Да такъ вотъ и нѣтъ...

— Гдѣ-жъ она?...

Елизаветпольцы и орловцы разобрали...

— Ну, что, видите...—бросилъ въ мою сторону отрывистое слово горячившійся Левъ Антоновичъ.

— Чего-жъ вы зѣвали?... А?... — обратился онъ къ сѣверянамъ...

---

1) Эта гора находится на сѣверномъ участкѣ.

— Да кабы зѣвали... Ѣхали шесть дёнъ, тащились, тащились,—еле доѣхали, глянь-ко-сь быкъ-то какой, совсѣмъ палъ—не знаю какъ и назадъ доѣду...

— Ну, у тебя быкъ, а ты, ты... вѣдь у васъ лошади, чего-жъ вы, братцы?... Опять безъ муки!...

— Мы вчера пріѣхали, муки-то ужъ не было... Артура Карловича [1]) спрашивали,—говоритъ, нѣтъ муки больше, ваши-же братья пріѣхали, забрали и уѣхали...

Въ скоромъ времени все это, однако, было урегулировано и подобныхъ описанному случаю болѣе не повторялось, такъ какъ выбранный хозяйственный комитетъ изъ духоборцевъ строго слѣдилъ за правильнымъ распредѣленіемъ всѣхъ прибывающихъ продуктовъ.

Утромъ, возлѣ дома иммигрантовъ, я увидѣлъ цѣлый маленькій таборъ. Посреди довольно обширнаго привокзальнаго выгона стояла большая палатка, наполненная духоборческимъ багажемъ. Кое-гдѣ виднѣлись землянки, печи, баня,—остатки отъ здѣшней, довольно долгой весенней стоянки духоборцевъ. Немного подальше нагромоздились около десятка духоборческихъ подводъ, пріѣхавшихъ сюда за мукой, за багажомъ или за людьми. Около фургоновъ толпились духоборцы, ведя нескончаемые разговоры о „Канадіи“, ея порядкахъ, и болѣе всего о быкахъ, коровахъ, лошадяхъ, о землѣ, работахъ и о предстоящей зимѣ.

---

[1]) Артуръ Карловичъ Синжонъ, англичанинъ, отставной капитанъ индійскихъ войскъ, прожилъ все время съ духоборцами на Кипрѣ, помогая имъ тамъ всяческимъ образомъ. Еще ранѣе, по порученію квакеровъ, онъ посѣщалъ духоборцевъ на Кавказѣ. Синжонъ довольно хорошо выучился говорить по-русски и находился въ Канадѣ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ духоборцами. Онъ занимался тамъ землемѣрствомъ, преимущественно на южномъ участкѣ, а также помогалъ духоборцамъ въ пріисканіи работъ, транспортировкѣ муки и пр.

Іорктонъ—небольшой городишко не болѣе какъ съ восемью стами жителей, сталъ довольно быстро расти и развиваться съ пріѣздомъ сюда духоборцевъ. Торговля сильно поднялась, на улицахъ Іорктона вѣчно толпятся духоборцы, то пріѣзжающіе за чѣмъ-либо въ городъ, то уѣзжающіе на работы, то возвращающіеся съ нихъ. Духоборцы оказали своеобразное вліяніе на мѣстныхъ жителей-англичанъ. Англичане-торговцы быстро поняли, что духоборцы — это довольно-таки лакомый для нихъ кусокъ и что съ ними необходимо жить въ мирѣ и согласіи. Сдѣлавъ нѣсколько опытовъ коммерческаго довѣрія и убѣдившись въ безусловной честности духоборцевъ, главнѣйшіе мѣстные торговцы открыли имъ большой кредитъ. Такъ какъ духоборцы, конечно, въ первые годы ни слова не понимали по-англійски, то приказчики магазиновъ стали усиленно брать уроки русскаго языка у одного юноши, пріѣхавшаго сюда вмѣстѣ съ духоборцами и окончившаго въ Россіи городское училище. Въ скоромъ времени въ окнахъ магазиновъ появились названія товаровъ на русскомъ языкѣ, при чемъ цѣны тоже означались по-русски и долларъ назывался рублемъ, а центъ—копейкой. На аптекѣ появилась русская вывѣска, въ одинъ изъ магазиновъ былъ выписанъ приказчикъ нѣмецъ-менонитъ, немного говорящій по-русски. Вообще духоборцы нѣсколько руссифицировали англичанъ.

Въ скоромъ времени,—въ теченіе первой зимы,—въ Іорктонѣ выросъ цѣлый русскій городокъ. Почти каждая деревня купила въ городѣ небольшой участокъ земли и возвела тамъ заѣзжую избу, конюшню, и помѣщеніе для склада.

Кромѣ того здѣсь же была выстроена общественная конюшня на двадцать паръ лошадей, гдѣ ставились лошади тѣхъ деревень, которыя еще не успѣли вы-

строить своей конюшни, а также и лошади духоборцевъ сѣвернаго участка, которые иногда имѣли надобность прiѣзжать въ Iорктонъ.

X.

Въ преріяхъ.

Уладивъ всѣ дѣла, мы, наконецъ, выѣхали изъ Iорктона въ легкой, крѣпкой бричкѣ, хорошо приспособленной для ѣзды по плохимъ дорогамъ преріи.

Пара индѣйскихъ лошадокъ,—Джи и Джой,—весело бѣжали по проселочной довольно хорошо наѣзженной дорогѣ.

Отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ Iорктона, миновавъ нѣсколько пригородныхъ фермъ и дачныхъ домиковъ iорктонской буржуазiи, мы вступили въ преріи. Это почувствовалось сразу. Вѣтеръ какъ-то рѣзвѣй дулъ намъ въ спины, солнце ярче блестѣло и кругомъ стояла особенная степная тишина, нарушаемая тихимъ шелестомъ травы, игравшей и переливавшейся повсюду кругомъ, точно волны зеленаго моря.

Передъ нами разстилалась безконечная степь, кое-гдѣ пересѣченная маленькими перелѣсками и оврагами. Проселокъ сталъ замѣтно менѣе разъѣзженъ, между его колеями густо росла трава, иногда совершенно закрывая всю дорогу.

Вотъ вдругъ дорога неожиданно исчезаетъ и передъ вами выростаетъ проволочная загородка, тянущаяся на довольно большое разстоянiе. Это—новый поселенецъ, фермеръ-англичанинъ, занялъ участокъ и поспѣшилъ огородиться со всѣхъ сторонъ колючею проволокой — этимъ символомъ неприкосновенности частной собственности. Приходится сворачивать и прокладывать новую

дорогу, прямо по преріи, не будучи увѣреннымъ, что завтра и эта дорога не будетъ или загорожена или перепахана...

Рѣдко-рѣдко встрѣтится наскоро сколоченный домикъ кочующаго скотовода и еще рѣже увидите вы настоящее фермерское хозяйство. Ясно, что сюда только-что начинаетъ проникать осѣдлый человѣкъ. Какъ-то странно видѣть среди этой высокой дикой степной травы, мелкихъ кустовъ, разнолѣсья, бурьяна и шиповника — распаханное или засѣянное поле. Мѣрно колышащіеся ячмень или пшеница, ряды картофельныхъ грядъ или изгородь дерзко нарушаютъ общую дѣвственную гармонію.

Степь, точно защищая свою независимость отъ нашествія человѣка, посылаетъ въ эти обработанные оазисы-участки множество сорныхъ травъ, птицъ, сусликовъ, овражковъ и всевозможныхъ козявокъ, жуковъ и червяковъ, съ которыми здѣсь, на первыхъ порахъ, очень трудно бороться земледѣльцу.

Но упорный человѣкъ, не глядя ни на что, чувствуя, что надо бороться изъ всѣхъ силъ, чтобы не погибнуть самому, идетъ войной и мститъ, или, лучше сказать, жестоко мстилъ преріи, поджигая ее тамъ и здѣсь, съ разныхъ концовъ, предварительно окопавъ и опахавъ свой домъ, постройки и все свое хозяйство. Впрочемъ, надо замѣтить, что этотъ наиболѣе дѣйствительный способъ борьбы съ врагами культурныхъ деревьевъ, злаковъ и корнеплодовъ, въ силу необходимости, теперь строжайше запрещенъ закономъ. Было очень много случаевъ, что пожары захватывали врасплохъ ѣдущихъ и идущихъ, и они погибали страшной смертью. Сгорало много фермъ, сгорало сѣно, сложенное въ копнахъ и стогахъ, сгорали стада коровъ и быковъ, табуны лошадей, гибло все отъ безпощаднаго огня. И

вотъ, теперь тотъ, кто будетъ уличенъ не только въ поджогѣ преріи, но просто въ томъ, что не затушитъ, какъ слѣдуетъ, костра, отъ котораго можетъ при вѣтрѣ произойти пожаръ,—карается нѣсколькими годами тюремнаго заключенія. Отъ мѣстнаго же населенія виновный всегда можетъ ожидать мести въ видѣ суда Линча.

Мы ѣхали все дальше и дальше.

Первая встрѣча наша съ духоборцами въ преріи произошла уже подъ-вечеръ на небольшомъ безымянномъ озерѣ, на одномъ изъ береговъ котораго расположена англійская ферма.

У этого фермера жили въ работникахъ два духоборческихъ мальчика-подростка. Такъ какъ день былъ воскресный, то къ нимъ съ противоположнаго берега пріѣхали на лодкѣ ихъ два товарища, также живущіе на фермѣ у „англика“. Четверо ребятъ, веселыхъ, празднично одѣтыхъ и празднично настроенныхъ, о чемъ-то оживленно разговаривали и пересмѣивались. Предвечерній прозрачный воздухъ звонко разносилъ ихъ юношескіе свѣжіе голоса.

Ребята были у самаго озера,—намъ ихъ было видно съ дороги, — они прощались съ товарищами, которые уже стояли въ лодкѣ и собирались уѣзжать. Еще нѣсколько минутъ и двое отчалили,—сейчасъ же раздалось пѣніе—это они, всѣ четверо, пѣли „стишекъ“, слова котораго я разобрать не могъ, но мотивъ былъ веселый, широко степной, съ легкимъ оттѣнкомъ задушевной грусти. Два голоса все удалялись, другіе два пѣли совсѣмъ возлѣ, не замѣчая насъ. Высокій прибрежный камышъ, шурша мохнатыми шапками, точно вторилъ имъ, — и тихое озеро эхомъ перекатывало звуки, отдавая ихъ гдѣ-то тамъ, далеко на рубежѣ виднѣющагося лѣса, окутаннаго сизою дымкой предвечерняго тумана склоняющагося къ закату дня. И какъ-то странно было

слышать эти звонкіе русскіе голоса здѣсь, въ далекой, привольной канадской степной глуши.

— Здравствуйте, ребятки!...

Пѣніе разомъ смолкло, только чуть слышно доносилось оно отголоскомъ скрывшихся въ заливѣ озера уѣхавшихъ пѣвцовъ.

— Левъ Антонычъ!... Здравствуй! — радостно кричали духоборчата, со всѣхъ ногъ кидаясь къ намъ черезъ густую береговую заросль.

— Съ пріѣздомъ!... Какъ поживаешь!... — и передъ нами стояли два подростка лѣтъ по четырнадцати, въ широкихъ штанахъ съ мотней, въ жилеткахъ сверхъ цвѣтной рубашки, въ типичныхъ духоборческихъ картузахъ съ большими козырьками и съ краснымъ кантомъ вокругъ донышка [1]), шейные платочки кокетливо выглядывали искусно завязаннымъ узломъ изъ-подъ бѣлыхъ воротничковъ мягкихъ рубашекъ.

Мы потолковали съ ребятками объ ихъ житьѣ-бытьѣ, перепрягли и напоили лошадей, подзакусили сами и поѣхали дальше, расчитывая къ ночи добраться въ поселокъ Ефремовку, гдѣ и намѣревались заночевать.

Солнце клонилось къ закату. Болота, лѣса, частый, на половину непроходимый, сухой кустарникъ и холмы смѣнили открытую степь. Здѣсь, въ этомъ мрачномъ безлюдьѣ, было еще тише, еще замкнутѣй. Озера и рѣчки попадались все чаще и чаще. Громадные валуны, неожиданные обрывы и кручи измѣнили пейзажъ и дорогу, заставивъ насторожиться насъ и лошадей. Еще нѣсколько верстъ тряски по небрежно набросаннымъ гатямъ и глубокимъ рытвинамъ—и наша пара быстрыхъ индѣйскихъ лошадокъ—нѣжные друзья Джи и Джой —

---

[1]) Мужской костюмъ у духоборцевъ перенятъ отъ донскихъ казаковъ.

вынесли насъ на высокій кряжъ холмовъ, откуда намъ опять раскрылась далекая гладь ровной преріи, сливавшаяся съ туманною линіей горизонта.

Вечеръ былъ свѣжій, но грустный, какъ ясные, тихіе вечера русскаго сѣвера. Звѣздное небо, прорѣзываемое бѣлесоватою дорогой млечнаго пути, еще алѣло на западѣ. Луны еще не было, когда прямо передъ нами сначала что-то вспыхнуло играющимъ, перекатистымъ блескомъ, потомъ остановилось, замерло, потомъ опять всколыхнулось и, наконецъ, сильнымъ, вольнымъ взмахомъ раскинулось лентообразное сѣверное сіяніе, продолжавшее долгое время волновать сѣверную окраину неба, иногда въ своемъ сполохѣ захватывая добрую половину небосвода...

Часовъ въ одиннадцать ночи мы рысью въѣхали въ небольшой поселокъ. Это была деревня Ефремовка — первое духоборческое селеніе, которое пришлось мнѣ видѣть въ Канадѣ. Мы остановились у одной изъ палатокъ. Силуэты хатъ и сараевъ маячили передъ нами. Нашъ неожиданный пріѣздъ нарушилъ тишину и покой. То тамъ, то здѣсь замелькали огоньки, — духоборцы проснулись, услыхавъ топотъ лошадей, грохотъ повозки и неумолкаемый грудной, пѣвучій крикъ Суллержицкаго, который, соскочивъ на ходу съ повозки, кричалъ, опрометью несясь къ палаткѣ:

— Аннушка, Аннушка, милая Аннушка, я хочу васъ видѣть!...

— Сейчасъ, сейчасъ... — откликнулся кто-то изъ палатки.—Подождите... Ко мнѣ нельзя... Одѣнусь только...

— Скорѣй, пожалуйста скорѣй!.. А гдѣ Ганя?.. Ганя съ вами?..

— Здѣсь ворочается... Сейчасъ будемъ готовы...

Черезъ нѣсколько минутъ палатка распахнулась и изъ нея вышла типичная русская дѣвушка-курсистка.

Это была фельдшерица А. О. Рабецъ, жившая съ духоборцами еще на Кипрѣ, гдѣ они такъ ужасно мерли... Мы познакомились. Въ палаткѣ засвѣтили огонь. Къ намъ съ разныхъ сторонъ подходили духоборцы съ обычными привѣтствіями и пожеланіями. Начались разспросы, разговоры; появился чай, рѣдька, лукъ, хлѣбъ; откуда-то вынырнула коробка съ финиками, какъ оказалось, присланная со Львомъ Антоновичемъ „сестрицѣ“ однимъ любезнымъ и предупредительнымъ англичаниномъ.

Шла оживленная бесѣда; время летѣло и востокъ сильно-сильно покраснѣлъ, когда мы разошлись по палаткамъ и предались здоровому сну на кучахъ сѣна, закутавшись въ кавказскія бурки и духоборческія одѣяла.

XI.

Среди Іорктонскихъ духоборцевъ.

Еще вечеромъ — въ день моего пріѣзда въ Ефремовку—мнѣ бросились въ глаза истомленныя лица съ лихорадочнымъ блестящимъ взглядомъ и худоба тѣхъ изъ духоборцевъ, которые пришли къ намъ въ палатку.

Какъ оказалось, это были кипрскіе духоборцы, т.-е. тѣ, которые въ августѣ тысяча восемьсотъ девяносто восьмого года, въ количествѣ 1126 человѣкъ, выѣхали съ Кавказа и, силой обстоятельствъ, попали въ эту пустыню, сжигаемую солнцемъ, пропитанную лихорадками и другими болѣзнями, гдѣ они и прожили около десяти мѣсяцевъ, оставивъ тамъ 108 человѣкъ умершими, а вырвавшіеся оттуда живыми доѣхали до Америки въ страшно истощенномъ видѣ.

Утромъ, выйдя изъ палатки, я увидѣлъ восемь избъ, выстроенныхъ улицей, обмазанныхъ глиной и крытыхъ

зеленымъ дерномъ, что̀ придавало странный видъ хатамъ, поросшимъ густой травой.

Къ нашей палаткѣ собрались ефремовцы.

Еще ранѣе, побесѣдовавъ съ фельдшерицей А. О. Рабецъ, я узналъ, что здѣсь почти нѣтъ хаты, нѣтъ семьи, гдѣ не было бы тяжело больного. Истощеніе за послѣдніе четыре года жизни на Кавказѣ, внѣ человѣческихъ условій существованія, усугубленное болѣзнями и страданіями на островѣ Кипрѣ и во время далекаго морского путешествія, сдѣлали свое неумолимое дѣло: туберкулезъ, ревматизмъ, лихорадка, полная анемія, застарѣлые катарры желудка и кишекъ, порокъ сердца, какъ слѣдствіе ревматизма со всѣми своими осложненіями и, наконецъ, начинающаяся цынга—мѣстное пріобрѣтеніе отъ плохого питанія — гложутъ, истощаютъ и заживо разлагаютъ этотъ когда-то здоровый, сильный и крѣпкій народъ.

Нѣкоторые изъ духоборцевъ, несмотря на хорошую, нехолодную погоду, пришли къ намъ въ полушубкахъ, такъ какъ ихъ трясла и „жмала" (жала) лихорадка. Другіе—слабые, унылые изможденные отъ той же лихорадки, которая, какъ разсказывали мнѣ эти постоянно больные люди, „сегодня кабыть отпустила, только трошки жметъ, а завтра опять вступитъ, ломать и трясть зачнетъ".

Послѣ недолгаго разговора, когда были покончены разные счеты и отчеты въ истраченныхъ суммахъ, мы просто стали бесѣдовать, и изъ этой бесѣды я уяснилъ себѣ то тяжелое положеніе, въ которомъ находятся эти люди. Я не буду приводить здѣсь всѣхъ статистическихъ данныхъ, опредѣляющихъ экономическое состояніе этой деревни, такъ какъ ниже мы представимъ читателямъ подробныя таблицы, выясняющія это положеніе, я остановлюсь лишь на томъ фактѣ, что здѣсь на восемь

деревень, съ населеніемъ въ тысячу человѣкъ, — больныхъ, анемичныхъ людей,—имѣлись только двѣ общественныя коровы, находящіяся въ распоряженіи двухъ фельдшерицъ. Неполное ведро молока, получаемое отъ каждой коровы, дѣлится на маленькія кружечки, которыя и раздаются наиболѣе слабымъ и дѣтямъ; и часто за этой кружечкой молока приходятъ очень издалека.

Пищей населенію служитъ одна мука и то не вдоволь. Кое-что выросло на огородахъ, но въ общемъ всего очень мало, такъ какъ пріѣхали поздно, истощенные, больные; нужно было строить хаты, скота мало: какой былъ ушелъ на пахоту и подвозъ муки; лѣсъ таскали на себѣ, а тутъ лихорадка перетрепливаетъ то того, то другого; немного кое-какъ землицы вскопали, засѣяли редиску, луку, капусту, морковь, свеклу, картошку, огурцы посадили; огурцы завязались-было, — а теперь отпали; поздно, холодно, картошка совсѣмъ хороша, да овражекъ ѣстъ.

Масла не видали сколько ужъ время — ни у кого нѣтъ. У многихъ куриная слѣпота; „какъ солнышко сядетъ, такъ гдѣ былъ, тамъ и садись“ пяти шаговъ сдѣлать нельзя—жаловались мнѣ духоборцы. „Вотъ бы маслица бы гдѣ раздобыть — сейчасъ хворь прошла бы, да гдѣ его возьмешь? Купилъ бы, да купила нѣтъ“...

Въ этой же деревнѣ поразительная бѣднота въ одеждѣ; за четыре слишкомъ года бродячей бездомовной жизни, въ ссылкѣ и заключеніяхъ эти духоборцы до того обнищали, обтрепались, что прямо жалко и больно смотрѣть на нихъ. Въ прежней жизни, когда они жили своими домами—хозяевами, они привыкли носить шерстяную одежду; теперь отъ этихъ шерстяныхъ духоборческихъ костюмовъ остались одни лохмотья и заплаты. Духоборцы хотя и стараются придерживаться стараго своеобразнаго покроя и фасона въ одеждѣ, но

нужда заставила ихъ надѣвать и носить то, что̀ придется, что̀ подешевле. И вотъ вы можете видѣть здѣсь вмѣсто шароваръ—брюки, сшитые изъ сѣрыхъ мѣшковъ отъ муки; изъ этихъ же мѣшковъ женщины пошили себѣ „зановѣски“ (фартуки), а нѣкоторыя изъ нихъ, а также кое-кто и изъ мужчинъ, не имѣя чулокъ, обертываютъ ноги все тѣми же лоскутами отъ мучныхъ мѣшковъ,—что-то вродѣ великорусскихъ онучъ.

Жутко становилось, когда знаешь, что вотъ еще $1^1/_2$—2 мѣсяца и наступитъ суровая, снѣжная, вьюжная канадская зима; снѣга занесутъ дороги, хаты и землянки; двадцатиградусные морозы, которые здѣсь очень и очень часты, атакуютъ населеніе; работы, отхожіе промыслы почти прекратятся и когда этимъ измученнымъ и гонимымъ судьбой людямъ придется за 30—40—50 и болѣе верстъ тянуться на измученныхъ плохихъ лошадёнкахъ, по мало извѣстнымъ мѣстамъ, въ городъ за мукой, въ плохой одеждѣ, въ лихорадкахъ и ревматизмахъ,—что̀-то будетъ зимой?

Въ населеніи уже начала развиваться апатія, упадокъ духа и даже такихъ важныхъ вещей, какъ напримѣръ выставленіе вѣхъ по всѣмъ дорогамъ, почти невозможно было добиться: никто не хочетъ думать о будущемъ. Со стороны же всѣмъ ясно, что если не будетъ вѣхъ, будутъ смерти отъ замерзанія, будетъ пропажа неизвѣстно куда людей и скота, такъ какъ и теперь, когда дорога видна и есть различныя примѣты, частенько бываетъ, что духоборцы сбиваются съ дороги и пріѣзжаютъ совсѣмъ не туда, куда хотятъ... Что же будетъ зимой, когда, послѣ хорошаго снѣга и вѣтра, совершенно нѣтъ и признака дороги и казенную дорогу отъ Іорктона на фортъ Пэле [1]) и городъ Кавань вновь

[1]) Небольшое поселеніе въ 3 дома, гдѣ живетъ полицейскій, есть лавка и пр.

пробиваютъ индѣйцы изъ компаніи Gudson bay C⁰ на лошадяхъ или собакахъ, такъ какъ индѣйцы знаютъ прерію какъ свои пять пальцевъ...

У духоборцевъ въ это время жила какая-то смутная надежда на добрыхъ людей, да еще на Бога, которому они „предали жизни свои“,—какъ говорятъ они,—и исполненія воли Котораго ожидаютъ съ покорностью и со смиреніемъ, удесятеряемымъ апатіей и пассивностью отъ истощенія и сильной анеміей отъ лихорадокъ и плохого питанія.

Подъ вечеръ мы стали собираться въ дорогу, намѣреваясь добраться до поселка Тамбовка,—мѣсто зимовки части духоборцевъ съ двухъ первыхъ пароходовъ, гдѣ на другой день была назначена общая „съѣздка“ южной колоніи.

Мы совсѣмъ было уже отъѣхали, какъ въ Ефремовку пріѣхала англичанка-корреспондентка изъ Торонто. Эта милая барынька хотѣла возстановить истину о духоборцахъ, а потому и разъѣзжаетъ по ихъ колоніямъ. Она наивно совѣтуетъ духоборцамъ обшивать кружевами переднички у дѣтишекъ; высказывала оживленное желаніе научить духоборцевъ хорошо приготовлять дрожжи, въ то время какъ у нихъ частенько нѣтъ и муки; рекомендуетъ имъ porridge на brecfast (каша на завтракъ), такъ какъ это очень здорово; очень сожалѣетъ, что канадское правительство не поселило среди духоборцевъ нѣсколько семей канадцевъ, понимающихъ толкъ въ кулинарномъ искусствѣ, такъ какъ тогда бы канадцы научили духоборцевъ варить овощи и приготовлять всякія другія кушанья; между прочимъ она сама лично тутъ же связала и показала духоборцамъ фасонъ такихъ особенныхъ мягкихъ тряпочекъ изъ шерсти, которыми очень удобно вытирать чайную посуду и дала еще очень много тому подобныхъ предположеній и совѣтовъ...

Чтобы остаться добродѣтельной въ глазахъ духо борцевъ, которые такъ радушно вездѣ принимали ее, она милостиво раздавала... по два лимона въ каждомъ селѣ и кое-гдѣ соблаговолила пожертвовать на дѣтей... по 2 баночки конденсированнаго молока.

Мы поспѣшили уѣхать въ Тамбовку, гдѣ впрочемъ насъ ожидала непріятная перспектива вновъ встрѣтиться съ этой корреспонденткой изъ Торонто.

Отъѣхавъ верстъ пять отъ Ефремовки, мы увидѣли двухъ духоборцевъ, идущихъ намъ на встрѣчу. Они были одѣты по походному: за плечами бурка, мѣшокъ съ сухарями, у пояса кружка, у каждаго въ рукахъ увѣсистая палка.

— Здорово дневали!... — привѣтствовали они насъ, когда мы поравнялись съ ними.

— Ничего, слава Богу. Какъ вы?...

— Спаси Господи, хорошо...

— Куда же вы это идете?...—спросили мы.

— А не встрѣчали-ли женщины съ дѣвочкой?—отвѣтили они вопросомъ.

— Нѣтъ, не встрѣчали.

— Кто ее знаетъ, пропала баба; вчера утромъ ушла съ дѣвочкой въ лѣсъ за ягодами и до се нема. И на ночь не приходила, а теперь вотъ и другая ночь.

— А искали ее?...

— Да, сказать, всю окрестность выходили. Кричали, шумѣли, скрозь ходили; по фермамъ заходили, нигдѣ ничего...

— Что-жъ будете дѣлать?...

— Пойдемъ искать еще, можа и найдемъ. А то, сохрани Господи, всяко бываетъ — тутъ и медвѣди похаживаютъ, да и люди тоже...

Мы распрощались. Оказывается уже не разъ случались здѣсь такія пропажи людей. Пойдутъ за ягодами,

за грибами и пропадаютъ нѣсколько дней, ночуя въ полѣ и въ лѣсу, питаясь ягодами и кореньями. Я послѣ видѣлъ женщинъ, которыя провели нѣсколько ночей въ преріи. На одну эта невольная ночевка произвела особенно сильное впечатлѣніе.

— Тишина такая стала,—разсказывала она,—не шелохнетъ. Только то тамъ, то здѣсь что-то хрупнетъ, прошуршитъ и опять все смолкнетъ. Я кинулась молиться. Молилась долго. Когда опомнилась совсѣмъ стемнѣло, въ двухъ шагахъ ничего не видно, а что-то со всѣхъ сторонъ кажется, точно надвигается. Я очень притомилась за цѣлый день, выходила сколько верстъ, да и не ѣла почти ничего, только ягоды, да немножко хлѣбушка было. А тутъ комаръ напалъ, ну и комаръ!! Обсыпной прямо; такъ горстми и сгребаю, вездѣ позабились, всю пооблѣпили, просто терпѣнія нѣтъ; за ночь лицо во какъ распухло!.. Страшнѣй всего это „ховражки" (овражки). Сѣла это я на земь, а они обступили меня много, много, стали на заднія лапки да и посвистываютъ словно такъ-ли смѣются надо мной. А мнѣ и досадно, и жутко и чего-то стыдно. А они такіе смѣлые, такъ и лѣзутъ на меня. Такъ до утра и просидѣла глазъ не сомкнула. Къ вечеру Богъ привелъ на дорогу; пошла по дорогѣ, встрѣтила нашихъ съ обозомъ; они накормили меня и на мѣсто предоставили.

Подъѣзжая къ Тамбовкѣ, мы увидѣли еще двухъ духоборцевъ, которые встрѣтили насъ тѣми же привѣтствіями и тѣми же распросами. Они шли на розыски, вооружившись желѣзными вилами, „такъ, на всякій случай"—какъ сказали они.

Къ счастью, изъ духоборцевъ никто не пропалъ въ преріи, въ лѣсахъ и болотахъ. Но эта опасность постоянно виситъ надъ ними. Здѣсь есть такія мѣста, гдѣ самые опытные изъ стариковъ блудили по нѣсколько

дней не находя дороги на какое-нибудь жилье. Два галичанина такъ и пропали безъ вѣсти въ тайгѣ и болотахъ канадской преріи, несомнѣнно погибнувъ трагической смертью.

Уже смеркалось, когда мы въѣхали въ Тамбовку. Это довольно большой поселокъ, состоящій изъ громадныхъ на́скоро и грубо сдѣланныхъ хатъ.

На улицѣ было довольно много народа. Изъ всѣхъ на себя обращалъ вниманіе статный старикъ средняго роста, съ окладистой сѣдой, немного вьющейся бородой. Сухой и бодрый, онъ съ посохомъ въ рукахъ, въ бараньей шапкѣ, въ синемъ бешметѣ и такихъ же штанахъ, живо похаживалъ по улицѣ, обращаясь то къ тому, то къ другому, несомнѣнно дѣлая какія-то распоряженія.

Онъ замѣтилъ насъ и, этикетно привѣтствуя, велѣлъ отпрячь лошадей, просилъ самихъ не безпокоиться, послалъ въ степь за свѣжимъ сѣномъ, вообще все устроилъ и пригласилъ насъ къ себѣ въ хату.

Это былъ знаменитый духоборецъ ветеранъ старикъ Иванъ Махортовъ, воинъ крымской кампаніи, матросъ и боцманъ на кораблѣ адмирала Нахимова „Екатерина", онъ, „познавъ сущность жизни", предался духоборческому ученію, за что и претерпѣлъ много гоненій, былъ въ ссылкѣ, носилъ двѣнадцать лѣтъ кандалы, которые „всего меня истерли и изломали", какъ говоритъ онъ, и, наконецъ, на старости лѣтъ, ему разрѣшили соединиться съ своими братьями по вѣрѣ и духу и онъ получилъ свободу изгнанный изъ родной земли. Канада ему не особенно нравилась, его тянуло въ Россію, онъ сильно печалился о томъ, что „здѣсь народъ сталъ портиться; злоба пошла и среди нашихъ духъ ослабѣлъ, а почему? Нужда и скорбь (болѣзнь) заѣла". Старикъ смотритъ совсѣмъ молодцомъ, а почетъ и глубокое,

всеобщее, со стороны духоборцевъ, уваженіе несомнѣнно радуютъ, умиляютъ его и даютъ ему успокоеніе и отдыхъ въ его все-жъ таки послѣдніе, догорающіе дни жизни.

Узнавъ, что къ нимъ ѣдетъ англійская гостья, корреспондентка изъ г. Торонто, Махортовъ встрепенулся. Онъ сейчасъ-же позвалъ къ себѣ нѣсколькихъ старичковъ, что-то поговорилъ съ ними и черезъ минуту всѣ тамбовцы зашевелились. Улица подметалась, отрядъ подростковъ былъ командированъ въ степь за свѣжимъ сѣномъ; двое были посланы на дорогу встрѣчать гостью и указать кучеру лучшую дорогу, такъ какъ подъѣхать къ Тамбовкѣ можно нѣсколькими дорогами. Сейчасъ же была очищена хата для ночевки, начисто выметена, столъ, скамьи, стѣны вытерты сырой тряпкой, желѣзная печь затоплена, и на ней сейчасъ же стали согрѣвать воду для чая.

Тутъ же приготовлялось мѣсто для ночлега: палати устилали полосами (большіе, мягкіе войлоки), дѣлались изъ подушекъ перины, прибивались занавѣски и пр. и пр., вообще совершалось все, что̀ требовала парадная и гостепріимная встрѣча. Самъ Махортовъ за всѣмъ смотрѣлъ, до тонкости все предугадывалъ, приговаривая: „съ дамами надо имѣть обхожденіе. Кавалеръ тоже требуетъ заботы, но дама,—дама статья особенная...“

Не прошло и полчаса какъ все приняло праздничный видъ; на улицѣ показались пріодѣтыя дѣти и дѣвушки, а минутъ черезъ пять двое сторожевыхъ ребятъ прилетѣли на своихъ борзыхъ ногахъ, и въ одинъ голосъ объявили:

— Дѣдушка, ѣдутъ!...

— Хорошо...—протянулъ старикъ; еще разъ окинулъ все взоромъ, взялъ свой неизмѣнный посохъ и степенно, какъ бы не ожидая ничего особеннаго, зашагалъ по улицѣ...

Пара карихъ лошадей подкатила коляску, въ которой находилась все та же госпожа корреспондентка изъ Торонто, а слѣдомъ за ней пріѣхала въ такой же коляскѣ квакерша — представительница канадскихъ квакеровъ, которая объѣзжала духоборцевъ по порученію своихъ собратьевъ.

Эта дама съ шумомъ выскочила изъ коляски, привѣтствуемая корреспонденткой изъ Торонто и стала разглядывать духоборцевъ точно дикихъ звѣрей въ звѣринцѣ. Ея экзальтированныя движенія, вскрикиванія и взвизгиванія несомнѣнно смущали, шокировали духоборцевъ, но они изъ этикета не выказывали своего недоумѣнія, а только переглядывались между собой.

Послѣ ужина и ряда глупѣйшихъ совѣтовъ и разспросовъ, госпожа корреспондентка изъ Торонто и квакерша отправились ночевать въ собственную палатку, которую тутъ же имъ раскинули, довольно грубо отказавшись отъ предложеннаго и устроеннаго имъ ночлега въ хатѣ Махортова. Поздно вечеромъ стали подходить кое-кто изъ духоборцевъ изъ другихъ селъ, такъ какъ на завтра была назначена общая съѣздка, гдѣ предстояло выяснить весьма важные вопросы.

На другой день часовъ въ 10 утра открылась въ селеніи Тамбовка общая съѣздка южнаго участка. Изъ 33 деревень 27 прислало своихъ представителей.

На съѣздкѣ обсуждались разные хозяйственные вопросы, между которыми вопросъ о выясненіи экономическаго состоянія населенія занималъ первое мѣсто.

Былъ произведенъ подробный опросъ представителей, результаты котораго изложены въ нижеслѣдующей таблицѣ:

№№.	Названіе селъ.	Количество душъ.	Лошадей.	Быковъ.	Коровъ.	Фургоновъ.	Плуговъ.
	Около озера Добраго духа.						
1	Благосклоновка.	146	3	—	1	—	—
2	Кириловка	72	4	—	- -	1	1
3	Новоспасовка	115	6	4	1	2	—
4	Утѣшеніе	180	6	4	1	2	2
5	Новотроицкое	185	11	—	. .	4	4
6	Новогорѣлое.	80	3	10	4	4	2
7	Позираевка.	29	7	—	5	3	2
8	Возвышеніе	45	10	—	6	3	3
	Около Бѣлой рѣчки.						
9	Кириловка	84	3	—	—	1	1
10	Моисѣевка	80	4		—	2	2
11	Бесѣдовка	105	1	- -	—	1	2
12	Благовѣщеніе	152	7	—	2	4	3
13	Совѣтовка	122	1	-	1	2	3
14	Потерпѣвшее	189	3	2	1	2	3
15	Смиреновка	170	9	—	—	4	3
16	Терпѣніе (Карское).	254	8	3	1	3	3
17	Спасовка	104	4	—	—	1	2
18	Покровка	130	13	—	—	4	4
19	Славянка	136	2	—	—	1	2
	Итого по страницѣ. . . .	2378	105	23	23	44	42

№№.	Названіе селъ.	Количество душъ.	Пошадей.	Быковъ.	Коровъ.	Фургоновъ.	Плуговъ.
	Переносъ . . .	2378	105	23	23	44	42
20	Вѣровка.	174	1	2	—	1	1
21	Благодареновка.	200	5	—	—	1	3
	Кипрскія и холодненскія.						
22	Позираевка.	108	—	4	—	1	1
23	Ефремовка	190	2	2	1	1	1
24	Воскресеніе.	119	2	—	—	1	1
25	Родіоновка	120	2	1	1	1	1
26	Возсіяніе	113	2	—	—	1	1
27	Николаевка	110	—	3	—	1	1
28	Каменка.	143	2	2	—	1	1
29	Петровка	112	1	2	—	1	1
30	Труждeніe.	71	2	—	—	1	1
31	Терпѣніе	119	4	1	1	2	1
32	Смиреновка.	160	1	2	1/2 [1])	1 1/2 [2])	1
33	Тамбовка	155	1	2	1/2 [1])	1 1/2 [2])	1
34	Петровка	180	2	2	—	1	1
	А всего	4452	132	46	27	61	59

[1]) Сс. Смиреновка и Тамбовка имѣли оду общую корову, молоко которой дѣлили пополамъ.

[2]) Сс. Смиреновка и Тамбовка имѣли вмѣстѣ 3 фургона. Одинъ изъ фургоновъ брали по очереди то въ одно, то въ другое селеніе.

Между прочимъ тутъ же публично былъ установленъ фактъ большой зависимости и постояннаго утѣснительства бѣдныхъ богатыми.

Такъ, въ одномъ изъ селенiй богатая часть духоборцевъ, имѣющая достаточно лошадей, за перевозъ багажа семьямъ бѣдняковъ отобрала у бѣдняковъ послѣднюю ихъ пару лошадей, и бѣднымъ теперь было неначѣмъ даже подвезти себѣ муки изъ Iорктона.

Это извѣстiе всѣхъ ошеломило на съѣздкѣ. Старикъ Махортовъ попросилъ представителя этой деревни, положа руку на сердце, разсказать объ этомъ случаѣ все по порядку, какъ было. Вотъ что̀ разсказалъ этотъ представитель:

— Богатые отобрали у насъ послѣднюю лошадь въ уплату за перевозъ нашего багажа и подвозъ лѣса на хаты. Мы стали просить у нихъ, чтобы они на своихъ лошадяхъ хотя привезли бы намъ муки, а то прямо хоть умирай. Мука у насъ лежитъ въ Iорктонѣ — наши ребята на работѣ на чугункѣ, трохи денегъ прислали, мы муки купили — пояснилъ разсказчикъ. — Они намъ говорятъ: хорошо, мы привеземъ муки, но только подъ тѣмъ условiемъ, чтобы муку и на нашу долю дѣлить. Видимъ мы, что братья-то наши богатеи на шеѣ у насъ умѣститься хотятъ и говоримъ мы имъ: хорошо, мы согласны такъ, но только пусть это всегда такъ будетъ, чью бы муку вы ни привезли—свою-ли, нашу-ли,— промежъ всѣхъ будемъ дѣлить. Они не присогласились свою муку въ дѣлежъ пускать, мы же не могли отдать имъ наши послѣднiя крохи, такъ безъ муки и остались. Теперь христовымъ именей проѣзжихъ братьевъ просимъ мучицы намъ подвезть; кто мѣшокъ, кто два подвезетъ — такъ и живемъ изо дня въ день, что̀ дальше будетъ не знаемъ.

Молча, понуро выслушала эту исповѣдь съѣздка,

потомъ вздохнула и кое-гдѣ пронесся возгласъ: „Богъ съ ними, погубить хотятъ“... Почувствовалось полное неодобреніе поступковъ этихъ міроѣдовъ. Я видѣлъ какъ сейчасъ же многіе изъ сосѣднихъ селъ предложили свои услуги бѣднякамъ доставить муку.

Я слышалъ нѣсколько сообщеній о грустныхъ поступкахъ духоборческихъ міроѣдовъ. И здѣсь они есть, также какъ и вездѣ, но здѣсь, среди іорктонскихъ духоборцевъ ихъ гораздо меньше, чѣмъ среди такъ называемыхъ карскихъ „духоборцевъ“. Вообще здѣшній народъ, въ большинствѣ прошедшій лучшую изъ школъ— страданіе за свои убѣжденія, сильно, въ выгодную для него сторону, отличается отъ карскихъ духоборцевъ, которыхъ я сопровождалъ. Здѣсь меньше сектантства, больше свободы, меньше политики, больше искренности.

Съѣздка кончилась, но духоборцы долго еще не расходились, толкуя о своихъ насущныхъ дѣлахъ. Корреспондентка изъ Торонто и визгливая квакерша присутствовали на съѣздкѣ, видимо удивляясь тому порядку и тому спокойствію и выдержанности, которыя царили на съѣздкѣ.

Окончивъ дѣла, мы поторопились распрощаться заложили лошадей и поѣхали дальше, намѣреваясь переночевать въ деревнѣ Терпѣніе.

XII.

Община Терпѣніе.

Когда мы вступили въ районъ дѣятельности терпѣнской общины, мы были поражены дружной и энергичной работой, которая повсюду кругомъ, куда ни взглянешь, оставила свои слѣды. Нигдѣ мы не видѣли такъ

много распаханной земли какъ здѣсь: вездѣ виднѣлись черныя пятна поднятой пахоты, рельефно вырисовывающіяся на фонѣ зеленой степи. Мы одно время склонны были сомнѣваться чья это земля. Сомнѣніе удваивалось, когда мы вспоминали, что бо̀льшая часть общины совсѣмъ недавно—съ четвертаго марта—пріѣхала въ Америку, что у нихъ не было лошадей, а изъ четырехъ кое-какъ купленныхъ три убѣжали и пропадали неизвѣстно гдѣ три недѣли самаго горячаго времени, и только черезъ три недѣли двѣ нашлись, а одна такъ и пропала. Мы знали также, что *большинство* рабочаго населенія этой общины разошлось на заработки, чтобы прокормить остальныхъ и кое-какъ сбиться на лошаденокъ, но вся эта земля, какъ оказалось, принадлежала именно терпѣнцамъ.

Ѣдемъ дальше; пахотная земля во многихъ мѣстахъ огорожена плетнемъ—чрезвычайно важная забота о будущемъ хлѣбѣ, такъ какъ, по здѣшнимъ законамъ, скотоводы не должны наблюдать за скотомъ, гдѣ онъ ходитъ, и за потраву скотоводъ или фермеръ не отвѣчаютъ; наоборотъ: если скотина упадетъ и будетъ установлено, что смерть воспослѣдовала отъ того, что корова или лошадь объѣлись ячменя, овса или еще чего на полѣ такого-то хозяина, то этотъ хозяинъ долженъ будетъ заплатить стоимость коровы или лошади скотоводу. Этотъ законъ очень удивилъ духоборцевъ; они долго не хотѣли вѣрить, что онъ существуетъ, и только печальный опытъ вразумилъ ихъ и заставилъ дѣлать изгороди; во многихъ поселеніяхъ огороды и посѣвы сильно попорчены, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ уничтожены пасущейся въ степи скотиной.

Терпѣнцы это поняли раньше другихъ и огородили больше другихъ.

Ѣдемъ еще дальше. Мосты черезъ оврагъ и рѣчку сдѣ-

ланы настоящіе: спускъ и подъемъ на нихъ выправлены, дорога расчищена, вообще вездѣ видна заботливая рука.

Вотъ завиднѣлись избы, еще пять минутъ и мы въ Терпѣніи.

Неуспѣли мы поздороваться со всѣми, кто подошелъ къ намъ, какъ стоявшія тутъ же духоборки заговорили почти разомъ, всхлипывая и причитая:

— А у насъ, миленькіе, горе, ой, какое горе! Несчастьице наше!.. Что же мы теперь будемъ дѣлать, да какъ же мы теперь будемъ жить?...

— Что такое?... Что же у васъ случилось?...—спрашивали мы, не понимая въ чемъ же собственно дѣло.

— Градъ убилъ насъ... Все выбилъ до чиста... все, все, ничего не осталось.

Оказалось, что только въ это утро, часа въ четыре, прошелъ сильнѣйшій градъ, съ куриное яйцо, какъ говорили терпѣнцы, и все выбилъ до основанія.

Когда бабы немного поуспокоились и перестали причитать и голосить, одна изъ нихъ разсказала намъ какъ это все было.

— Только мы вставать зачали—нашла туча, да какъ началъ молотить градъ, думали крышу пробьетъ. Мы-то всѣ замлѣли, а дѣтвора проснулась, сбилась въ кучу, да какъ заголоситъ: „нянички [1]) наши родненькія, что же намъ теперь дѣлать, какъ же жить мы будемъ, не будетъ у насъ ни хлѣбушка, ни огурчиковъ... помремъ мы всѣ съ голода“. А огурцы во какіе ужъ были,—неутерпѣла похвастаться хозяйственная духоборка и показала свой указательный палецъ. — Мы дѣтей уговаривать: „Боженька, молъ, далъ, Боженька и взялъ, на то Его святая воля...“ А они все голосятъ свое, извѣстно дѣти—разумъ-то въ нихъ еще не вступилъ.

[1]) Духоборческія дѣти мать называютъ няней, а отца—старичкомъ или просто Ваня, Николаша, Петруня.—*Прим. В. Б. Б.*

— Что Богъ да Богъ!... Дѣти?... Тутъ и безъ дѣтей заголосишь,—подступила къ намъ нервная, возбужденная духоборка лѣтъ 27, сильно истощенная и исхудавшая въ работѣ. — Ты, бабушка, здѣсь не была, а я-то знаю, какова наша жизнь-то весенняя была... Ну и жизнь!...

— Не ропщи, дѣвка, не ропщи!...—успокаивала старуха.

— Нѣтъ, постойте, дай я вамъ все разскажу, хоть душу отведу. Лошадей не было вовсе, по восемь да по двѣнадцать паръ вотъ такихъ кобылицъ, какъ я, въ плугъ запрягались,—тянешь, тянешь этотъ плугъ—мочи нѣтъ, всю тебя на части рветъ, а все тянешь, въ горлѣ запечется, губы тоже; ахъ ты, думаешь, что же это такое, когда конецъ-то?... Ничего, водицы выпьешь и опять тянешь, тянешь... Мужиковъ дома не было, всѣ на работѣ, все одни сестры дома... Сердце замираетъ, подъ грудью подкатываетъ, вотъ-вотъ упадешь, а все тянешь. Обѣдъ придетъ — горяченькой водицы замѣсто борща похлебаешь, да хлѣбушка безъ соли помусолишь, и опять запрягаться... Безъ соли, любошные, безъ соли три недѣли сидѣли; вотъ какъ было... Ни тебѣ купить не за что, ни тебѣ поѣхать не на чѣмъ... Просто бѣда... А тутъ распутица стоитъ и пойти-то никуда нельзя. Господи,—думаешь себѣ,—за что такую муку мученскую принимаемъ, или мало мы терпѣли? А? Ну вотъ вспахали-таки, посѣяли; взошло все хорошо, выкинулось, развѣтвилось, разметалось,—смотрѣть любо! Придемъ это мы къ загончику, поцѣлуемъ ячеменекъ или овесецъ, да и говоримъ: „Господи, благодаримъ Тя, что труды наши засчиталъ. Экое богатство послалъ намъ, счастіе великое даровалъ". И такъ хорошо на душѣ, просто страсть! Куды ты! Хучь какія и мученія, и труды забудешь отъ такихъ радостей, даже про соль позабыли. Ни у кого по со-

сѣдству такого урожая не было: ячмень въ три грани, ядреный, что твой горохъ, — глядите сами—и намъ показывали колосья ячменя, подобраннаго на полѣ послѣ града.—На бахчи (огороды) вездѣ Ванькò [1]) напалъ, а у насъ нѣтъ; появился-было разокъ, да мы какъ вышли всѣмъ гуртомъ, собрали всего, въ банки (отъ консервовъ) наклали, банки забили, завязали, да въ рѣку и побросали,—небось, теперь весь подохъ. Огурцы какіе были, лобія (фасоль), капуста, помидоры завязались, все, все, даже арбузы и тѣ удались... Вотъ думаемъ и награда же намъ! А тутъ на!... Какъ нагрянулъ, какъ началъ молотить — все вымолотилъ до-чиста... Вотъ тѣ и награда!... Вотъ тѣ и Богъ!... Тутъ говорятъ: не ропщи, на все Его святая воля. Это точно что такъ, да вотъ пахота наша каторжная вспомнилась, и соль вспомнилась, и водичка кипяченая, вмѣсто борща, тоже вспомнилась, все-все вспомнилось... Богъ, Богъ!... А зачѣмъ Онъ замолотилъ у насъ?...—Баба утирала пальцами глаза и долго еще причитала и жаловалась на несправедливость и жестокость судьбы.

Всякія утѣшенія здѣсь, конечно, были безполезны: слишкомъ очевидна была какая-то жестокая безсмыслица въ этомъ неожиданно налетѣвшемъ градѣ, разрушившемъ всѣ надежды и упованіе, а, главное, представленіе о вполнѣ заслуженной наградѣ за нечеловѣческіе труды и усилія этихъ женщинъ.

---

[1]) Ванькò—это какой-то жучекъ, немилосердно истреблявшій духоборческіе огороды. Самъ я его не видѣлъ, когда пріѣхалъ—уже прошло его время. Духоборцы разсказываютъ про него такъ: „штаники у него черные, сапожки тоже, рубашечка—красненькая, какъ у нашего Ваньки; ѣстъ всякую овощь и „фрухту“ (дыни, арбузы, тыквы). Отъ „Ваньки въ красненькой рубашкѣ“ этотъ жучекъ и получилъ свое названіе у духоборцевъ. Въ другихъ селахъ его по той же причинѣ зовутъ Кузькой.

Всѣ молчали. Потомъ послышались спокойные голоса старухъ, но молодежь была недовольна ими. Молодежь бунтовала. Мы долго еще говорили объ этомъ ужасномъ событіи, пока, наконецъ, не пришла пора спать.

Этой же общинѣ вдругъ черезъ нѣсколько дней послѣ градобитія пришло счастіе. Изъ Россіи, черезъ Л. Н. Толстого, прислали терпѣнцамъ 100 англійскихъ фунтовъ (950 р. по тому времени); несомнѣнно эти деньги пришли какъ нельзя кстати, онѣ поддержали общину и дали ей возможность расплатиться за лошадей и прикупить кое-чего необходимаго въ хозяйствѣ.

На другой день мы поднялись съ восходомъ солнца. Многіе изъ духоборцевъ уже были на ногахъ. Одни отправлялись пахать, другіе пошли достраивать хату и класть печь; молодежь отбивала косы, а часть изъ нихъ принялась за плотницкую работу, изготовляя рамы для оконъ, притолки, двери. Все это дѣлалось очень дружно, весело, безъ всякихъ пререканій и указаній; каждый шелъ на свой обычный трудъ, несомнѣнно такъ сроднившись съ положеніемъ работы на пользу общую, а потому и на свою, что о другомъ какомъ-либо распорядкѣ не могло быть и рѣчи.

XIII.

На сѣверный участокъ.

Мы тронулись въ путь. Проѣхавъ версты три цѣлиной, мы выбрались на фортпелевскую дорогу, ведущую къ маленькому поселенію фортъ Пеле, о которомъ я уже имѣлъ случай упоминать. Миновавъ фортъ Пеле, мы вступили въ почти совершенно незаселенную двад-

цатипятиверстную полосу, которая отдѣляетъ сѣверный участокъ отъ южнаго. Чѣмъ дальше ѣхали мы на сѣверъ, тѣмъ природа становилась суровѣй, однообразнѣй и попадавшееся прежде разнолѣсье смѣнилось почти сплошной осиной; впрочемъ, кое-гдѣ еще попадались небольшія елки.

Мы спустились къ болоту; дорога была грязная и вдругъ за однимъ поворотомъ почти вплотную наѣхали на духоборцевъ. Они сначала насъ не замѣтили, такъ были погружены въ свою работу. Работа же ихъ была не легкая. Они всей грудью влегли въ лямки, наклонили головы, и круто упираясь ногами, старались вытащить завязшій въ грязи своеобразный и самодѣльный экипажъ. Экипажъ этотъ былъ очень простъ: два круглыхъ обрубка поларшиннаго (въ діаметрѣ) дерева скрѣплены были толстой осью и вотъ на такихъ-то двухъ парахъ колесъ лежали три, только-что срубленныхъ и обчищенныхъ отъ вѣтвей, дерева. Оказалось, что духоборцы такимъ способомъ за нѣсколько верстъ везли лѣсъ на постройку хатъ, а такъ какъ все рабочее здоровое населеніе ушло на заработки, то эту крайне тяжелую и утомительную работу—рубку и перевозку лѣса—производили старые, малые, больные и женщины. Когда они замѣтили насъ и остановились, я увидѣлъ передъ собой пять человѣкъ: впереди шедшій за коренняка былъ желтый, съ землистымъ оттѣнкомъ, худой мужчина лѣтъ 30; его худыя ноги хотя и старательно упирались, но несомнѣнно имѣли мало силы; по лицу скатывались крупныя капли пота, а волосы поприлипли къ вискамъ, затылку и лбу и торчали изъ-подъ картуза сосульками.

Какъ оказалось, этотъ духоборецъ долгое время болѣлъ перемежающейся кавказской лихорадкой. Онъ, по немощности, не могъ уйти на заработки, остался дома и

какъ могъ помогалъ сообщинникамъ въ домашней работѣ; сегодня его не трепала лихорадка, а только „жмала"— вотъ онъ и пошелъ въ работу,—лѣсъ таскать. „А завтра съ обѣда опять тряхонётъ",—прибавилъ онъ.

Другой былъ старикъ лѣтъ 65; невзрачный, маленькаго роста, худой, съ дряблыми отвисшими щеками, несомнѣнно слабосильный и худосочный. Онъ, какъ оказалось, совсѣмъ недавно только всталъ съ одра болѣзни, къ которому его нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ приковалъ ревматизмъ. „А теперь вотъ дыхать нельзя, подъ грудки подкатываетъ, ноги пухнутъ и сердце такъ трепыхается, что вотъ-вотъ выскочитъ",—повѣдалъ о себѣ старикъ.

Мальчикъ-подростокъ, дѣвочка лѣтъ пятнадцати и взрослая духоборка—безучастно поглядывали на насъ и не проронили ни единаго слова. Мы тронулись. Опять духоборцы влегли въ лямки, напружились и двинулись дальше. Сбившись съ дороги, мы совершенно случайно заѣхали въ деревню Страдаевка. Эта деревня, отброшенная въ сторону отъ всѣхъ другихъ, дѣйствительно вполнѣ отвѣчала своему названiю.

Насъ встрѣтилъ духоборецъ громаднаго роста, по типу своему напоминающiй стариннаго казака запорожской сѣчи, но только онъ былъ совершенно желтъ, глаза блестѣли, а на щекахъ пробивался легенькiй зловѣщiй румянецъ. Громадная баранья шапка надвинута на черныя брови; самъ онъ кутается въ тулупъ, такъ какъ и на солнцѣ его морозила постоянная лихорадка.

— Какъ поживаете?

— Ничего, слава Богу... Къ веснѣ авось, Богъ дастъ, помремъ всѣ...—привѣтствовалъ онъ насъ.

Дѣйствительно въ этой деревнѣ не было хаты, гдѣ бы не было больного, лежащаго человѣка. Настроенiе самое унылое, отчаянное.

Какъ разъ въ этотъ день утромъ ударилъ морозъ-утренникъ и побилъ огороды, что̀, конечно, еще болѣе пришибло и безъ того угнетенное нуждой и болѣзнями населеніе.

Мы пробыли часа два въ Страдаевкѣ. Наслушались очень много печальнаго. Но чѣмъ могли мы ихъ утѣшить? Ясно было, что этому изможденному населенію очень трудно приходится въ преріи. Надо удивляться той энергіи и мужеству, съ которыми они вступили въ борьбу за собственное существованіе, не имѣя на рукахъ ни денегъ, ни скота, ни даже самыхъ необходимыхъ инструментовъ,—пилъ и топоровъ,—въ достаточномъ количествѣ. Но все-таки за одно лѣто вездѣ настроены хаты, сараи, конюшни, распахана земля, пробиты дороги, сдѣланы паромы, мосты, накошено сѣно не менѣе какъ тысячъ по шесть пудовъ на каждую деревню. (Сѣна косили потому много, что была надежда взять скотъ отъ скотоводовъ на прокормъ и уходъ на зиму, за что, конечно, получится извѣстная плата скотомъ же; напримѣръ—четвертая штука скота). Кромѣ того каждая деревня засѣяла и обработала подъ огороды небольшое количество земли и теперь осенью уже собирали первый урожай. Все взрослое, здоровое и даже полубольное населеніе ушло на заработки, но, благодаря массѣ неблагопріятныхъ условій, эти заработки не могли покрыть всѣхъ самыхъ необходимыхъ въ хозяйствѣ нуждъ, въ результатѣ, конечно, страдаетъ питаніе, такъ какъ многіе рѣшаютъ лучше жить впроголодь лишь бы купить лишнюю пару лошадей или быковъ, такъ какъ отъ этой лишней пары въ значительной мѣрѣ зависитъ количество будущаго урожая. Въ результатѣ же — цынга, истощеніе, повышенная смертность. Приходилось крайне удивляться беззаботности и халатности канадскаго правительства, которое, посылая

въ дикую прерію большое количество людей, незнакомыхъ ни съ мѣстностью, ни съ языкомъ, не озаботилось даже не только о правильной, но даже какой бы то ни было организаціи медицинской помощи этому населенію.

Совсѣмъ уже подъѣзжая къ конечному пункту нашего путешествія, мы встрѣтили небольшую партію духоборцевъ, возвращавшихся съ желѣзнодорожныхъ работъ. Они еле плелись, такъ какъ работать приходилось, по ихъ разсказамъ, по колѣна и выше въ болотѣ. Многіе испортили себѣ ноги, многіе попростудились, у многихъ вернулась лихорадка и вотъ эти-то больные люди теперь идутъ домой, чтобы хоть сколько-нибудь отдохнуть, и вмѣсто себя на смѣну они должны будутъ на эту работу выслать своихъ братьевъ-односельчанъ.

Мы по всѣмъ селамъ сообщали, что на завтра въ деревни Михайловкѣ назначена съѣздка всего сѣвернаго участка.

XIV.

Съѣздка сѣвернаго участка.

Въ скоромъ времени мы были уже въ Михайловкѣ.

Деревня Михайловка расположена неподалеку отъ Громовой горы (Tonderhill), на Лебяжьей рѣчкѣ (Svan river).

Здѣсь происходило зимовье части духоборцевъ съ перваго парохода. По прибытію въ Канаду сюда было командировано 100 человѣкъ рабочихъ-духоборцевъ, которые и выстроили цѣлый городокъ, названный духоборцами, по старой кавказской памяти, Карахановъ. Городокъ этотъ состоитъ изъ четырехъ десятковъ громад-

ныхъ сараевъ, наскоро построенныхъ и приспособленныхъ для жилья. Въ нихъ помѣстились 1.400 человѣкъ, переѣхавшихъ сюда ранней весной. Изъ этого сборнаго пункта духоборцы, выбравъ участки и мѣста для постройки деревень, разбрелись каждый къ своему селенію. „Караханъ" теперь опустѣлъ, но немного повыше возлѣ него выросло селеніе Михайловка, въ которой поселилось около 150 душъ духоборцевъ. О сараяхъ „Карахана" метнули жребій и ихъ понемногу развезли по окрестнымъ деревнямъ, кромѣ семи сараевъ, которые служили пріютомъ женщинѣ - врачу, сестрѣ милосердія, заѣзжимъ гостямъ и духоборцамъ, которые часто ночуютъ здѣсь, идя на работу или въ сосѣдній городокъ Каванъ, отстоящій отъ Михайловки на 50 миль. Совѣщанія по дѣламъ сѣверной колоніи всегда устраивались здѣсь, такъ какъ Михайловка, вслѣдъ за „Караханомъ", осталась центральнымъ пунктомъ, гдѣ можно болѣе всего получить свѣдѣній о разныхъ дѣлахъ, работахъ и пр. На другой день послѣ нашего пріѣзда собрались представители тринадцати деревень сѣверной колоніи. На этой съѣздкѣ обсуждались тѣ же вопросы, какіе выдвинулись на съѣздкѣ южной колоніи. Между прочимъ выяснилось экономическое положеніе всѣхъ деревень; данныя этой анкеты сгруппированы нами въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Общая съѣздка Сѣверной колоніи 24 августа 1899 года.

№№	Названіе деревень.	Душъ.	Домовъ.	Лошадей.	Быковъ.	Коровъ.	Фургоновъ.	Плуговъ.	Количество земли на деревню въ десятинахъ.
1	Троицкое.	83	25	2	—	—	1	—	1325
2	Успеніе.	63	21	—	2	—	1	1	1113
3	Михайловка . . .	91	35	4 [2])		2 [1])	2 [2])	2 [2])	1855
4	Вознесеніе.	96	29	2	2	—	1	2	1537
5	Покровка. . . .	149	57	1	3	—	1	1	3021
6	Спасовка	122	48	2	—	—	1	1	2544
7	Любомировка . .	115	40	—	3 [3])	1	1	1	2120
8	Богдановка	103	38	3 [4])	—	—	1	1	2014
9	Тихомировка.	119	38	2	3 [5])	—	1	1	2014
10	Страдаевка	87	27	2 [6])	—	—	1	1	1431
11	Вѣровка	41	19	—	2	—	—	—	1007
12	Освобожденіе. . .	207	69	1	4	—	2	2	3657
13	Ново-Троицкое .	119	37	1 [7])	2 [8])	1 [9])	—	—	1961
	Итого.	1395	483	20	21	4	13	13	25599

Примѣчанія.

[1]) Одна общественная на всѣ деревни сѣверной колоніи для больныхъ

[2]) Двѣ лошади, 1 фургонъ и 1 плугъ принадлежали одному хозяину; ими пользовались всѣ односельчане за отроботъ.

[3]) Одинъ больной.

[4]) Двѣ больныхъ.

[5]) Одинъ больной.

[6]) Одна больная.

[7]) Больная.

[8]) Одинъ больной.

[9]) Личная собственность одного духобора.

Экономическое положеніе сѣверной колоніи въ общемъ почти такое же, какъ южнаго, если не принимать во вниманіе фермерскія поселенія богатыхъ елизаветпольскихъ духоборцевъ, живущихъ въ южной колоніи. Зато на сѣверномъ участкѣ нѣтъ такой бѣдноты, какъ на южномъ, напримѣръ, среди кипрскихъ.

Но и здѣсь мнѣ пришлось на съѣздкѣ слышать тѣ же жалобы, что „быки пали“, „лошадь отъ вѣтра валится“, „послѣднюю муку горстями подѣлили“ и пр., и пр.

На сѣверномъ участкѣ, къ счастію, гораздо меньше богатаго кулаческаго и ростовщическаго элемента, хотя и здѣсь есть отдѣльныя личности, которыя не прочь поэксплуатировать своихъ же братьевъ; такъ нѣкто Л. за то, что перевезъ багажъ и больныхъ за 20 верстъ взялъ съ перевозимыхъ половину срубленной хаты.

Въ день съѣздки подъ вечеръ въ Михайловку явилась все та же корреспондентка изъ Торонто вмѣстѣ съ квакерской дамой, которая, по неизвѣстнымъ причинамъ, усиленно визжала, бѣгала и хлопала кого ни встрѣчала по груди, плечамъ или спинѣ. Можно предположить, что она воображала себя среди заморскихъ дикарей и нечленораздѣльными звуками и энергическими жестами старалась выказать особенную симпатію своимъ „духовнымъ братьямъ“, какъ квакеры называютъ духоборцевъ.

Къ счастію, эти „цивилизованные“ посѣтители на другой день рано утромъ покинули Михайловку, спѣша вернуться восвояси изъ столь далекой преріи, оставивъ у духоборцевъ странную память о себѣ.

Мы всѣ были очень обрадованы, когда опять увидали себя среди русскихъ свободолюбивыхъ людей въ свободной, раздольной сѣверной преріи.

XV.

Настроенія духоборцевъ.

Поселившись въ деревнѣ Михайловкѣ, я вмѣстѣ съ женщиной-врачемъ и сестрой милосердія сталъ обходить окрестныя поселенія и обошелъ почти всѣ на сѣверномъ участкѣ. Я разспрашивалъ многихъ духоборцевъ о землѣ, о мѣстѣ ихъ поселенія, довольны они въ общемъ или нѣтъ?

Общій голосъ былъ тотъ, что земля хороша, немного холодновато, но и это неособенно пугаетъ духоборцевъ, такъ какъ „у насъ на Холодномъ,—говорили они,—еще было холоднѣй, а какъ разодрали землю, да какъ перегорѣла она, — такъ кабыть потеплѣло и родить все стало, а здѣсь куды лучше". Общую жалобу и неудовольствіе, а подчасъ и просто негодованіе, я слышалъ только на мѣстное англійское населеніе, канадскую буржуазію и правительство, которыя всѣ вмѣстѣ очень сильно тѣснили первое время духоборцевъ всякими прижимками, придирками, вымогательствами и несправедливостями на экономической почвѣ, очевидно желая съ самаго начала забрать ихъ въ руки.

Это сдержанное отношеніе духоборцевъ къ мѣстному англійскому,—особенно ирландскому,—населенію вполнѣ понятно. Еще на пароходѣ мы замѣтили попытки со стороны нѣкоторыхъ членовъ пароходной администраціи трактовать духоборцевъ какъ представителей „азіатской" народности, „цвѣтной" расы. Заносчивые бритты не хотѣли признавать равными себѣ этихъ простыхъ, иногда неуклюжихъ, неповоротливыхъ людей. Правда, чѣмъ далѣе мы жили вмѣстѣ, тѣмъ болѣе исчезала эта пре-

дубѣжденность противъ духоборцевъ и подъ конецъ нашего плаванія можно было замѣтить, что даже самый упорный въ недружелюбіи—англійскій корабельный докторъ,—и тотъ перемѣнилъ свое отношеніе къ духоборцамъ, и когда одна умирающая отъ туберкулеза духоборка, не подозрѣвая плохое и презрительное отношеніе къ себѣ этого ученаго, но въ достаточной мѣрѣ тупого и ограниченнаго человѣка, стала гладить ему руку и ласково, сквозь слезы смотря на него, приговаривать „хорошій, хорошій!“ и онъ, узнавшій отъ русской женщины-врача, переведшей ему предсмертныя слова духоборки, что̀ говоритъ эта, такъ долго страдавшая въ ссылкѣ женщина, — вдругъ помертвѣлъ, весь измѣнился, вскочилъ, бросился вонъ изъ каюты, куда-то исчезъ, и черезъ нѣсколько минутъ притащилъ варенье, сгущеное молоко, печенье и еще что-то, бережно сталъ ухаживать за умирающей, ласковымъ голосомъ говорить добрыя слова. Этотъ странный человѣкъ, находившій особенное удовольствіе въ томъ, что, охотясь въ южной Африкѣ, онъ всегда старался подстрѣлить мать молодой обезьянки и часами слушать какъ плакалъ и убивался несчастный обезьяній ребенокъ надъ трупомъ матери; „а еще интереснѣй, говорилъ онъ, поѣдая супъ, густо-густо усыпанный жгучимъ толченымъ перцемъ,—когда мать не совсѣмъ добита... Если бы вы слышали какъ она стонетъ? Какъ плачетъ обезьянка, и какъ ревутъ другія обезьяны, боясь подойти къ ней, чуя охотника...“ И вотъ этотъ-то маніакъ, пившій мертвую, здѣсь былъ побѣжденъ лучистыми глазами умирающей духоборки, оставлявшей міръ, благословляя всѣхъ, прощая все тѣмъ, кто отнялъ у нея такъ рано ея жизнь, моля простить ее, грѣшную, можетъ быть виноватую предъ кѣмъ-либо...

Докторъ поминутно проходилъ этимъ корридоромъ

и все заглядывалъ въ каюту. Озабоченный, озаренный мыслью, онъ все старался что-то сдѣлать ей, этой безвѣстной женщинѣ, доживавшей послѣдніе часы своей жизни. Она вскорѣ умерла и когда хоронили ее, опуская въ воду, подъ могучее пѣніе духоборческихъ псалмовъ, онъ, этотъ презиравшій весь міръ, холодный англичанинъ, стоялъ здѣсь грустный-грустный, не сводя глазъ съ запеленаннаго въ саванъ тѣла...

Она ушла въ бездну моря.

Докторъ исчезъ на нѣсколько дней. Его никто не видѣлъ на палубѣ—онъ не выходилъ изъ каюты и, говорятъ, пилъ и пилъ безъ конца...

Въ Канадѣ, на мѣстахъ поселенія, духоборцы старались установить добрососѣдскія отношенія съ мѣстнымъ населеніемъ.

Несчастные, забитые индѣйцы, раскинувшіе поблизости свои вигвамы, быстро освоились съ духоборцами и какимъ то чутьемъ поняли, что они не будутъ обижать ихъ, но, правда, и здѣсь бывали неожиданности. Помню, какъ однажды днемъ ко мнѣ въ блокгаузъ, гдѣ я занимался систематизаціей записанныхъ псалмовъ изъ „Животной Книги“ духоборцевъ, стали доноситься крики съ того берега Лебяжьей рѣки, протекавшей здѣсь, не болѣе какъ въ пятидесяти саженяхъ отъ моего жилища. Я вышелъ. Вижу индѣецъ ищетъ брода для своей тѣлежки, гдѣ сидѣли его три жены и куча ребятишекъ. Рѣка вздулась отъ дождей. Вотъ онъ нашелъ кое-какъ бродъ и перебрался на нашу сторону. Далѣе ему надо было ѣхать на крутой берегъ, чтобы выбраться на дорогу. Его худая лошаденка никакъ не могла вытащить довольно загруженную телѣжку. Духоборческіе ребята, игравшіе здѣсь, стрѣлой помчались на деревню, сообщая

о бѣдѣ индѣйца. Сейчасъ же прибѣжали съ десятокъ парней и женщинъ и окружили телѣжку. Жены индѣйца въ ужасѣ вскочили въ телѣжку, дѣти разомъ закричали, заплакали, а несчастный потомокъ царей свободныхъ степей, снялъ шапку и сталъ быстро, низко кланяться, торопиться и изъ всѣхъ силъ бить лошадь. Когда одинъ изъ духоборцевъ взялъ лошадь подъ уздцы, индѣецъ въ страхѣ затрясся, а въ это время остальные духоборцы дружно подхватили таратайку и вмѣстѣ съ женами и дѣтьми въ одинъ мигъ вынесли ее на вершину гористаго берега. Индѣецъ захохоталъ что есть мочи, сталъ кланяться, прижимать руку къ сердцу, жены пріятно улыбались, а дѣти вдругъ перестали вопить, все еще въ страхѣ прячась за матерей.

— Пойдемъ чай пить,—понимаешь,—ча-а-й пи-ить!..—усердно выговаривали духоборки.

— Не понимаетъ,—сокрушались духоборцы.

— А то о-бѣ-да-ать... — слышишь,—заговорили всѣ хоромъ, махая руками, показывая на свои дома, на ротъ, мимикой изображая ѣду.

Индѣецъ догадался и захохоталъ еще сильнѣй, а жены закивали головой, прижимали руки къ сердцу, но знаками отказывались...

— Боятся... Вотъ до чего запуганы,—сказалъ одинъ изъ духоборцевъ, — прямо бѣда, какъ увидятъ бѣлаго, такъ сейчасъ бѣжать... Видно, плохо имъ, любошнымъ, здѣсь жилось...—закончилъ онъ.

А духоборки еще ранѣе поняли суть дѣла, и помчались куда-то; не успѣлъ индѣецъ еще тронуться, какъ вернулись женщины и быстро, дѣловито, по хозяйски сунули въ какой-то мѣшокъ на таратайкѣ индѣйца большую ковригу хлѣба, десятка три печеныхъ картошекъ, край какого-то пирога и соли въ мѣшечкѣ.

— Спаси Господи, кушайте на здоровье, — сказали онѣ, немного отходя и кланяясь въ поясъ.

Индѣянки и ихъ мужъ были изумлены, а проворныя дѣтишки быстро нырнули въ мѣшокъ и каждый сейчасъ же вытащилъ по картошкѣ...

Индѣецъ тронулся, весь сіяя, смѣясь показывая кнутомъ на земляныя крыши духоборческихъ хатъ, густозаросшихъ травой.

— Счастливаго пути—кричали вдогонку духоборцы. Вотъ бѣда... языкъ-то ихъ никакъ не поймешь, а хорошій народъ, только забитъ очень, бѣденъ, почему и грязенъ, а какой гостепріимный, ласковый...

И, конечно, по вигвамамъ шла повсюду хорошая молва про духоборцевъ.

Не то съ фермерами-ирландцами, здѣсь было много тяжелаго.

На сѣверномъ участкѣ въ близкомъ сосѣдствѣ отъ духоборцевъ жили фермеры-ирландцы, пріѣхавшіе въ Канаду раньше духоборцевъ. Угрюмо жили они. Духоборцы старались ознакомиться съ ними поближе, но никакъ не могли этого сдѣлать, такъ какъ фермеры относились къ нимъ сурово и недружелюбно. Однажды духоборцы, въ первое лѣто, собрались на сѣнокосъ, примыкавшій къ фермерскому участку. Духоборческія дѣти принялись играть, къ нимъ присоединились дѣти фермера и вотъ неожиданно у всѣхъ на глазахъ разыгралась драма. Въ одномъ изъ писемъ духоборцевъ этотъ ужасный случай описанъ такъ:

...Вы слышали, что здѣсь, на Сѣверномъ участкѣ одинъ англичанинъ убилъ нашего мальчика? Это было такъ: играли мальчики вмѣстѣ, и нечаянно изъ нашихъ одинъ ушибъ англичанина: тотъ заплакалъ, и пошелъ домой; тѣ, конечно, испугались, побѣжали прочь. А одинъ десятилѣтній мальчикъ не побѣжалъ, такъ какъ

онъ не участвовалъ въ игрѣ, и сидѣлъ себѣ спокойно. Вдругъ выскочилъ отецъ англійскаго мальчика и сунулъ его ногой; тотъ и померъ. Не знаемъ, знаетъ ли объ этомъ полиція или нѣтъ. Хилковъ, кажется, писалъ объ этомъ въ Виннипегъ. Артуръ Карловичъ (Синджонъ) сегодня написалъ письмо начальнику полиціи, копію далъ убійцѣ, а переводъ по-русски — родителямъ убитаго мальчика."

Письмо Синджона, написанное по совѣту и отъ имени духоборцевъ, совершенно необычно. Вотъ оно:

„Духоборческая колонія Громовая гора.

„Милостивый Государь,

Этимъ нашимъ заявленіемъ мы просимъ васъ постараться, чтобы человѣкъ, убившій мальчика, не былъ наказанъ. Мы увѣрены, что онъ уже и теперь и будетъ еще достаточно наказанъ въ сердцѣ своемъ. Мы сочувствуемъ ему, потому что и мы теряли спокойствіе и за это страдали въ сердцахъ нашихъ. Уже одинъ мальчикъ убитъ и намъ казалось бы ужаснымъ, еслибъ еще другая жизнь поплатилась за это". Слѣдуютъ подписи".

Это письмо произвело ошеломляющее впечатлѣніе на ирландца, убійцу мальчика. И онъ послѣ всегда искалъ случай для сближенія съ духоборцами.

Были и другіе случаи нравственнаго воздѣйствія на мѣстныхъ ирландскихъ фермеровъ.

Такъ былъ такой случай тоже на сѣверномъ участкѣ.

Духоборцы пахали землю. Чтобы не увозить каждый день единственный плугъ въ деревню, довольно далеко отстоявшую отъ поля, они, пользуясь обычаемъ свято относиться къ полевымъ орудіямъ, тоже оставляли его въ полѣ. Придя однажды утромъ на работу, они не нашли желѣзныхъ лемешей на деревянныхъ частяхъ плуга. Для нихъ, въ разгаръ работы, это было ужасно. Они бросились всюду ихъ искать и вскорѣ напали на

слѣдъ. Идя по слѣду, они пришли къ зарослямъ, находившимся около хутора англійскаго фермера. Въ этихъ заросляхъ они отыскали лемеши. И отъ зарослей слѣдъ шелъ прямо въ хуторъ. Они направились туда. Фермеръ, увидя толпу духоборцевъ, очень испугался, затрясся и схватился за ружье. Духоборцы знаками показывали, что стрѣлять не надо. Одинъ изъ нихъ, молодой духоборецъ, уже подучившійся англійскому языку, сказалъ, что они пришли сказать ему, чтобы онъ не ходилъ искать лемеши, что они ихъ взяли обратно—нужны для работы. Фермеръ растерялся. Они попросились войти во дворъ и посмотрѣли хозяйство фермера и нашли его неудовлетворительнымъ, а онъ самъ съ большой семьей.

— Что-жъ, помочь надо—сказалъ одинъ изъ духоборцевъ и тутъ же порѣшили вспахать ему землю.

Въ этотъ же день принялись и къ вечеру изрядно напахали земли на его участкѣ. Фермеръ, былъ очень радъ, что духоборцы ушли отъ него и въ этотъ день не выходилъ изъ своего дома, очевидно опасаясь духоборцевъ: по суровымъ нравамъ сѣверо-восточной територіи Канады его могли бы линчевать, т.-е. повѣсить своимъ судомъ за такой тяжкій поступокъ. Вечеромъ духоборцы зашли къ нему и сказали:

— Землю напахали, если мало—еще вспашемъ,—и ушли.

Фермеръ стоялъ какъ остолбенѣлый. Сейчасъ же побѣжалъ въ поле, вернулся съ крикомъ домой, вытащилъ всю свою семью и опять бросился въ поле. Послѣ этого онъ сдѣлался лучшимъ другомъ духоборцевъ.

Тутъ же былъ еще подобный случай. Одинъ изъ фермеровъ такъ возненавидѣлъ духоборцевъ, что не позволялъ имъ ходить черезъ свой участокъ, заставляя ихъ дѣлать большой крюкъ въ пути. Не далъ воды на-

питься духоборцу, которому сдѣлалось худо—сердечный припадокъ. И вотъ случилось такъ, что фермеръ слегъ въ тяжелой болѣзни, какъ разъ когда поспѣлъ хлѣбъ и его надо было убирать. Семья маломочная, безсильная. Жена—не работница. Духоборцы узнали объ этомъ. Пришли партіей, сжали хлѣбъ, подвезли его къ фермѣ и сложили въ скирды. Ирландка смотрѣла и глазамъ своимъ не вѣрила, когда подъѣзжали возы съ хлѣбомъ. Понявъ въ чемъ дѣло, она залилась слезами. Духоборцы оставили ей каравай хлѣба и соль. Низко поклонились, по своему обычаю, и ушли и уѣхали.

Ирландецъ все-таки поправился, прибѣжалъ къ духоборцамъ на поле, принесъ имъ молока и съ тѣхъ поръ всегда проявлялъ знаки самаго большого расположенія къ духоборцамъ, а ихъ проходящихъ дѣтей всегда поилъ молокомъ.

Про духоборческіе нравы быстро разнеслась молва и всѣ стали удивляться этому народу. Къ нимъ крѣпло уваженіе, возросшее послѣ до большихъ предѣловъ.

XVI.

Отношеніе духоборцевъ къ участкамъ, на которыхъ они поселились.

Мнѣ пришлось читать довольно много частныхъ духоборческихъ писемъ, писанныхъ духоборцами, жившими уже на участкахъ, своимъ родственникамъ, товарищамъ и знакомымъ, находящимся на заработкахъ въ сосѣднемъ городкѣ или другихъ мѣстахъ. Я дѣлалъ выписки изъ этихъ писемъ, беря именно тѣ строки которыя описывали условія хозяйства на новыхъ мѣстахъ. Я думаю, что эти письма представляютъ изъ себя наи-

болѣе цѣнный матеріалъ въ опредѣленіи отношенія духоборцевъ къ мѣстамъ своего новаго поселенія, такъ какъ они писались, конечно, совершенно откровенно, безъ всякихъ прикрасъ и утаекъ, что всегда можетъ случиться, въ разговорахъ или въ спеціальной по этому поводу перепискѣ. Вотъ почему необходимо привести здѣсь наиболѣе характерные отрывки изъ этихъ частныхъ духоборческихъ писемъ, касающихся земельнаго положенія въ Іорктонскихъ колоніяхъ.

„Дорогіе братцы,—говорилось въ одномъ письмѣ,—если надумаете ѣхать купить лошадей, не бойтесь, что не чѣмъ будетъ зимовать: сѣна накосили очень много, уже косили 2 недѣли и такъ что думаемъ до самой зимы не покосить и половины". „Село поселяемъ подлѣ рѣчки и лимана (озера) небольшого, въ которомъ есть рыба и вода очень хорошая для питья. Лѣсу на участкѣ очень много строевого и фрукты: клубника, малина, кружовникъ, вишнякъ—не сносимо много."

„Напишу Вамъ нѣсколько словъ объ участкахъ. Дорогіе братцы,—ежели бы Вы могли видѣть участки, то тогда бы Вы и думать бы забыли плохо о нихъ. По первоначалу мы сами думали что нѣтъ травы и поздно садили картофель, а какъ теперь, то даже ни въ коемъ случаѣ нельзя бросить землю и идти лучшую шукать.

Вы не должны сумлѣваться, а должны знать что здѣсь не одинъ человѣкъ, а шесть тысячъ и всѣ охваливаютъ мѣсто. Лучше некуда идти."

Вотъ другой отрывокъ:

„Участокъ мы нашли хорошій. Намъ понравился. По середи участка протекаетъ большая рѣка, называемая Ассинебой. Травы хорошія, лѣсъ хорошій—сосна и осина. Урожай хлѣбовъ намъ еще неизвѣстенъ какой будетъ. Сейчасъ на видъ очень хорошій, очень насъ радуетъ и картофель тоже хорошая. Пшеница выкидается."

Эти выписки сдѣланы были мной въ началѣ іюня 1900 г., когда духоборцы четвертой партіи стояли еще въ Селькиркѣ. Въ среднихъ числахъ сентября здѣсь, на сѣверномъ участкѣ, стукнули утренніе заморозки, попортившіе огороды. Но эти заморозки не особенно смутили духоборцевъ, такъ какъ они сами знаютъ, и говорятъ, что посѣяли все черезчуръ поздно и что къ сентябрю многое должно бы было быть уже убрано.

Вообще, надо замѣтить, что въ первый годъ своей жизни въ Канадѣ, по понятнымъ причинамъ, духоборцы сѣяли всего понемногу, больше,—какъ говорили они,—для пробы. Такъ въ сѣверной колоніи всего было засѣяно только около 45 десятинъ. Эти 45 засѣянныхъ десятинъ сѣвернаго участка распредѣлялись, въ общей суммѣ по всѣмъ селеніямъ, слѣдующимъ образомъ:

Рожь.	Ячмень	Овесъ	Картофель.	Капуста.	Морковь.	Томаты	Огурцы.	Лукъ.	Арбузы.	Рѣдька	Свекла.	Бобы.	Рѣпа.	Тыква.	А всего.
9	10	8	5	3	2½	1½	¾	1	1	1	1	1⅛	¾	1/16	44 11/16

Данныя южной колоніи о засѣянной землѣ въ первый годъ жизни духоборцевъ въ Канадѣ,—весьма приблизительны. Тамъ всего засѣяно было не менѣе 350 десятинъ. Детальнаго распредѣленія для перваго года установить не удалось. Ко второму году, конечно, было приготовлено земли значительно больше. Пахота, благодаря прекрасной теплой осени 1899 г., продолжалась очень долго.

XVII.

Нажимъ канадскихъ властей.

Канадское правительство, въ особенности въ лицѣ своей главной переселенческой агентуры въ г. Виннипегѣ, вмѣстѣ и во главѣ съ представителемъ Emmigration Offic г-номъ Макъ-Крери, вскорѣ ополчилось на всѣхъ насъ, русскихъ интеллигентовъ, жившихъ съ духоборцами. Ополчилось же оно потому, что, какъ говорили духоборцы, мы всѣ не даемъ имъ (канадцамъ) утопить насъ (духоборцевъ) въ ложкѣ воды. Не знаю замышляло-ли или нѣтъ канадское правительство топить духоборцевъ въ ложкѣ воды, но знаю, что очень во многихъ случаяхъ оно поступало положительно недобросовѣстно по отношенію къ нимъ, если не сказать больше. Эта недобросовѣстность столь очевидна, что всякій жившій здѣсь въ преріи и интересовавшійся духоборцами хоть сколько-нибудь, не могъ не видѣть всей этой системы обиранія, замалчиванія истиннаго положенія вещей, третированія и пр. и пр. Само собой понятно, что жившіе здѣсь русскія фельдширицы, женщина-врачъ и другіе русскіе люди, не имѣвшіе и не желавшіе имѣть ничего общаго съ канадскимъ правительствомъ, жившіе непосредственно среди духоборцевъ, а потому знавшіе все, что среди нихъ дѣлается, знавшіе всѣ насущныя ихъ нужды, бѣды, горести и т. п., а также знавшіе и дѣятельность правительства, представлялись для послѣдняго очень непріятнымъ бѣльмомъ на глазу.

Г-нъ Макъ-Крери, довольно неразборчивый въ средствахъ субъектъ, всѣми мѣрами старался выкурить всѣхъ насъ отсюда и, наконецъ, онъ дошелъ до того,

что послалъ своего агента-переводчика по духоборческимъ селамъ и деревнямъ настраивать и поднимать противъ насъ населеніе. Этотъ переводчикъ, о которомъ духоборцы отзывались, что „онъ, по-нашему, какъ бы изъ жуликовъ“, — говорилъ на сходкахъ, самую возмутительную ложь и между прочемъ указывалъ на то, что будто бы „сестрицы“ (медицинскій персоналъ) и „проводники“ столько харчатъ на себя ихъ денегъ, что просто и не сосчитаешь, очевидно не зная того, что никто изъ насъ не бралъ ни копейки изъ средствъ принадлежавшихъ духоборцамъ, а кто имѣлъ свои средства, тѣ отдали все въ общую кассу духоборцевъ. Пріѣхавъ въ Виннипегъ, этотъ правительственный агитаторъ письменно заявилъ Макъ-Крери, что все улажено, что духоборцы не хотятъ „сестрицъ“ и пр. и пр.

Конечно, его агитація для всѣхъ насъ не имѣла никакого значенія, такъ какъ наша связь съ духоборцами была слишкомъ глубокая, но Emmigration office счелъ нужнымъ отказать въ лѣкарствахъ русскому женщинѣ-врачу и фельдшерицамъ, что̀, конечно, очень плохо отразилось на состояніи больныхъ духоборцевъ. Г-нъ Макъ-Крери совершенно вышелъ изъ себя послѣ того, какъ въ Виннипегскихъ газетахъ было напечатано письмо русской женщины-врача В. М. Величкиной, въ которомъ она сообщила свои наблюденія при объѣздѣ Іорктонскихъ колоній.

Вотъ это письмо:

„На вашъ запросъ о состояніи здоровья духоборцевъ могу вамъ сказать слѣдующее: духоборцы вообще очень здоровый народъ, лѣчить ихъ крайне легко. Мнѣ не приходилось встрѣчать населенія, гдѣ бы такъ легко было справляться съ заболѣваніями, если есть необходимые медикаменты и возможно урегулировать питаніе. Особенно легко и удачно проходятъ хирургическіе случаи.

Среди грудныхъ дѣтей я не видала *ни одного* случая рахита. Народъ они рослый и крѣпко сложенный. Очевидно, что нѣсколько поколѣній жило раньше въ достаткѣ.

Въ настоящее время духоборцевъ можно раздѣлить въ медицинскомъ отношеніи на двѣ части, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга: на послѣднемъ пароходѣ, съ которымъ ѣхала и я, были духоборцы изъ Карской области. Они ѣхали прямо изъ своихъ домовъ, и потому казались такимъ же нетронутымъ здоровымъ населеніемъ, только нѣсколько десятковъ изъ нихъ ѣхало изъ ссылки и страдало маляріей, куриной слѣпотой и др. На пароходѣ у насъ разыгралась маленькая эпидемія оспы, завезенной одной деревней (отъ оспы духоборцы страдали и на родинѣ, потому что поголовная прививка стала распространяться у нихъ только послѣдніе годы). Кромѣ того, нашъ пароходъ забралъ всѣхъ оставшихся отъ прочихъ партій древнихъ стариковъ и старухъ и часть ихъ умерли въ дорогѣ и въ карантинѣ, большей частью просто отъ старости. Въ карантинѣ, гдѣ мы стояли почти мѣсяцъ, у насъ разыгралась эпидемія дизентеріи, начавшаяся еще на пароходѣ. Жертвами ея здѣсь были только одинъ духоборецъ 36 лѣтъ и двое очень древнихъ стариковъ. Большая часть этой партіи пошла на землю „Принца-Альберта“, и я не сочла необходимымъ ѣхать съ ними, а направилась въ Іорктонскія колоніи, гдѣ, какъ мнѣ говорили, необходимо требовалась медицинская помощь, тѣмъ болѣе, что работавшія здѣсь раньше фельдшерицы, уѣзжали. Населеніе здѣшнихъ колоній, кромѣ Елизаветпольскихъ духоборцевъ, которыхъ я еще не знаю, въ Россіи было разселено среди грузинъ, въ мѣстахъ лихорадочныхъ и въ нездоровыхъ условіяхъ жизни. По ихъ разсказамъ, въ продолженіе 3—4 лѣтъ они очень недостаточно питались. Здѣсь въ Канадѣ имъ

теперь тоже приходится работать нерѣдко въ болотахъ, и потому съ лихорадкой, завезенной съ Кавказа, почти невозможно справиться. Результатомъ всего этого получилось то, что отъ природы очень здоровый народъ, они въ настоящее время очень истощены, „подорваны“, такъ сказать. Особенно тяжелое впечатлѣніе оставили у меня тѣ духоборцы, которые были на Кипрѣ: къ кавказской лихорадкѣ они присоединили кипрскую. Въ поселкахъ кипрскихъ духоборцевъ, кажется, нѣтъ ни одного мужчины, который бы не былъ боленъ маляріей, и съ этой маляріей они продолжаютъ работать. Потомъ я здѣсь въ большомъ количествѣ встрѣтила туберкулезъ: туберкулезъ легкихъ, туберкулезъ костей, лимфатическихъ железъ у дѣтей, туберкулезъ кишечника, гортани, и я думаю, что къ будущему лѣту многихъ изъ нихъ уже не будетъ. Заболѣваній среди Іорктонскихъ колоній—масса, но остальныя всѣ болѣзни крайне простыя и являются больше результатомъ недостаточнаго питанія и трудныхъ условій жизни здѣсь въ Канадѣ. Имъ дѣйствительно очень трудно живется теперь—и работа непосильная, устраиваться надо, и питаніе крайне недостаточно. Здѣсь, главнымъ образомъ, господствуютъ: дизентерія, разстройства пищеваренія, хроническіе катарры желудка почти у каждой бабы и даже у дѣтей. Назначать какую-нибудь діэту крайне мудрено; духоборцы такъ выражаются о своемъ питаніи: „у насъ квасъ холодный, да квасъ горячій—и къ завтраку, и къ обѣду, и къ ужину“. Когда я была съ партіей около Виннипега, въ Селькиркѣ, квакеры дали мнѣ тамъ немного денегъ на больныхъ, и я въ каждомъ случаѣ могла регулировать и сама слѣдить за ихъ питаніемъ. Тамъ у меня было молоко, яйца, рисъ и овсяная крупа, и дѣйствительно, больные быстро поправлялись. Что̀ же можно сдѣлать при „квасной“, діэтѣ? Сильно распространяется теперь уже цынга, не-

смотря на то, что кое-какіе овощи еще есть и осень стоитъ очень теплая. Духоборцы не считаютъ цынгу даже за болѣзнь и только кстати попросятъ какого-нибудь поласканья, потому что десны что-то заболѣли. Разъ, напримѣръ, меня позвали къ мальчику, котораго била лихорадка. Ребенокъ, дѣйствительно, лежалъ весь въ жару и кромѣ того я была просто поражена зловоніемъ изъ его рта. На мой вопросъ, давно ли это такъ, они даже не знали, что̀ отвѣтить: „кабыть давно“. Цынгу можно встрѣтить почти сплошь въ каждой хатѣ. Съ наступленіемъ осени начинаются простуды: воспаленія легкихъ, плевриты, ревматизмы и т. д. Кипрскіе духоборцы отличаются особеннымъ истощеніемъ: дѣтишки всѣ какія-то одутлыя; страшныя анеміи, порокъ сердца, какъ послѣдствія лихорадокъ и ревматизмовъ, и куриная слѣпота. Очень грустно, что въ настоящее время эмиграціонное бюро отказало выдавать лѣкарство и у меня сейчасъ нѣтъ самыхъ необходимыхъ простыхъ средствъ. Лѣчу теперь только остатками отъ прежняго, но это—такія крохи, которыя не стоитъ и считать. Если питаніе больныхъ не будетъ возможности улучшить, то эту зиму нужно ждать довольно большой смертности. А если у меня такъ и не будетъ никакихъ медикаментовъ, то пребываніе среди духоборцевъ будетъ крайне тяжело. Очень тяжело видѣть, что больной опухаетъ отъ недостаточной дѣятельности сердца при порокѣ его и не имѣть даже дигиталиса, чтобы поднять эту дѣятельность. Медику очень тяжело быть въ такомъ положеніи.“

Дѣло съ питаніемъ населенія въ то время стояло такъ, что если не удалось бы пріискать работу духоборцамъ на зиму, то многимъ изъ поселенцевъ грозилъ бы настоящій голодъ, который долженъ былъ бы наступить не позднѣе Рождества, такъ какъ выработан-

ныхъ денегъ не хватало больше какъ на три или на четыре мѣсяца.

Письмо это было написано В. М. Величкиной г-жѣ Осборнъ, жившей въ г. Виннипегъ, которая очень интересовалась духоборцами и много имъ помогала. Г-жа Осборнъ прочла это письмо въ засѣданіи одного изъ дамскихъ благотворительныхъ обществъ, гдѣ было рѣшено напечатать его въ газетахъ. Появленіе этого письма произвело цѣлую бурю. Консерваторы напали на либераловъ въ то время стоявшихъ у власти. Газеты различныхъ направленій стали комментировать письмо, высказываясь за и противъ него. Начались митинги, собранія, запросы въ обществахъ, въ партіяхъ. Къ Макъ Крери, этому отвѣтственному лицу въ сѣверо-западной территоріи Канады, съ разныхъ сторонъ поступилъ рядъ запросовъ. Рабочая партія сейчасъ же устроила собраніе и постановила немедленно изслѣдовать положеніе духоборцевъ на мѣстѣ и буде окажется нужнымъ, помочь имъ и произвести соотвѣтствующее давленіе на правительство.

Между тѣмъ, въ отвѣтъ на письмо В. М. Величкиной стали поступать пожертвованія для больныхъ духоборцевъ. Средства сейчасъ же были обращены на пріобрѣтеніе необходимыхъ лѣкарствъ и продуктовъ— (рисъ, масло, молоко, овсяная крупа, сахаръ, чай),—которыми снабжались наиболѣе слабые больные.

Министры центральнаго правительства также прислали запросы къ Макъ-Крери. Что же дѣлаетъ этотъ магъ и волшебникъ сѣверо-западной преріи? Онъ пишетъ въ газетахъ прямую неправду, описывая несуществовавшее великолѣпное благосостояніе духоборцевъ, утверждая что у нихъ всего очень много, что денегъ они имѣютъ въ такомъ изобиліи, что почти, что называется, „куры не клюютъ“. Когда я прочелъ духо-

борцамъ это сообщеніе Макъ-Крери, гдѣ, между прочимъ, говорилось, что духоборцы должны получить отъ какихъ-то работъ 50.000 долларовъ, то всѣ такъ и ахнули. „Если получимъ пять тысячъ, то и то были бы рады и не знали-бы какъ и возблагодарить Бога за его великую милость",—говорили мнѣ духоборцы, выслушавъ это удивительное сообщеніе г-на Макъ-Крира. Другое предпріятіе г-на Макъ-Крера заключалось въ томъ, что онъ сейчасъ же послалъ вторично по духоборческимъ колоніямъ своихъ агентовъ съ переводчиками, на обязанности которыхъ было возложено: возбудить духоборцевъ противъ В. М. Величкиной, меня и другихъ живущихъ среди духоборцевъ русскихъ интеллигентовъ. Для вящаго вразумленія духоборцамъ читалось всюда на работахъ письмо В. М. Величкиной. Удивленію агентовъ не было конца, когда они вездѣ встрѣтили подтвержденіе письма В. М. Величкиной. Тогда Макъ-Крери пускается на послѣднее средство: въ третій разъ онъ устраиваетъ посылку агитаторовъ противъ насъ и теперь поручаетъ это дѣло одному изъ самыхъ грубыхъ своихъ агентовъ г-ну Крери вмѣстѣ съ переводчикомъ Леонгарди, крайне враждебно настроенныхъ къ русскимъ интеллигентамъ, пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ духоборцами и уже не разъ разоблачавшими попытки обирательства духоборцевъ этими дѣятелями канадскихъ прерій. Эти оба агента поѣхали прямо на сѣверный участокъ, т.-е. на ту территорію, гдѣ мы жили и гдѣ у насъ образовались наибольшія связи съ духоборцами. На сѣверномъ участкѣ въ это время работала докторъ В. М. Величкина, помогала ей фельдшерица А. А. Сацъ, жилъ я, занимаясь этнографическими изслѣдованіями, и Л. А. Суллержицкій, хлопотавшій по духоборческимъ дѣламъ. Мы совершенно не вмѣшивались въ это дѣло, предоставивъ духоборцамъ самимъ разобраться во всей

этой интригѣ и отвѣтить канадскимъ агентамъ такъ, какъ они найдутъ это нужнымъ. Задача Крера и Леонгарди заключалась въ томъ, чтобы возбудить противъ насъ мѣстное населеніе, населеніе того поселка, гдѣ мы жили и окрестныхъ деревень и заставить ихъ подписать приговоръ о нашемъ изгнаніи изъ духоборческихъ резервовъ. Конечно, эти славные герои не знали нашихъ отношеній къ духоборцамъ и тѣхъ прочныхъ связей, которыми мы были соединены съ ними.

Г-нъ Креръ и Леонгарди заѣхали даже въ ту деревню, гдѣ жили мы и начали прямо съ мѣста въ карьеръ „возбуждать населеніе", конечно пользуясь для этого средствами самаго гнустнаго свойства. Такъ они говорили всѣмъ, что мы живемъ на счетъ духоборцевъ, что мы „пьемъ ихъ кровь" и высасываемъ все изъ нихъ, что мы ихъ враги и хотимъ имъ только напортить, описываемъ ихъ въ газетахъ и отводимъ отъ нихъ помощь и пр. и пр. Какъ и слѣдовало ожидать, духоборцы не придали этому рѣшительно никакого значенія, и наоборотъ, горой стали за своихъ „сестрицъ" и „проводниковъ". Они отвѣчали агенту, что видятъ отъ насъ совершенно другое и благодарны намъ за то, что мы остались перезимовать съ ними и что мы оберегаемъ ихъ отъ всякихъ напастей со стороны англичанъ и наоборотъ, много разъ уже привлекали и привлекаемъ пожертвованія.

Г-нъ Креръ дошелъ до такой низости, что давая „на-чай" 14-лѣтнимъ дѣвочкамъ, которыя перемывали ему посуду, на отказъ ихъ взять деньги сталъ уговаривать ихъ взять, говоря, что: „сестрицы-то изъ васъ повыпили кровь". Возмущенныя дѣвочки, постоянно толпившіяся у насъ въ блокгаузѣ и искренне привязавшіяся къ намъ, конечно, не взявъ денегъ, убѣжали отъ „англиковъ" и прибѣжали къ В. М. Величкиной и раз-

сказывали, что „пріѣзжала полиція“ и говорила плохо про васъ, какъ бы бѣды не было; у насъ, когда мы стояли по грузинамъ,—говорили они, вспоминая кавказскую ссылку,—„какъ пріѣдетъ полицейскій такъ и бѣда,—повѣствовала Настя,—смотрите, сестрица, какъ бы чего и съ вами не сдѣлали... Мы уже стражу повсюду разставили“. Надо замѣтить, что эти дѣвочки помогали В. М. Величкиной въ госпиталѣ, который она устроила для серіозно больныхъ духоборцевъ, — онѣ смотрѣли тамъ за чистотой, кормили слабыхъ и пр. и вообще исполняли роль своеобразныхъ сестеръ милосердія, и потому-то еще отвратительнѣй была вся эта травля агента канадскаго правительства.

На обратномъ пути въ г. Іорктонъ агентъ Креръ въ фортъ-Пеле встрѣтилъ 40 человѣкъ духоборцевъ, представителей всѣхъ деревень, покупавшихъ тамъ у индѣйцевъ лошадей, гдѣ онъ имѣлъ долгое объясненіе съ духоборцами. Духоборцы пѣнялу его, зачѣмъ онъ ѣздитъ по деревнямъ и только смущаетъ народъ и заявили ему, что они всѣ подтверждаютъ письмо В. М. Величкиной и благодарятъ ее за него. Креръ настаивалъ, чтобы духоборцы согласились бы на нашу высылку изъ духоборческихъ поселеній. Духоборцы съ негодованіемъ отвергли это предложеніе. Тогда Креръ самохвально заявилъ: „ну что жъ, мы ихъ сами вышлемъ“. Возмущенный представитель отъ духоборцевъ Николай Забаровъ рѣзко заявилъ правительственному агенту: „ну такъ знайте, если только вышлите кого изъ нашихъ друзей, хотя мы и не думаемъ, что есть такія права въ Канадѣ высылать людей, но предупреждаемъ васъ: на каждаго высланнаго одного нашего друга, упросимъ пріѣхать двоихъ друзей“. Съ тѣмъ и уѣхалъ правительственный агентъ-сыщикъ въ свою резиденцію г. Іорктонъ. Эта угроза и наглое вмѣшательство со сто-

роны правительства во внутреннюю жизнь духоборцевъ, страшно возмутило ихъ и повсюду заволновался народъ. По всѣмъ деревнямъ сѣвернаго участка пошелъ одинъ изъ выдающихся и самыхъ уважаемыхъ духоборцевъ Емельянъ Коныгинъ съ своимъ племянникомъ Григоріемъ, который шелъ за писца, вездѣ созывая сходы, на которыхъ и были составлены приговоры, ясно опредѣляющіе экономическое положеніе духоборцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ этихъ приговорахъ помѣщены и обращенія ко всѣмъ намъ съ просьбой остаться жить среди нихъ навсегда. Мы получили почти изъ каждой деревни письменныя и устныя просьбы переѣхать зимовать именно къ нимъ, гдѣ приглашающіе хотѣли выстроить намъ хаты, выдѣлить намъ землю и пр. и пр. Макъ-Крери, потерпѣвшій фіаско въ своемъ походѣ противъ насъ, продолжалъ лгать въ газетахъ, въ которыхъ онъ писалъ прямыя небылицы о благосостояніи духоборцевъ, несмотря на то, что вернувшаяся изъ объѣзда духоборческихъ поселеній корреспондентка изъ Торонто вполнѣ подтвердила своими наблюденіями письмо В. М. Величкиной. Такъ въ газетѣ „Free Press“ въ номерѣ отъ 27 сентября 1899 г. Макъ-Крери далъ слѣдующее интервью:

„Иммиграціонный комиссаръ Макъ-Крери вернулся изъ Іорктона, куда онъ сопровождалъ инспектора иммиграціоннаго Департамента Педлей. Макъ-Крери ѣздилъ для того, чтобы узнать условія, въ какихъ находятся духоборцы и опредѣлить, имѣютъ-ли они достаточно провіанта на зиму. Макъ-Крери посѣтилъ нѣсколько деревень и распрашивалъ тщательно о провіантѣ, который былъ заготовленъ. Онъ читалъ имъ черезъ переводчика письмо отъ сестрицы, которая утверждала, что они очень нуждаются въ доброкачественной пищѣ, и въ отвѣтъ они заявили, что у нихъ есть всякая пища,.

какая имъ требуется. Здоровый видъ людей, а особенно дѣтей, подтверждали это и г. Макъ-Крери видѣлъ склады, которые вполнѣ увѣрили его, что духоборцы хорошо приготовлены къ зимѣ. Тѣ, которые работали на желѣзной дорогѣ получатъ деньги, которыя дадутъ возможность провести зиму легко. Педлей говоритъ тоже самое."

Какъ разъ именно въ это время В. М. Величкина получила отказъ отъ Макъ-Крери въ присылкѣ необходимыхъ лѣкарствъ для духоборцевъ, о чемъ она упоминаетъ въ письмѣ къ Осборнъ. Черезъ нѣкоторое время къ намъ неожиданно заѣхали министръ земледѣлія Саундерсъ (Saunders), который, осматривая духоборческія поселенія, не могъ не отдать имъ должное уваженіе, видя ихъ поразительную энергію и трудолюбіе, но, конечно, не могъ также не замѣтить ихъ печальное экономическое положеніе. Онъ обошелъ съ В. М. Величкиной всѣхъ больныхъ, находившихся въ деревнѣ Михайловкѣ, гдѣ мы жили и куда свозили поэтому много больныхъ со всѣхъ окрестныхъ деревень, подробно выслушалъ ея печальную повѣсть о полномъ отсутствіи лѣкарствъ и подъ ея диктовку составилъ большой списокъ всего необходимаго, удивляясь малымъ дозамъ всего требуемаго и тутъ-же, по своей инициативѣ, увеличивая всѣ запасы въ 3—4 раза. Разставшись самымъ предупредительнымъ образомъ, онъ заявилъ, что все то что онъ читалъ въ газетахъ о положеніи духоборцевъ, — намекая на письмо В. М. Величкиной,—не только по его мнѣнію не преувеличено но что онъ воочію убѣждается насколько русскіе долготерпѣливы, деликатны и крайне умѣренны въ своихъ желаніяхъ, что онъ сдѣлаетъ сейчасъ-же все, что можетъ, разскажетъ обо всемъ въ центральномъ правительствѣ, и что онъ убѣдительно проситъ не смѣши-

вать дѣятельность и намѣренія центральнаго правительства съ дѣятельностью мѣстныхъ агентовъ вообще и Макъ-Крери въ частности. Мы не придали особенное значеніе словамъ Саундерса, такъ какъ вообще стали относиться съ недовѣріемъ къ представителямъ канадскаго правительства. Но каково же было наше удивленіе, когда не болѣе какъ черезъ недѣлю къ намъ прискакалъ самъ Макъ-Крери, чрезвычайно холодно, даже вызывающе, встрѣченный духоборцами. Онъ привезъ В. М. Величкиной громадное количество всякихъ лѣкарствъ, закупленныхъ на правительственныя средства, рыбій жиръ, провіантъ для усиленнаго питанія больныхъ, сгущеное молоко, необходимыя овощи для цинготныхъ, спѣшно объѣхалъ колоніи и исчезъ. Съ этихъ поръ онъ не рѣшался болѣе выступать въ печати о положеніи духоборцевъ.

Такъ кончился этотъ конфликъ между нами, сопровождавшими духоборцевъ и мѣстными канадскими властями, старавшимися замолчать печальное положеніе духоборцевъ въ первый годъ ихъ поселенія.

XVIII.

Первый урожай.

Октябрь 1899 г. былъ самый экономически печальный и тревожный мѣсяцъ въ канадской жизни духоборцевъ. Сняли первый урожай, подсчитали его результаты, подсчитали долги и заработки и пришли всѣ въ крайне унылое состояніе. Голодъ и холодъ ясно и опредѣленно надвигался на духоборческія поселенія и безъ того обезсиленныя нуждой послѣднихъ пяти лѣтъ, да-

лекимъ путешествіемъ и спѣшнымъ устройствомъ на новыхъ мѣстахъ.

Чтобы выяснить положеніе дѣлъ я предложилъ одному изъ уважаемыхъ духоборческихъ „старичковъ" пройти всѣ села сѣвернаго участка и составить общественные приговоры, въ которыхъ каждое общество подробно бы описало результаты урожая, нужду этой зимы и вообще все экономическое положеніе каждаго поселенія.

Мы ниже приводимъ цифровыя данныя, соединенныя въ таблицы на основаніи письменныхъ показаній всѣхъ селеній сѣверной колоніи. Здѣсь же считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ этихъ же приговоровъ, въ которыхъ ясно отразилось то тревожное и напряженное состояніе, въ какомъ пребывали духоборцы всю эту осень.

Изъ селенія Вознесенія писали: „...Не знаемъ, если въ настоящую зиму не найдется работы или заимообразу на первый случай, не знаемъ какъ и быть намъ здѣсь, чужому народу..."

Изъ селенія Новотроицкаго: „...Если бы гдѣ найти себѣ заимообразъ, то мы этому очень рады были бы, потому что мы бы взялись больше всего за земледѣльную работу и доставили бы себѣ насущный хлѣбъ. Современемъ и долгъ уплатили бы и сами поправились бы... Главное не знаемъ гдѣ что найти; не знаемъ по-англійски, не знаемъ ни здѣшнихъ порядковъ, ни обычаевъ... Но да будетъ на все это Его святая воля..."

Изъ селенія Вѣровка: „...Для рабочихъ нужны зимніе сапоги, штаны, чулки, варишки, рубашки и т. п., такъ какъ здѣсь до 50° морозъ бываетъ, а всего этого у насъ очень мало. Можетъ, зимою будемъ ходить на работу, а если нельзя будетъ нигдѣ заработать и заимообразу намъ никто не дастъ, то для насъ очень это обидно будетъ, потому что не знаемъ гдѣ и откуда что найти

себѣ и не видимъ возможности какъ либо намъ покамѣстъ окепироваться...“

Изъ селенія Любомировка: „...Долги уплатимъ, ничего у насъ на зиму не останется. Не знаемъ какъ и будемъ эту зиму зимовать; въ настоящее время для насъ, чужого народа, трудно приходится; по-англійски не знаемъ, правительственнаго порядка тоже не знаемъ, и гдѣ найти себѣ заимообраза тоже не знаемъ. Если бы найти заимообразъ, то стали бы мы на ноги, а со временемъ мы выплатили бы его...“

Изъ селенія Михайловка: „...Зимней одёжи имѣемъ совсѣмъ мало для рабочихъ; плохо будетъ зимою нѣкоторымъ; но если эту зиму не будетъ настоящей работы или денегъ хотя бы изъ процента, то не знаемъ какъ и будемъ здѣсь; по-англійски не знаемъ, обычаевъ и обхожденія ихъ тоже не знаемъ.“

Какъ видно изъ этихъ выдержекъ, духоборцы озабочены болѣе всего двумя вопросами: какъ либо прозимовать зиму и получить заимообразъ, чтобы стать на свои ноги. Но надо было предвидѣть, что еще пройдетъ нѣсколько лѣтъ, пока они всѣ будутъ въ состояніи заниматься своимъ привычнымъ сельскохозяйскимъ трудомъ и перестанутъ ходить по ненавистнымъ имъ отхожимъ промысламъ.

Въ письмѣ къ П. В. Веригину духоборцы сѣверной колоніи описываютъ свое положеніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„...Живемъ мы здѣсь больше всего и кормимся съ поденныхъ заработковъ, но такіе труды не особенно выгодны, потому что бо̀льшую часть дорогъ работаетъ компанія отъ себя и уже компанія нанимаетъ поденщиковъ, а разсчетъ правильно не выдаетъ. Земля здѣсь видомъ очень красивая и климатомъ тоже; по прибытію на новую землю мы стали весной на себѣ плугомъ па-

Табли

Сѣверная

(Свѣдѣнія по 15 октя

№№	Названіе селеній.	Количество душъ.	Число рабочихъ.	Вспахано земли.	Ячмень.			Рожь.			Пшеница.		
					Сѣяли дес.	Снято пуд.	Убилъ морозъ.	Сѣяли дес.	Снято пуд.	Убилъ морозъ.	Сѣяли дес.	Снято пуд.	Убилъ морозъ.
1	Троицкое.	80	20	8	1	—	1	—	—	—	1	—	1
2	Успенье.	68	15	5	1/2	10	—	1/2	—	1/2	—	—	—
3	Михайловка . . .	85	20	8 1/4	1/2	—	1/2	1	—	1	—	—	—
4	Вознесенье . . .	97	12	17 1/2	1	10	—	1/2	5	—	—	—	—
5	Ново-Троицкое .	121	25	4	1/2	—	1/2	1/2	—	1/2	—	—	—
6	Вѣровка	42	12	3	1/2	10	—	—	—	—	—	—	—
7	Покровка.	150	35	12	1	10	—	—	—	—	—	—	—
8	Спасовка	126	32	6	—	—	—	1	15	—	—	—	—
9	Любомировка. .	113	30	4	1/2	15	—	1/4	—	1/4	—	—	—
10	Освобожденіе. .	205	57	16	2	30	—	1	—	1	—	—	—
11	Страдаевка. . . .	89	20	4	1/2	—	1/2	1/2	—	1/2	—	—	—
12	Богдановка . . .	104	39	10	1/2	25	—	1	—	1	—	—	—
13	Тихомировка . .	121	30	10	1/2	15	—	1	20	—	—	—	—
	Итого	1397	347	107 3/4	9	125	2 1/2	7 1/4	40	4 3/4	1	—	1

а № 1.

колонія.

бря (нов. ст.) 1899 г.

Овесъ.			Картофель.			Морковь.			Капуста.			Свекла.			Разныя овощи.		
Сѣяли дес.	Снято пуд.	Убилъ морозъ.	Сажали дес.	Снято пуд.	Убилъ морозъ.	Сажали дес.	Снято пуд.	Убилъ морозъ.	Сажали дес.	Снято пуд.	Убилъ морозъ.	Сажали дес.	Снято пуд.	Убилъ морозъ.	Сажали дес.	Снято пуд.	Убилъ морозъ.
—	—	—	1/2	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	Были посажены: огурцы, арбузы, помидоры, тыквы, дыни, рѣдька, редиска, брюква, рѣпа, лукъ—все или убилъ морозъ или съѣлъ жучекъ.	
1/2	—	1/2	1/2	34	—	1/2	34	—	—	—	—	—	—	—	1		
1/2	—	1/2	1	106	—	1/2	44	—	—	—	—	—	—	—	1/2		
1 1/2	—	1 1/2	1/2	25	—	1/2	25	—	1/4	5	—	—	—	—	1/2		
—	—	—	4/5	90	—	1/2	30	—	—	—	—	—	—	—	1		
—	—	—	—	—	—	1/4	10	—	1/4	8	—	—	—	—	1/2		
1/2	—	1/2	1/2	60	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/2		
1	—	1	1/2	60	—	1	100	—	—	—	—	—	—	—	1		
1/4	—	1/4	1	170	—	1	113	—	—		—	1/2	57	—	1/2		
1	—	1	2	205	—	3/4	150	—	—	—	—	1/4	50	—	1/2		
—	—	—	1	60	—	1/2	5	—	—	—	—	—		—	1/2		
1/2	—	1/2	1 1/2	205	—	1	160	—	—	—	—	1	150	—	1		
1/2	10	—	1 1/2	60	—	1/2	121	—	—	—	—	—		—	1		
6 1/4	10	5 3/4	11 3/10	1115	—	7	792	—	1/2	13	—	1 3/4	257	—	9 1/2	—	—

хать и сѣять. Сѣяли ячмень, овесъ, жито, пшеницу, картофель, огурцы, арбузы, тыкву, капусту, рѣдьку, моркву и т. п. Ячмень морозъ прибилъ, но все-таки въ нѣкоторыхъ селахъ вышелъ; жито, овесъ, пшеницу — морозъ убилъ; картофель всё-таки ничего вышелъ; капусту, рѣдьку — козявка поѣла почти повсемѣстно; не во всѣхъ селахъ, но въ большинствѣ остальныя овощи почти вездѣ морозъ убилъ и такъ остаются наши труды безвыгодны... Лѣто здѣсь хорошее, но весною очень сильные комары и камашки и вредятъ народу и скоту. Земля,—здѣшніе люди говорятъ, — пока разработаешь, три года будетъ морозъ бить, а потомъ лучше..."

Эта выдержка изъ письма духоборцевъ вполнѣ подтверждается и цифровыми данными (см. табл. 1, стр. 162—163).

Эта таблица подтверждаетъ намъ почти полную неудачу перваго духоборческаго посѣва въ Канадѣ. Морозъ и червь испортили и уничтожили почти все засѣянное. Но пугаться первой неудачи не приходилось, такъ какъ тутъ же, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ духоборцами, живутъ фермеры и благоденствуютъ. Благоденствіе же это происходитъ отъ того, что, во-первыхъ, у фермеровъ хорошо разработана земля, а, во-вторыхъ,— и это, пожалуй, самое главное,—они уже приноровились къ мѣстному климату и узнали подходящіе скороспѣлые сорта хлѣба и овощей. Духоборцы часто заходятъ къ фермерамъ и, видя ихъ хозяйство, не смущаются, ибо воочію убѣждаются, что здѣсь жить можно, только необходимо приспособиться къ новымъ условіямъ и обзавестись сноснымъ хозяйствомъ.

И надо сказать, что духоборцы не смутились этой первогодней неудачей. Старики не разъ говорили мнѣ:

— Мы помнимъ, какъ пришли на Кавказъ, на Мокрыя горы. Вотъ тамъ была бѣда, такъ бѣда! Не только

одинъ годъ, а сколько лѣтъ зерна своего не видали, ни „фрухты“, ни овощей. Все покупали. Потомъ уже, какъ обжились, землю порасковыряли и теплѣй какъ-то стало,—сталъ выходить ячмень, картошка, морква, а подъ конецъ даже пшеница и овесъ вызрѣвали. Своихъ огурцовъ, капусты или помидоровъ такъ ни разу и не видали,—все покупали. А тутъ, смотрите сами, въ первый годъ и то какой ячмень вышелъ, — зерно какъ горохъ; такого прямо отродясь не видали. Картошка на удивленіе. Кое у кого помидоры вышли, огурцы поспѣли; редиска, рѣдька, морква, цибуля, рѣпа, капуста—хоть понемногу да у всѣхъ свое есть. Еще вотъ эти „ховражки“ да жучекъ разорили; если бы не они— всего было бы много...

Этотъ первый годъ, конечно, былъ труденъ для духоборцевъ. Пришли рабочіе съ заработковъ; подсчитали все, что принесли и оказалось, во многихъ случаяхъ, большая нехватка. Многіе селенія далѣе какъ до Рождества не могли бы дотянуть на свои средства при самомъ скудномъ питаніи. Правда, были и такія общины, рабочее населеніе которыхъ попало на болѣе выгодныя работы, а потому и принесли столько денегъ, что вполнѣ обезпечили себя на всю зиму и весну хлѣбомъ, приваркомъ, скотомъ и вообще всемъ необходимымъ. Но такихъ счастливыхъ общинъ было очень мало. Для всѣхъ южныхъ и сѣверныхъ „ссыльныхъ“ духоборцевъ, а также для части елизаветпольскихъ, карскихъ и принцъ-альбертовскихъ — ясно вырисовывалась перспектива долгаго недоѣданія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и голодовки.

Къ счастію, въ 1899—1900 годахъ зима стала очень поздно, такъ что почти до конца октября часть духоборцевъ находили себѣ работу на желѣзныхъ дорогахъ.

Духоборцы въ своихъ приговорахъ, о которыхъ мы

упоминали выше, — также записали все необходимое имъ на зиму.

На основаніи этихъ записей мы составили слѣдующую таблицу (см. табл. 2, стр. 167).

Цифры, какъ видно изъ итога, получились очень почтенныя и, конечно, духоборцы не имѣли никакой возможности на свои средства покрыть нужду.

Изъ этой же таблицы мы видимъ, что сумма долга духоборцевъ сѣверной колоніи по октябрь 1899 года, почти равна суммѣ денегъ, которыя духоборцы должны были получить при послѣднемъ разсчетѣ за полтора мѣсяца работы на желѣзной дорогѣ; нѣкоторыя-же изъ селъ должны больше чѣмъ получатъ. Правда, около половины этого долга они обязаны уплатить въ продолженіе года, но остающаяся сумма наличныхъ денегъ въ 1800 долларовъ представляется очень незначительной по сравненію съ той нуждой первой необходимости, которая выдвинулась сама собой при приближеніи зимы.

На полученныя деньги съ желѣзной дороги, послѣ уплаты срочныхъ долговъ, они купили немного юфты и соли, а большую часть употребили на закупку муки.

Видя плохое положеніе духоборцевъ, мы сейчасъ же подняли агитацію въ Канадѣ и въ Россіи среди друзей и экономическое положеніе духоборцевъ — собственно зимній прокормъ — быстро измѣнилось къ лучшему: прежде всего отмѣтимъ крупныя пожертвованія, собранныя филадельфійскимъ квакеромъ Элькинтономъ. На эти пожертвованія были куплены и доставлены въ г. Іорктонъ, для сѣвернаго и южнаго участка, 52 коровы, 8 паръ быковъ и нѣсколько фургоновъ. Изъ организованнаго Элькинтономъ комитета помощи духоборцамъ стали поступать пожертвованія натурой: прислали 85 одѣялъ, довольно много стараго платья, немного льняного масла, немного немытой шерсти. Черезъ нѣкоторое время тѣ же

Таблица № 2.

Сѣверная колонія.

(Свѣдѣнія по 15 октября (нов. ст) 1899 г).

№№	Названіе селъ.	Количество душъ	Заработано денегъ къ 15 окт. въ доллар.	Количество долга къ 15 окт въ доллар.	Сколько и чего нужно на зиму. Мука въ пуд.	Картошки въ пуд	Капуста въ пуд.	Соль въ пуд.	Керосинъ въ пуд	Лампы (штукъ)	Петли для дверей.	Стекла для оконъ.	Гвоздей въ пуд	Спичекъ въ дюжинахъ короб.	Теплая одежда.	Примѣчанія.
1	Троицкое	80	224	176	408	506	120	12	24	14	14	1	2	12	Зимней одежды у всѣхъ очень мало; нужны чулки, теплыя портянки, рубашки, штаны, полушубки, сапоги, варешки, рукавицы.	Села Спасовка и Освобожденіе заработали каждое около 600 пудовъ картошки у фермера, — работая изъ части. Въ с. Страдаевка на 2 лошадяхъ нѣтъ сбруи.
2	Успенье	68	320	346	420	420	100	16	12	9	18	1	2	12		
3	Михайловка. . .	85	340	328	510	510	170	13	15	8	10	—	1/4	—		
4	Вознесенье . .	97	118	152	582	582	110	16	12	10	8	2	1	18		
5	Новотроицкое .	121	300	494	720	720	140	33	30	20	20	2	1 1/2	18		
6	Вѣровка	42	40	152	252	252	50	6	4	7	5	1	1/2	10		
7	Покровка	150	400	152	900	900	200	50	9	5	17	-	1	18		
8	Спасовка	126	631	233	1100	400	200	40	30	9	—	—	1	18		
9	Любомировка .	113	300	282	678	678	125	18	30	16	32	1	1 1/2	18		
10	Освобожденіе	205	298	603	1830	660	300	50	20	24	24	—	1 1/2	18		
11	Страдаевка . .	89	219	182	534	534	100	15	12	14	28	1	1 1/2	12		
12	Богдановка. . .	104	298	278	624	624	110	18	10	11	26	1	1 1/2	18		
13	Тихомировка . .	121	290	402	726	726	125	20	30	20	30	-	1 1/2	18		
	Итого. . . .	1397	3778	3780	9284	7512	1850	307	238	167	232	10	16 3/4	190	—	

квакеры прислали еще очень много стараго платья, чай, сахаръ, бисквиты, мыло, одѣяла и пр., и пр.

Все это присылается издалека, за 4.000 верстъ, и, конечно, пересылка этой „жертвы“ стоила баснословно дорого; такъ за два транспорта (3½ вагона) заплачено за пересылку 700 долларовъ! Духоборцы совершенно правильно разсуждаютъ, что лучше бы имъ прислать одни пересылочныя деньги, нежели бросать ихъ въ такомъ огромномъ количествѣ въ кассу желѣзной дороги и получать за тысячи верстъ старое платье и бисквиты.

Квакеръ Элькинтонъ вновь, въ пятый разъ, объѣхалъ колоніи, записалъ всю нужду и наобѣщалъ духоборцамъ прислать цѣлыя горы всего: муки, картошки, луку, шерсти, керосину, пряжи, прялокъ и пр. и пр. И дѣйствительно, кукурузная мука, картошка, лукъ, горохъ, фасоль, кукуруза въ початкахъ и пр. вскорѣ были присланы въ ближайшіе города. На сто душъ пришлось различнаго провіанта по три большихъ воза.

Въ это же время подоспѣли и другія пожертвованія: изъ Россіи прислали 537 долларовъ, изъ Англіи 217 долл., изъ Швейцаріи 500 долл., изъ разныхъ мѣстъ Канады и Соединенныхъ Штатовъ по мелочамъ около 100 долл. Дожидали еще изъ Россіи до 4000 долл., а также сообщили изъ Англіи, что вскорѣ будетъ еще пожертвованіе; кромѣ того Алекс. Ник. Коншинъ пожертвовалъ духоборцамъ 2000 долларовъ съ условіемъ въ будущемъ обратить ихъ въ общественный капиталъ. На эти деньги закупили муки, капусты и масла; и именно на это пожертвованія удалось организовать два кооперативныхъ склада при сѣверномъ и южномъ выборныхъ духоборческихъ комитетахъ; вообще вскорѣ выяснилось, что духоборцы были вполнѣ обезпечены на зиму всѣмъ, въ такомъ количествѣ, какого и сами не ожидали. Но, конечно, этотъ филантро-

пическій паліативъ, необходимо нужный сейчасъ, ни на іоту не поправлялъ дѣла въ корнѣ: духоборческое хозяйство все такъ же было слабо организовано и оно все такъ же нуждалось въ серьезной помощи, въ видѣ солиднаго и долгосрочнаго кредита, „заимообраза", какъ говорятъ духоборцы. Кромѣ того надо замѣтить, что заимообразъ былъ желателенъ и предпочтителенъ передъ „жертвами" еще и потому, что „жертва" до большой степени деморализовала духоборцевъ, порождала ссоры и зависть при дѣлежахъ, и, главное, давала обширное поле для всякихъ „слуховъ" и „надеждъ", отвлекавшихъ населеніе отъ нормальной трудящейся жизни.

Все это время канадское правительство было озабочено прісканіемъ работъ на зиму для духоборцевъ. Наконецъ, работы были найдены по-хорошей цѣнѣ (1 дол. 75 цент. въ день = 3 руб. 50 коп.) на своихъ харчахъ, было заключено съ подрядчикомъ формальное условіе и вообще все было приготовлено, чтобы 500 человѣкъ рабочихъ-духоборцевъ отправились бы на всю зиму на эту работу.

Первая партія въ 60 человѣкъ уѣхала; потомъ между духоборцами пошли всевозможные толки и слухи одинъ другого невѣроятнѣй, на работу собирались мѣшкотно, и въ концѣ концовъ пропустили всѣ назначенные въ условіи сроки явки на работу и имъ было отказано въ работѣ. Со стороны было ясно видно, какъ энергія духоборцевъ стало все упадать и упадать вмѣстѣ съ приливомъ новыхъ и новыхъ пожертвованій.

На южномъ участкѣ по осени обнаружилась у бо̀льшей части духоборцевъ, та же нужда, что̀ и на сѣверномъ, однако, не сомнѣвались, что нужда южнаго участка такъ же будетъ покрыта пожертвованіями, какъ и нужда сѣвернаго.

Зима въ общемъ прошла благополучно.

Къ веснѣ 1900 г., однако, въ нѣкоторыхъ духоборческихъ деревняхъ опять обнаружилась большая нужда.

Такъ съ сѣвернаго участка, изъ селенія Новотроицкаго духоборецъ Иванъ Ѳоминовъ, человѣкъ серьезный, дѣльный и правдивый, писалъ мнѣ, о своемъ положеніи слѣдующее:

„7 марта 1900 г. Прошу я васъ ради Бога не оставьте моей просьбы, пришлите мнѣ рублей 10 денегъ, если вамъ будетъ возможно. Намъ крайняя нужда. Я самъ болѣлъ и теперь боленъ и ни хлѣба, ни соли нѣтъ. Ради Бога пришлите хоть въ займы, въ настоящее время нѣтъ хлѣба, а весной совсѣмъ помремъ голодные. Дороги здѣшнія, вы сами знаете, какія, а у насъ на 100 душъ — тройка хромыхъ лошадей и пара быковъ. Моя семья всѣхъ 7 душъ. Ради Бога, пришлите взаймы до осени. Иванъ Ѳоминовъ“ [1]).

Подобныя же извѣстія были и съ южнаго участка.

Въ очень печальномъ положеніи очутились бѣдняки изъ духоборцевъ, поселившихся на землѣ Принцъ-Альберта. Какъ я уже имѣлъ случай говорить, большинство изъ ушедшихъ на тотъ участокъ—народъ состоятельный. Уходя изъ иммигрантскаго помѣщенія въ East Selkirk'ѣ эти богачи, на категорически поставленный имъ вопросъ, отвѣтили, что они обязуются прокормить бѣдняковъ эту зиму. На самомъ же дѣлѣ они этого не сдѣлали и бѣдняки очутились въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи: свои имъ не помогаютъ, пожертвованія къ нимъ не доходитъ. Къ веснѣ 1900 г. нужда приняла острый характеръ и на Принцъ-Альбертъ была

[1]) Ив. Ѳоминову деньги были немедленно посланы изъ англійскаго комитета помощи духоборцамъ.

послана помощь. Принцъ-альбертовскіе бѣдняки не разъ писали мнѣ о своемъ положеніи: такъ духоборецъ Семенъ Черновъ въ письмѣ ко мнѣ отъ 3 октября 1900 г., между прочемъ, сообщаетъ:

„...Скажу вамъ о себѣ. Мы какъ выѣхали на участокъ, то началъ лить дождь,—день и ночь,—такъ что почти приходилось быть безъ средствъ пропитанія.

Земля у насъ хорошая, по степи ковыль и полынь; много луговъ, лѣсъ недалеко. Повыкопали колодцы, — вода хорошая; построили хаты немудренныя. Мы построили на 187 душъ 5 хатъ; помѣщеніе, можно сказать, слава Богу. Только отъ одного наши дѣла приходятся трудны: средства истекли; у нѣкоторыхъ почти нечего перекусить; теперь не знаемъ къ кому обратиться и кого просить. Мука до двухъ долларовъ доходитъ, было и больше.“

Одинъ изъ весьма уважаемыхъ „старичковъ“, Николаша Вышловъ, писалъ:

„...Эхъ, дорогіе вы наши друзья, по новости трудно одному тутъ жить безъ денегъ. У людей-то есть сыновья,—не оттель, такъ оттель всё-таки копейка идетъ, а ты только поглядывай! Да, дорогіе друзья, никто не помогнетъ и не дастъ. Дорогіе вы наши друзья, да будетъ на все воля Господа Бога нашего.“

А вотъ еще выписка изъ письма духоборца Василія Верещагина:

„...Люди нѣкоторые испытываютъ очень большую нужду. Между другими особенно нуждается Николай Постниковъ [1]). Се́ма Черновъ былъ у него и видѣлъ его бѣдственное положеніе. Хлѣбъ ѣдятъ въ день только 2 раза и это всё на чужія средства. Добрые люди по-

[1]) Большая семья съ семью малолѣтними дѣтьми. Отецъ больной человѣкъ. Мать чрезвычайно истощенная, малокровная.

Прим. В. Б. Б.

могали, а теперь приходитъ каждому до себя. Дорогіе друзья, прошу васъ какъ своихъ близкихъ, если найдете возможнымъ, то пришлите ради Бога хоть малую долю".

Въ февралѣ 1900 г. англійская дама г-жа Осборнъ, о которой мы уже имѣли случай упомянуть, живущая въ Виннипегѣ и много помогавшая духоборцамъ, получила съ Принцъ-Альберта слѣдующія письма:

Духоборецъ Василій Василенковъ пишетъ:

„Милая сестрица! Любовь твоя постоянно ободряетъ наши души и спаси тебя, Господи, за то, что ты не забываешь бѣдныхъ людей, поселившихся на Принцъ-Альбертѣ. Мы опять имѣемъ до тебя просьбу. Кое-кто изъ насъ еще имѣетъ пропитаніе, но многіе уже ничего не имѣютъ совсѣмъ. Имена ихъ: Иванъ Сухаревъ, Василій Сухаревъ, Василій Подовскій, Иванъ Свѣтлищевъ, Николай Свѣтлищевъ, Петръ Шерстобитовъ, Василій Василенковъ, Федоръ Озеровъ съ семействами — всего 55 душъ. У насъ нѣтъ даже хлѣба насущнаго. Милая сестрица, намъ тяжело просить у чужихъ людей, но великая нужда наша заставляетъ насъ протягивать руку. Мы обращаемся къ тебѣ со слезами и просимъ помочь намъ какъ можно скорѣе, ради Господа нашего Іисуса Христа и за то мы вѣчно будемъ за тебя Бога молить. Какъ намъ только будетъ возможно мы постараемся все выплатить. Если Господь Богъ пошлетъ намъ здоровье, мы всегда будемъ помнить добрыхъ людей, которые помогли намъ въ нашей тяжелой нуждѣ. Шлемъ мы тебѣ нашъ привѣтъ отъ всѣхъ братьевъ и сестеръ."

Духоборецъ Алексѣй Стушневъ пишетъ: „Милая сестрица! Я пишу вамъ потому, что у меня есть вашъ адресъ и вы просили меня писать вамъ о нашихъ нуждахъ. Я хочу вамъ разсказать какая наша жизнь теперь и прошу я васъ быть милосердной и не оставить на-

шей просьбы о помощи. Когда мы поселились на участкахъ, намъ было очень трудно что-либо себѣ заработать на хлѣбъ. Не трудно тѣмъ достать себѣ пропитаніе, у кого есть деньги и лошади, чтобы привезти его, но у кото этого нѣтъ, тотъ долженъ помирать съ голода. Поэтому мы и обращаемся къ вамъ за помощью. Не оставьте насъ и пришлите въ нашу деревню немного хлѣба. У насъ есть очень бѣдный народъ. Хлѣба не хватаетъ. Называется наша деревня Кирилловка № 1. Намъ очень трудно провести эту зиму. А весной, съ Божьей помощью, мы надѣемся кое-что заработать. Мы очень умоляемъ васъ разсказать о нашей нуждѣ всѣмъ нашимъ друзьямъ и прислать намъ какую-либо помощь."

Г-жа Осборнъ напечатала это письмо, вмѣстѣ съ другими имъ подобными, въ газетѣ „Globe", издающейся въ г. Toronto. Нашлись люди, которые услышали просьбу духоборцевъ. Г-жа Осборнъ получила 235 долларовъ, на которые купила пять коровъ, изъ нихъ четыре посланы на Принцъ-Альбертъ, а одна специально для старика-ветерана духоборца Махортова, живущаго на южномъ участкѣ въ селеніи Петровка. Здоровье этого крѣпкаго старика-севастопольца, пробывшаго за свои религіозныя убѣжденія 12 лѣтъ въ ссылкѣ, въ послѣднее время замѣтно пошатнулось. Плохое питаніе отразилось на немъ вдвойнѣ и онъ, какъ самъ говорилъ мнѣ, чувствуетъ что „плоть" его начинаетъ таять. Можетъ быть молоко поддержитъ старика.

Бѣднякамъ на Принцъ-Альбертѣ, а также южной и сѣверной колоніи, въ самое послѣднее время была оказана помощь жителями Калифорніи. Осенью 1899 г. А. Н. Коншинъ, который далъ уже духоборцамъ болѣе двухъ тысячъ долларовъ, совершилъ въ началѣ октября

1899 г. путешествіе по Калифорніи[1]) и Соединеннымъ Штатамъ; онъ познакомилъ многихъ людей съ исторіей и мотивами переселенія духоборцевъ, а также и съ ихъ настоящимъ положеніемъ съ его словъ былъ написанъ рядъ статей въ различныхъ газетахъ и журналахъ. Эти статьи обратили вниманіе общества на духоборцевъ; въ Калифорніи образовался комитетъ для сбора пожертвованій „русскимъ квакерамъ" и этимъ комитетомъ были высланы на Принцъ-Альбертъ, Iorkton и Swaan-River по одному вагону сушеныхъ фруктъ, а на Принцъ-Альбертъ, по просьбѣ г-жи Осборнъ,— этотъ же комитетъ послалъ еще 1.800 фунтовъ сушеныхъ сливъ, а также одежды. Долженъ здѣсь отмѣтить, что калифорнійскія пожертвованія ни въ коемъ случаѣ нельзя связывать съ поѣздкой двухъ духоборцевъ въ Калифорнію, какъ это сдѣлалъ г. С. Н. Сыромятниковъ (Сигма) въ своей статьѣ „Еще о духоборцахъ" („Новое Время" № 8616, 25 февраля 1900 г.).

23-го января 1900 г. я былъ въ г. Виннипегѣ и уже зналъ о томъ, что изъ Калифорніи высылаютъ 3 вагона сушеныхъ фруктъ и очень радовался за духоборцевъ, такъ какъ сушеныя фрукты, несомнѣнно, ослабятъ дѣйствіе и распространеніе цынги, которая въ то время, послѣ короткаго промежутка, уже опять появилась.

Къ лѣту 1900 г. для духоборцевъ было собрано еще около тысячи долларовъ, которые и были переправлены въ Канаду. Эти деньги дали возможность помочь наиболѣе бѣднымъ. Плохое питаніе весной 1899 г. вызвало повышенную смертность среди духоборцевъ, которая, правда, очень скоро приняла обыкновенные

---

[1]) Между прочимъ, онъ имѣлъ солидную рекомендацію къ предсѣдателю общества послѣдователей Блавадской. Это общество занимается широкой филантропической дѣятельностью.

размѣры. Въ 1900 г. тоже смертей было очень мало, что объясняется съ одной стороны тѣмъ, что пришедшіе прямо изъ домовъ духоборцы очень крѣпко сложены, здоровы и сравнительно легко переносятъ нужду, съ другой же стороны необходимо принять въ соображеніе и тотъ фактъ, что наиболѣе слабые (больные, старые, дѣти), изъ такъ называемыхъ „ссыльныхъ" духоборцевъ вымерли въ кавказскихъ аулахъ, гдѣ изъ 4.500 человѣкъ, въ теченіи 3½ лѣтъ умерло около 1.000 душъ, а также и на Кипрѣ, гдѣ изъ 1.129 человѣкъ умерло сто слишкомъ человѣкъ за полгода, т.-е. почти 20% населенія! Самое же переселеніе въ Канаду сопровождалось очень малымъ количествомъ смертей.

По всѣмъ извѣстіямъ, приходившимъ отъ духоборцевъ изъ Канады послѣ моего отъѣзда оттуда, видно, что зимой, весной и лѣтомъ 1900 г. особенно острой нужды терпѣть имъ не приходилось. Стало быть помощь пришла во время. Если гдѣ и выбивалась нужда, то сейчасъ же находились средства помощи и грозно надвигавшійся призракъ очень скоро исчезалъ.

Какъ только открылась весна, открылись и заработки и положеніе нашихъ переселенцевъ быстро еще болѣе улучшилось.

Агенты канадскаго правительства, вдругъ, неожиданно для всѣхъ, къ 1 декабрю 1899 г. перемѣнили курсъ по отношенію и къ духоборцамъ и лично къ намъ и прежнія угрозы и обѣщанія выслать насъ изъ Канады смѣнились чрезвычайной предупредительностью и любезнымъ отношеніемъ. Теперь мы отовсюду слышали обѣщанія сдѣлать все, что только будетъ нужно, лишь бы обезпечить духоборцевъ на эту зиму. Такая рѣзкая перемѣна произошла несомнѣнно благодаря посѣщенію духоборческихъ колоній министромъ земледѣлія, какъ мы уже знаемъ, г-номъ Саундерсомъ.

Г. Саундерсъ объѣхалъ всѣ селенія южнаго и сѣвернаго участка и, какъ мы уже отмѣчали, былъ пораженъ трудолюбіемъ духоборцевъ, которое говорило само за себя и построенными домами, и распаханной землей, и накошеннымъ сѣномъ. Не надо забывать, что это было первое лѣто пребыванія духоборцевъ на мѣстахъ ихъ поселенія и что почти все рабочее мужское населеніе и большинство подростковъ до 13—14 лѣтъ были все лѣто на заработкахъ. Кромѣ того духоборцы съ весны почти совершенно не имѣли рабочаго скота, такъ что пахали на себѣ бабы, лѣсъ возили тоже бабы и тоже на себѣ. Отъ этой тяжелой работы долгое время было много больныхъ, надорванныхъ женщинъ.

Саундерсъ, собравъ свѣдѣнія о запашкѣ, обѣщалъ безплатно прислать къ веснѣ сѣмянъ для обсѣмененія полей и огородовъ. Сѣмена были присланы во время съ двухъ сторонъ: отъ канадскаго правительства и изъ Соединенныхъ Штатовъ отъ квакеровъ. Особенное вниманіе обращалось на разведеніе льна. Одна большая торговая фирма давала духоборцамъ безплатно въ большомъ количествѣ сѣмянъ льна, прося ихъ какъ можно больше заняться льноводствомъ и эта фирма обѣщала скупать за наличныя деньги весь лёнъ, который будетъ оставаться у духоборцевъ свободнымъ отъ домашняго потребленія.

Также предполагалось при каждомъ селеніи устроить опытное поле, гдѣ будутъ засѣваться различные сорта хлѣба и овощей, чтобы опытомъ выяснить, какой именно сортъ каждаго злака или овоща наиболѣе подходящъ къ мѣсту къ климату поселенія духоборцевъ. Сѣмена для всѣхъ этихъ полей хотѣли присылать съ правительственныхъ опытныхъ фермъ безплатно по три фунта каждаго сорта, съ условіемъ веденія правильныхъ записей посѣва, всхода, жатвы и пр. Духоборцы должны

будутъ отъ урожая каждаго сорта засѣяннаго на опытномъ полѣ хлѣба отдѣлять одинъ фунтъ полученныхъ сѣмянъ и отсылать ихъ на опытную ферму. Весь остальной урожай долженъ будетъ итти въ пользу хозяина поля. Духоборцы чрезвычайно были удивлены всей этой постановкой дѣла и совершенно не хотѣли вѣрить, что, напримѣръ, овесъ все-же имѣетъ болѣе полсотни различныхъ сортовъ, пшеница что-то около 75 сортовъ и т. д. Идея опытныхъ полей понравилась духоборцамъ.

Вообще духоборческая жизнь шла очень скорымъ темпомъ и все новые и новые факты и впечатлѣнія встряхивали духоборцевъ и волновали ихъ умы непрестанно.

Къ этому времени зашевелились и представители канадскаго правительства. Такъ въ ноябрѣ докторъ В. М. Величкина получила письмо отъ иммиграціоннаго агента въ Виннипегѣ, въ которомъ оффиціально сообщалось, что канадское правительство, получивъ свѣдѣнія о нуждѣ принцъ-альбертовскихъ бѣдняковъ-духоборцевъ, рѣшило позаботиться объ ихъ пропитаніи въ теченіе наступающей зимы впредь до новаго урожая. Для семьи Постникова, с которой упоминалось выше, изъ Виннипега были посланы: чай, сахаръ, рисъ, мука, картофель, капуста. Для всѣхъ другихъ бѣдняковъ посылался вагонъ картошки и обѣщали послать муку и другой провіантъ.

XIX.

Сравненіе благосостоянія хозяйствъ духоборцевъ южнаго и сѣвернаго участковъ.

Съѣздка южнаго участка въ с. Тамбовка и сѣвернаго въ с. Михайловка дали намъ много матеріала, на основаніи котораго мы могли сравнить не только бла-

госостояніе того и другого участка, но и въ каждомъ участкѣ выдѣлить районы съ наиболѣе бѣднѣйшимъ населеніемъ. Это было тѣмъ болѣе для насъ важно, что готовясь къ зимѣ, и зная обо многихъ нехваткахъ, всѣмъ намъ многократно приходилось обращаться и въ Канадѣ, и въ Соединенныхъ Штатахъ, и въ Англіи, и въ Швейцаріи и въ Россіи къ частнымъ лицамъ, обществамъ и учрежденіямъ съ просьбой помочь бѣдствовавшимъ духоборцамъ, а для этого намъ всегда нужно было имѣть подъ руками точно установленныя, вполнѣ провѣренныя и хорошо разработанныя цифры, дабы всюду мы могли бы выступить не только съ голословными утвержденіями, но и съ точными данными На страницахъ 122 и 123 этой книги нами напечатаны сводныя таблицы, касающіяся августовской анкеты южнаго участка, а на страницѣ 136—такая же таблица, касающаяся августовской же анкеты сѣвернаго участка. Данныя хозяйства Принцъ-альбертовскихъ духоборцевъ читатель найдетъ въ слѣдующей главѣ (Стр. 187—191).

Помимо этой анкеты нами была произведена еще новая подробная письменная анкета на 1-ое января 1900 г Результаты этого изслѣдованія нами сведены въ особыя таблицы. Само собой понятно, сравнивая всѣ эти данныя между собой, мы къ 1-му января 1900 г. могли опредѣлить не только степень нужды различныхъ группъ духоборцевъ, но,—что не менѣе важно, — ростъ благосостоянія или упадокъ живого и мертваго хозяйственнаго инвентаря, и пр. имущества духоборцевъ.

Цифровыя данныя анкеты на 1 января 1900 г., касающіяся южныхъ колоній духоборцевъ, сведены нами въ слѣдующую таблицу:

№№	Названіе деревень.	Количество душъ.	Лошадей.	Быковъ.	Коровъ.	Фургоновъ.	Плуговъ.
	Около озера Добраго Духа.						
1	Благосклоновка .	146	3	4	1	1	1
2	Кириловка	72	4		1	1	1
3	Ново-Спасовка . .	105	6	4	1	2	
4	Утѣшеніе	180	6	4	1	2	2
5	Ново-Троицкое . .	198	11		1	2	2
6	Ново-Горѣлое . . .	80	3	11	1	4	2
7	Позираевка	29	7	—	5	3	2
8	Возвышеніе	45	10		6	3	3
	Около Бѣлой рѣчки.						
9	Кириловка	81	5	—	1	1	1
10	Моисѣевка.	80	2	2	1	2	2
11	Беседовка	105	1	1	1	1	2
12	Благовѣщеніе. . .	152	7	—	2	4	3
13	Совѣтовка	125	1	2	1	2	3
14	Потерявшее . . .	186	3	2	1	2	3
15	Смиреновка	170	15	2	6	4	3
16	Терпѣніе (Карское)	254	11	4	12	3	3
17	Спасовка	104	4	2	1	1	2
18	Покровка	133	14	—	7	4	1
19	Славянка	136	2	2	1	1	2
20	Вѣровка	174	2	2	1	2	1
21	Благодареновка. .	200	6	—	1	1	3

№№	Названіе деревень.	Количество душъ.	Лошадей.	Быковъ.	Коровъ.	Фургоновъ.	Плуговъ.
	Кипрскіе и Холодненскіе.						
22	Позираевка	108	—	6	2	1	1
23	Ефремовка	190	2	2	2	1	1
24	Воскресеніе	119	2	2	2	1	1
25	Родіоновка	120	4	1	2	1	1
26	Возсіяніе.	112	2	2	2	1	1
27	Николаевка	110	—	2	2	1	1
28	Каменка	143	3	2	2	2	1
29	Петровка.	112	2	2	2	1	1
30	Труженіе.	71	2	—	2	1	1
31	Терпѣніе.	112	1	1	2	2	1
32	Смиреніе.	160	1	2	½	1½	1
33	Тамбовка	155	1	2	½	1½	1
34	Петровка	180	2	5	2	1	1
	Итого . . .	4471[1])	148	71	79	62	58

Мы видимъ, что во всѣхъ деревняхъ, принадлежащихъ карскимъ и елизаветпольскимъ духоборцамъ, имѣлись лошади, тогда какъ изъ 13 селеній кипрскихъ и холод-

[1]) Всего на южномъ участкѣ къ 1-му января 1900 г. было 4471 духоборцевъ, при чемъ изъ нихъ „ссыльныхъ" 1693 человѣка т.-е. тѣхъ, которые были въ Россіи въ ссылкѣ, а 2778 карскихъ и елизаватпольскихъ никогда въ ссылкѣ не бывшихъ, а потому отчасти и сохранившихъ свое благосостояніе.

ненскихъ („ссыльные“ духоборцы), въ двухъ селахъ совсѣмъ не было лошадей, а наибольшее количество ихъ поднималось только въ двухъ деревняхъ до скромной цифры четырехъ на 112 и 120 душъ (деревни Родіоновка и Терпѣніе). У елизаветпольскихъ же тринадцать изъ 21 деревень имѣли по четыре и болѣе лошадей, при чемъ наибольшая цифра поднималась до 15 на 170 душъ (деревня Смиреновка). *Всѣ* деревни „ссыльныхъ“ имѣли по одному плугу, тогда какъ у елизаветполскихъ и карскихъ одна деревня имѣла 4 плуга, 7 деревень имѣли по 3 плуга, восемь — по два, и *только* четыре имѣли по одному плугу. Деревня Новоспасовка, не показавшая ни одного плуга, несомнѣнно или просто забыла показать, или еще въ то время не собралась купить; деревня же эта принадлежитъ къ разряду достаточныхъ и она къ 1 января 1900 г. имѣла на 105 душъ 6 лошадей, 4 быка, 1 корову и 2 фургана.

Среднія цифры еще нагляднѣе вырисовываютъ намъ экономическое преимущество карскихъ и елизаветпольскихъ духоборцевъ передъ „ссыльными“, что мы видимъ изъ слѣдующей таблицы:

Что именно:	У карскихъ и елизаветпольскихъ духоборцевъ.	У ссыльныхъ духоборцевъ.
1 лошадь	на 22.6 чел.	на 67.7 чел.
1 быкъ	„ 66,1 „	„ 58.4 „
1 корова	„ 47,8 „	„ 73.6 „
1 фургонъ	„ 60,4 „	„ 105,8 „
1 плугъ	„ 61,7 „	„ 130,2 „

Изъ этой таблицы мы видимъ, что весь главный хозяйственный инвентарь въ среднемъ приходился у „ссыльныхъ" на количество душъ въ $1^1/_2$, 2 и 3 раза бо̀льшее, чѣмъ у елизаветпольскихъ и карскихъ духоборцевъ. „Ссыльные" выигрывали только на быкахъ; — у нихъ одинъ быкъ приходился въ среднемъ на 58,4 человѣка, а у карскихъ и елизаветпольскихъ на 66,1 человѣка. Но и это обстоятельство говоритъ не въ пользу „ссыльныхъ", такъ какъ быки гораздо дешевле и менѣе пригодны для работы, чѣмъ лошади. Ясно, что „ссыльные" покупали ихъ по преимуществу потому, что не имѣли средствъ обзавестись въ достаточномъ количествѣ лошадьми.

Подобный же опросъ былъ произведенъ 22 августа 1899 г. и изъ сравненія результатовъ этихъ опросовъ [1]) мы видимъ, что за четыре мѣсяца (съ сентября — по январь) у карскихъ и елизаветпольскихъ прибавилось 14 лошадей, 19 быковъ [2]), 31 корова [3]), 3 фургона и 3 плуга, а у „ссыльныхъ" въ тоже время прибавилось инвентаря: 4 лошади, 6 быковъ [4]), 19 коровъ [5]) и 1 фургонъ. Если мы вычтемъ квакерскіе подарки, то изъ полученныхъ цифръ увидимъ, что несмотря на то, что населеніе карскихъ и елизаветпольскихъ духоборцевъ только въ $1^1/_2$ съ небольшимъ раза больше „ссыльныхъ", они пріобрѣли за свой счетъ лошадей и фургоновъ въ три раза больше „ссыльныхъ": купили 10 коровъ, 15 быковъ и 3 плуга; „ссыльные" же ничего этого купить не могли.

Всѣ эти цифры показываютъ намъ, что несмотря на

[1]) См. 122 и 123 стр этой книги.

[2]) Изъ нихъ четыре подарено квакерами

[3]) Изъ нихъ двадцать одна подарены квакерами.

[4]) Всѣ подарены квакерами

[5]) Всѣ подарены квакерами.

осеннее время, когда скотъ дешевъ, когда рабочіе вернулись домой, а стало быть и принесли съ собой большую часть своего заработка, несмотря на то, что всѣ селенія запаслись большимъ количествомъ сѣна, несмотря на все это—„ссыльные“ духоборцы не были въ состояніи пріобрѣсть осенью 1899 г. необходимо нужный имъ скотъ, и только наиболѣе богатые села карскихъ и елизаветпольскихъ духоборцевъ могли еще купить этой же осенью лошадей и нѣкоторый иной инвентарь.

Такъ обстояло дѣло на южномъ участкѣ.

Хозяйственное положеніе сѣверянъ опредѣлялось къ 1 января 1900 г.,—свѣдѣнія собраныя въ декабрѣ 1899г.,—слѣдующими цифрами (см. табл. на стр. 184):

Изученіе данныхъ анкеты сѣвернаго участка приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ: если мы возьмемъ среднія цифры, то увидитъ что 1 лошадь приходится на 27,9 чел.; 1 быкъ — на 51,7; 1 корова — на 58,1; 1 фургонъ—на 87,2; 1 плугъ — на 107,3 человѣка. Сравнивая эти цифры съ средними данными для карскихъ и ели-

Что именно:	Южный участокъ:		Духоборцы сѣвернаго участка (ссыльные).
	Карскіе и елизаветпольскіе духоборцы.	Ссыльные духоборцы.	
1 лошадь	на 22,6 чел.	на 67,7 чел.	на 27,9 чел.
1 быкъ	„ 66,1 „	„ 58,4 „	„ 51,7 „
1 корова	„ 47,8 „	„ 73,6 „	„ 58,1 „
1 фургонъ . . .	„ 60,4 „	„ 105,8 „	„ 87,2 „
1 плугъ	„ 61,7 „	„ 130,2 „	„ 107,3 „

№№	Названіе деревень.	Количество душъ.	Лошадей.	Быковъ.	Коровъ.	Фургоновъ.	Наутокъ.
1	Троицкое	83	3	2	3	1	—
2	Успеніе	63	4	3	2	1	1
3	Михайловка . . .	91	7	—	3	2	2
4	Вознесеніе . . .	96	5	3	1	2	2
5	Покровка	149	4	3	2	1	1
6	Спасовка	122	4		1	1	1
7	Любомировка . .	115	3	3	1	1	1
8	Богдановка . . .	103	3	4	1	1	1
9	Тихомировка . .	119	5	3	1	1	1
10	Страдаевка . . .	87	3	2	1	1	1
11	Вѣровка	41	2	2	1	1	—
12	Освобожденіе . .	207	1	—	1	2	2
13	Новотроицкое . .	149	3	2	3	1	—
	Итого . .	1395	50	27	21	16	13

заветпольскихъ по анкетѣ на 1 январь 1900 г., а также и съ средними цифрами для „ссыльныхъ" южной колоніи той же анкеты, мы видимъ что сѣверная колонія занимаетъ между ними промежуточное мѣсто. Это такъ и есть на самомъ дѣлѣ, что ясно видно изъ слѣдующей сравнительной таблицы среднихъ цифръ обоихъ участковъ всѣхъ трехъ группъ поселенцевъ: (см. табл. на 183 стр.):

Изъ этой таблицы мы видимъ, что самыми бѣдными изъ духоборцевъ, переселившихся въ Канаду, были „ссыльные“ духоборцы, побывавшіе ранѣе на островѣ Кипрѣ; за тѣмъ слѣдуютъ духоборцы сѣвернаго участка — то же „ссыльные“, но не испытавшіе на себѣ мучительнаго пребыванія на островѣ Кипрѣ и, наконецъ, наиболѣе состоятельными являются духоборцы карскіе и елизаветпольскіе, поселившіеся на южномъ участкѣ и не бывшіе ни въ ссылкѣ въ Россіи, ни на островѣ Кипрѣ.

Сѣверная колонія нѣкоторыми своими цифрами, напримѣръ, 1 лошадь на 27,9 чел. или 1 корова на 58,1 чел ,— близко подходитъ къ цифрамъ для карскихъ и елизаветпольскихъ духоборцевъ южной колоніи. Это произошло оттого, что сѣверные духоборцы имѣли возможность пріобрѣсти въ долгъ (на годъ—до осени 1900 г.) табунъ въ 36 лошадей. Лошади эти были не особенно хороши, такъ какъ очень дикія, молодыя, совершенно не привыкшія къ конюшнѣ, и изъ нихъ до января упало около десятка; но несмотря на эту неудачу эти лошади, купленныя въ долгъ, сильно поддержали сѣверянъ и улучшили ихъ хозяйственное благосостояніе. Почти тоже самое случилось съ коровами. 10 коровъ подарили квакеры, а 10—духоборцамъ удалось купить очень дешево на сосѣдней еврейской фермѣ [1]), которая спѣшно рас-

[1]) Недалеко отъ духоборцевъ сѣвернаго участка была устроена небольшая еврейская ферма Эти евреи изъ принципа принялись за сельское хозяйство Они пришли въ Канаду ранѣе духоборцевъ и обзавелись порядочнымъ инвентаремъ. Распахали землю Вездѣ на дорогахъ этой мѣстности, по праву свободной страны, мы встрѣчали столбы съ надписями на еврейскомъ языкѣ, указывавшія куда идетъ дорога. Нѣкоторые евреи знали русскій языкъ и говорили, что когда то живали въ Россіи въ чертѣ еврейской осѣдлости Духоборцы съ ними дружили, но недовольны были способомъ ихъ веденія хозяйства и качествомъ земледѣльческой ра-

продавала свое имущество. Всѣ эти случайныя благопріятныя обстоятельства, выпавшіе на долю сѣверянъ, значительно повысили ихъ живой инвентарь. Тамъ же гдѣ ни кредита, ни случая не было, положеніе осталось такимъ же труднымъ, какъ и у южныхъ ссыльныхъ, что мы видимъ лучше всего на плугахъ. У сѣверныхъ „ссыльныхъ" 1 плугъ приходится на 107,3 человѣка, у южныхъ на 103,2 чел.,—разница небольшая. При чемъ, надо замѣтить, что въ трехъ сѣверныхъ селеніяхъ въ 1899 г. не было *совсѣмъ* плуговъ, что мы не встрѣчаемъ у южныхъ ссыльныхъ.

Сравнивая цифры декабрьской анкеты, съ августовскими, собранными 24 августа 1899 года, мы видимъ, что хозяйственный инвентарь сѣверянъ за эти 4 мѣсяца сильно возросъ, а именно: прибавилось: лошадей на 30 головъ, быковъ—6 [1]); коровъ—20 [2]); и 3 фургона.

Финансовое положеніе духоборцевъ сѣверной колоніи было очень печально. Изъ собранныхъ къ 1 ноябрю 1899 г. свѣдѣній видно, что духоборцы должны были имѣть къ этому дню наличными деньгами 3778 долларовъ, а долговъ за ними числилось 3780 долларовъ т.-е. общая сумма долга почти равна суммѣ доходовъ, при чемъ задолженность нѣкоторыхъ деревень была почти въ трое больше прихода (напр. деревня Освобожденіе имѣла долга 603 доллара при приходѣ на 1-ое ноября

боты Зимой 1899—900 г г еврейская колонія ликвидировала свое хозяйство, спѣшно распродала инвентарь и въ два дня разъѣхалась въ разныя стороны, поселившись въ маленькихъ городахъ, черезъ которые была намѣчена новая желѣзная дорога Часть инвентаря купили духоборцы сѣвернаго участка

[1]) Всѣ подарены квакерами.

[2]) Квакеры подарили 13 коровъ, но три убѣжали въ степь во время перегона отъ г. Іорктона и ихъ такъ и не могли найти, такъ что сѣверянамъ досталось только 10 коровъ

298 долларовъ; селеніе Вѣровка получала къ этому числу 40 долларовъ, а была должна 152 доллара и т. д.) Только деревни Покровка и Спасовка заработали гораздо больше чѣмъ были должны; первая получала 400 долларовъ при долгѣ въ 152 дол., вторая 631 дол.— при долгѣ въ 233 дол. Необходимо сказать, что около половины общаго долга сѣверяне должны были уплатить впродолженіе слѣдующихъ девяти мѣсяцевъ, но и при этомъ условіи, остававшіеся 1800 дол. представляли очень незначительную сумму, сравнительно съ той нуждой первой необходимости, которая выдвинулась сама собой съ приближеніемъ зимы.

XX.

Принцъ-альбертовскіе духоборцы.

Мнѣ самому не пришлось быть въ принцъ-альбертовскихъ духоборческихъ поселеніяхъ, и для характеристики хозяйственнаго положенія этихъ духоборцевъ буду цитировать письма г. А. Н. Коншина,—одного изъ сотрудниковъ по переселенію,—побывавшаго тамъ въ октябрѣ 1899 г. Эти духоборцы составляютъ часть четвертой партіи, которую мнѣ пришлось сопровождать въ Канаду, и ихъ матеріальное благосостояніе до перехода на мѣста своего новаго поселенія мнѣ хорошо извѣстно.

Поселенцы эти составляютъ наиболѣе богатую часть карскихъ духоборцевъ. Они везли съ собой очень много ковровъ, одежды, обуви, всякаго инструмента и пр. Привезли съ Кавказа даже фургоны, которые очень мало пригодны для канадскихъ грунтовыхъ дорогъ. Во время своей стоянки въ баракахъ около желѣзнодорож-

ной станціи East-Selkirk, эти духоборцы размѣняли у прі-ѣхавшаго изъ Виннипега банкира около 70 тысячь рублей и накупили много лошадей, быковъ, фургоновъ и проч.

Къ несчастію съ этимъ богатымъ населеніемъ уѣхало нѣсколько десятковъ очень бѣдныхъ семей, которымъ и пришлось осень и зиму 1899—900 г. терпѣть большую нужду, такъ какъ богатые ихъ „братья" оказались глухи и слѣпы, когда надо было слышать и видѣть.

А. Н. Коншинъ собралъ подробныя свѣдѣнія о хозяйственномъ положеніи духоборцевъ, поселившихся на земляхъ Принцъ Альберта и свелъ ихъ въ таблицу, которую мы здѣсь и приводимъ [1]). (См. табл. на 189 стр.).

Нужно только немного вникнуть въ таблицу, чтобы сразу убѣдиться въ очень хорошей достаточности принцъ-альбертовскихъ духоборцевъ. По количеству душъ это поселеніе почти равно сѣверной колоніи; если же мы сравнимъ абсолютныя цифры той и другой таблицы, мы увидимъ громадную разницу въ хозяйственномъ инвентарѣ. Такъ напримѣръ лошадей у Принцъ-альбертовскихъ духоборцевъ вдвое болѣе, чѣмъ у сѣверянъ, быковъ—почти втрое; коровъ — ровно втрое; фургоновъ—болѣе чѣмъ втрое и плуговъ—втрое болѣе безъ одного.

Среднія цифры даютъ намъ слѣдующія результаты: 1 лошадь приходится на 14,6 человѣкъ, 1 быкъ — на 23,4 чел.; 1 корова—на 20,4 чел.; 1 фургонъ на 30 человѣкъ; 1 плугъ—на 36,1 человѣка.

Если мы вспомнимъ среднія цифры для южной колоніи, то мы увидимъ, что благосостояніе принцъ-альбер-

[1]) Свѣдѣнія о плугахъ и фургонахъ мы получили изъ другихъ рукъ. Цифры эти относятся не къ 1 января 1900 г., а къ 1 ноября 1899 г

№№	Названіе деревень.	Количество душъ.	Лошадей.	Жеребятъ.	Быковъ.	Коровъ.	Фургоновъ.	Плуговъ.
1	Спасовка № 1. . . .	167	15	—	—	2	5	3
2	Спасовка № 2. . . .	138	15	4	10	19	6	4
3	Спасовка № 3. . . .	155	13	1	6	11	6	4
4	Терпѣніе	187	7	4	4	—	4	2
5	Горѣлое.	182	12		25	26	7	8
6	Успеніе.	180	9	3	6	10	5	6
7	Петровка	151	10	—	6	4	5	4
8	Кирилловка № 1 . .	112	5	1	—	—	2	2
9	Кирилловка № 2 . .	92	1	—	2		2	2
10	Кирилловка № 3 . .	105	11	—	1	—	7	3
	Итого . .	1472	101	13	63	72	49	38

товскихъ почти вдвое больше благосостоянія карскихъ и елизаветпольскихъ, и почти вчетверо — „ссыльныхъ“ южнаго участка.

Среднія цифры, сведенные по всѣмъ тремъ участкамъ въ одну таблицу, ясно говорятъ сами за себя. (См. табл. на 190 стр.).

Такимъ образомъ ясно, что духоборцы карскіе, прибывшіе въ Канаду съ четвертымъ пароходомъ, были самые обезпеченные матеріально, и наиболѣе сильные въ хозяйственномъ отношеніи и ихъ благосостояніе особенно быстро стало рости въ Канадѣ.

Что именно?	Духоборцы южнаго участка — ссыльные кипрскіе.	Духоборцы сѣвернаго участка — ссыльные.	Духоборцы южнаго участка — карскіе и елисаветпольскіе.	Духоборцы въ землѣ принца Альберта карскіе.
1 лошадь . . .	на 67.7 чел.	на 27,9 чел.	на 22.6 чел.	на 11.6 чел.
1 быкъ	„ 58.4 „	„ 51.7 „	„ 66.1 „	„ 23.4 „
1 корова . . .	„ 73.6 „	„ 58.1 „	„ 47.8 „	„ 20.4 „
1 фургонъ . .	„ 105.8 „	„ 87,2 „	„ 60.4 „	„ 30 „
1 плугъ. . . .	„ 130.2 „	„ 107.3 „	„ 61.7 „	„ 36.1 „

Въ первый годъ у принцъ-альбертовскихъ духоборцевъ было вспахано всего 123½ десятины. „Мѣста занятыя духоборцами въ территоріи Саскачевань,—писалъ мнѣ А. Н. Коншинъ—представляютъ еще болѣе степной характеръ, чѣмъ южныя колоніи въ Ассинибоиѣ. Здѣсь мѣстами попадаются только группы кустарниковъ, между которыми можно найти слеги, но нѣтъ бревенъ, годныхъ для постройки за исключеніемъ берега рѣки Саскачевани, гдѣ мѣстами попадается болѣе толстая осина. А на островѣ, находящемся противъ одной изъ деревень, растутъ прекрасныя ели. Что касается почвы, то она по виду краснѣе, чѣмъ въ Ассинибоѣ, но мѣстные жители говорятъ, что именно красная почва и есть самая плодородная. Климатъ не отличается отъ климата Ассинибоя, хотя эта мѣстность сѣвернѣе на градусъ, но въ Канадѣ климатъ дѣлается мягче по мѣрѣ удаленія на западъ. Духоборцы думаютъ, что здѣсь теплѣе; но этого тоже сказать нельзя. Настоящій годъ какъ будто доказалъ обратное: пшеница у здѣшнихъ фермеровъ была тронута морозомъ, а въ Ассинибоѣ нѣтъ. Но эта порча

морозомъ не такъ страшна, какъ кажется съ перваго взгляда. Почти никогда морозъ не портитъ пшеницу настолько, чтобы изъ нея нельзя было получить муку, но только мука получается темная, и потому она не имѣетъ цѣны на рынкѣ." Для духоборцевъ это, на первыхъ порахъ, большого значенія не имѣло, такъ какъ они вообще не собирались работать на рынокъ.

XXI.

Виды духоборческихъ хозяйствъ.

Если вы спросите даже у самаго рядового духоборца, какъ нужно жить,—частными ли хозяйствами или общиной, то всегда получите одинъ и тотъ же отвѣтъ: „надо жить сообща". Это желаніе „жить сообща", „по христіански", вытекая изъ религіозно-общественныхъ воззрѣній духоборцевъ, является какъ бы идеаломъ для каждаго изъ нихъ. Вотъ почему тѣ изъ духоборцевъ, которые живутъ общинами и ведутъ общинное хозяйство, пользуются особымъ уваженіемъ положительно всѣхъ своихъ братьевъ

Различныя обстоятельства жизни и, главное, ходъ всего хозяйственнаго развитія какъ Россіи, такъ и Канады,—отдаляютъ отъ многихъ духоборцевъ идеалъ ихъ общественнаго устройства и нерѣдко, разрушая общину, заставляютъ ея членовъ жить частными хозяйствами. Такъ было въ Крыму на Кавказѣ, то же случилось и въ Канадѣ.

Духоборческія хозяйства въ Канадѣ сложились въ слѣдующія три формы: 1) частное хозяйство, 2) временно-общинное и 3) общинное.

Разсмотримъ каждую изъ этихъ формъ отдѣльно.

1.

Частное хозяйство.

Частными хозяйствами поселились, по преимуществу, елизаветпольскіе и карскіе духоборцы, какъ на южномъ участкѣ іорктонскихъ поселеній, такъ въ особенности на землѣ Принцъ-Альберта. Стремленіе къ этому способу веденія хозяйства наблюдалось также и у „ссыльныхъ“ духоборцевъ сѣверной и южной колоніи [1]).

Въ Канадѣ духоборцы построились деревнями. Фермами, съ самаго момента поселенія, осѣло только *десять* семей на участкахъ, расположенныхъ въ землѣ Принцъ-Альберта.

Частными хозяйствами, въ большинствѣ случаевъ, поселились наиболѣе состоятельные духоборцы. Но и они все-таки сохранили еще нѣкоторые общинные остатки. Такъ напримѣръ почти во всѣхъ деревняхъ съ частными хозяйствами существуетъ общая запашка. На Кавказѣ духоборцы привыкли къ запашкѣ въ одной межѣ на всю деревню или на часть ея. Это происходило отъ того, какъ объясняли они мнѣ, что обработка полей на Мокрыхъ горахъ и въ другихъ мѣстахъ поселенія духоборцевъ была слишкомъ трудна. Приходилось годами очищать поля отъ камней и пр. Кромѣ того, почва тамъ была чрезвычайно тяжелая,—въ плугъ запрягали до девяти паръ воловъ. Эти тяжелыя условія обработки земли объединили духоборцевъ, и они на Кавказѣ, почти съ

[1]) Всѣ опубликовываемыя ниже наблюденія касаются жизни духоборцевъ въ Канадѣ 1899, 1900 и 1901 г г. Оригинальное движеніе среди канадскихъ духоборцевъ, зародившееся еще въ 1900 г. и сильно распространившееся въ 1902 и слѣдующихъ годахъ — такъ называемое „свободничество“, — будетъ разсмотрѣно нами въ слѣдующемъ очеркѣ.

первыхъ же дней своего поселенія, ввели у себя общую запашку надѣльныхъ земель, раздѣляя получаемый продуктъ подушно. Кромѣ этихъ естественныхъ условій края, объединявшихъ духоборцевъ на борьбу съ природой, несомнѣнно и то, что въ этомъ стремленіи къ общинному началу играли не малую роль и тѣ традиціи „общей жизни", которыя духоборцы принесли съ собой на Кавказъ съ крымскихъ Молочныхъ водъ.

Тамъ у духоборцевъ, несмотря на то, что общинная жизнь въ широкомъ смыслѣ слова, не развилась, всегда существовала общественная запашка. При второмъ своемъ переселеніи съ Кавказа въ Канаду, большинство духоборцевъ, даже многіе изъ тѣхъ, которые рѣшили жить частными хозяйствами, сохранили эту привычку и, осѣвъ на новыя мѣста, они почти вездѣ запахали землю въ одной межѣ на селеніе. Не желая, однако, преувеличивать вліянія традиціи, мы должны принять во вниманіе и то обстоятельство, что въ Канадѣ духоборцевъ встрѣтили довольно суровыя условія жизни и что долгое время, несмотря на очень хорошіе заработки и весьма удачные урожаи, духоборцамъ все-таки пришлось вести упорную борьбу съ природой и прилагать сообща много усилій, чтобы окончательно хозяйственно окрѣпнуть и твердо стать на самостоятельныя ноги въ этой новой американской странѣ. Всѣ эти обстоятельства не могли не повліять на объединеніе духоборцевъ въ трудѣ.

Но на ряду съ общинною запашкой, въ Канадѣ у духоборцевъ имѣется и частновладѣльческая. Такъ, въ первый же годъ поселенія нѣкоторая часть духоборцевъ въ Канадѣ уже запахала землю не въ одной межѣ, а каждый хозяинъ на своемъ участкѣ. Такъ было въ слѣдующихъ деревняхъ: въ Петровкѣ (на Принцъ-Аль

бертѣ), въ Благосклоновкѣ, Новоспасовкѣ, Позираевкѣ и Возвышеніи—на озерѣ Добраго Духа (Южный участокъ). Кромѣ того, какъ уже было указано выше, на землѣ Принцъ-Альберта осенью 1899 г. десять семей заняли фермерскіе участки и повели совершенно обособленное хозяйство.

По даннымъ второгодичной анкеты, положеніе частновладѣльческаго хозяйства сильно измѣнилось въ сторону увеличенія [1]).

Прежде всего бросается въ глаза дробленіе деревень и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличеніе количества совершенно оформившихся и обособленныхъ частныхъ хозяйствъ. Такъ, если сравнить второгодичный списокъ селеній сѣвернаго и южнаго участка съ первогоднимъ, то оказывается, что нѣкоторыя селенія раздѣлились на двѣ и на три части. Это произошло, напримѣръ, съ тремя селеніями—(Новотроицкое, Любомировка и Страдаевка)—сѣвернаго участка, т.-е. почти съ одною четвертью всѣхъ его селеній, при чемъ два первыя селенія раздѣлились на двѣ части, а третья, Страдаевка, даже на три части Послѣ полученія свѣдѣній по этой анкетѣ, намъ не разъ сообщали еще о новыхъ раздѣленіяхъ селъ.

Совершенно обособленныхъ хозяйствъ на сѣверномъ участкѣ было въ первый годъ жизни духоборцевъ въ Канадѣ всего два, а во второй уже образовалось *тринадцать*, т.-е. число частныхъ хозяйствъ почти усемерилось въ одинъ годъ.

Тѣ же самыя явленія отмѣчены анкетой и на южномъ участкѣ Іорктонскаго района. Здѣсь нѣкоторыя деревни

[1]) Подробнѣй объ этомъ нами будутъ даны свѣдѣнія въ очеркѣ, посвященномъ „второму году жизни духоборцевъ въ Канадѣ“.

раздѣлились на пять, на три и на двѣ части, но кромѣ этого явленія стремленіе къ совершенно обособленнымъ частнымъ хозяйствамъ охватило на южномъ участкѣ цѣлые районы. Такъ, намъ достовѣрно извѣстно, что уже во второй годъ жизни духоборцевъ въ Канадѣ на озерѣ Добраго Духа, духоборцы всѣхъ селеній [1]) этого района перешли къ формѣ частнаго хозяйства, при чемъ четыре изъ нихъ выдѣлились совершенно въ отдѣльныя фермы и не хотятъ даже причислять себя къ той или другой деревнѣ.

Въ духоборческихъ поселеніяхъ на землѣ Принцъ-Альберта мы не наблюдаемъ того дробленія селеній, которое было присуще въ 1900 г. сѣверному и южному участку Іорктонскаго района. Это происходитъ отъ того, что къ концу 1900 г. всѣ духоборческія селенія въ землѣ Принцъ-Альберта вели уже частное, подворное хозяйство. Тамъ совершенно не было общины. Была одна—Терпѣніе,—которая казалась наиболѣе крѣпкой, но и она распалась. У принцъ-альбертовскихъ духоборцевъ вопросъ съ общиной уже совсѣмъ поконченъ, и тамъ наблюдается другое явленіе: выселеніе отдѣльныхъ хозяйствъ изъ деревень и переходъ ихъ на отдѣльные участки, т.-е. переходъ ихъ на чисто фермерское, вполнѣ обособленное хозяйство. Но это выселеніе на фермы не могло принять значительные размѣры, такъ какъ жить *селомъ*—это одна изъ самыхъ коренныхъ привычекъ духоборцевъ, съ которою они едва-ли разстанутся только потому, что жить въ центрѣ своего владѣнія нѣсколько удобнѣе въ хозяйственномъ отношеніи, чѣмъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ своей земли.

Это дробленіе селъ и этотъ переходъ къ частному

[1]) На озерѣ Добраго Духа въ 1900 г всѣхъ селеній считалось одиннадцать.

подворному или фермерскому хозяйству, на нашъ взглядъ, не случайное явленіе. Оно коренится въ глубинахъ самой общественной жизни духоборческой общины. Кромѣ того, весь укладъ канадской жизни, всѣ нравы и обычаи страны идутъ въ разрѣзъ съ наклонностями духоборцевъ. Я думаю, что, несмотря на всѣ старанія нѣкоторыхъ изъ вліятельныхъ духоборцевъ, этотъ процессъ обособленія хозяйствъ будетъ продолжаться, и предполагаю, что недалеко то будущее, когда большая часть духоборцевъ, ведущихъ полевое хозяйство, перейдетъ на подворно-деревенское хозяйство, хотя этотъ процессъ произойдетъ не безъ борьбы Кромѣ того, необходимо отмѣтить, что нѣкоторыя *особенности* духоборческаго хозяйства навѣрное еще сохранятся надолго даже и при частновладѣльческомъ способѣ производства. Такъ, напримѣръ, покупка сообща, цѣлой группой селеній,— скота; закупка цѣлымъ участкомъ всевозможныхъ товаровъ и провіантовъ; пріобрѣтеніе на цѣлое селеніе въ временное общее пользованіе, пока не обзаведутся каждый для себя, различныхъ земледѣльческихъ машинъ (рѣзалокъ, косилокъ, конныхъ грабель, сѣялокъ, молотилокъ и пр.); устройство мельницъ, кузницъ на нѣсколько селеній соединенными средствами этихъ селеній и т. п. — будетъ продолжаться еще долго, пока духоборческія хозяйства не разовьются настолько, что вполнѣ самостоятельно будутъ въ состояніи нести всю тяготу единоличнаго хозяйства.

Точно также духоборцы легко объединяются для постройки мостовъ, проложенія дорогъ, рубки лѣса, осушенія болота и пр. и пр. Вообще я полагаю, что духоборцы, по крайней мѣрѣ, большая часть изъ нихъ, еще надолго сохранятъ старинную, вкоренившуюся въ ихъ плоть и кровь, привычку тѣхъ или другихъ *общихъ дѣлъ*, и врядъ-ли окажутся способными на вполнѣ коллектив-

ный или коммунистическій способъ производства и распредѣленія продукта.

Въ нѣкоторыхъ духоборческихъ поселеніяхъ, и именно тамъ, гдѣ основались частныя хозяйства, съ перваго же года жизни въ Канадѣ была замѣтна зависимость бѣдняковъ отъ богатыхъ самостоятельныхъ хозяевъ-духоборцевъ. Такъ, кое-кто изъ принцъ-альбертовскихъ богачей наняли себѣ въ рабочіе своихъ же „братьевъ"— безлошадныхъ, вполнѣ неимущихъ, имѣющихъ только голые надѣлы, которые нечѣмъ было обрабатывать. И эти богатѣи ставили довольно тяжелыя условія тѣмъ изъ бѣдняковъ, которымъ предоставляли во временное пользованіе для обработки полей своихъ лошадей и полевыя орудія.

Физіономію карскихъ богатѣевъ хорошо нарисовала мнѣ одна пожилая духоборка, которая, желая выхвалить самымъ лучшимъ образомъ своихъ братьевъ-односельчанъ, такъ характеризовала ихъ:

„Наши братья, не то, что всѣ прочіе, — говорила она,—вонъ посмотрите на холодненскихъ,—даромъ, что они на стражду ходили,—а въ праздникъ какъ они рядятся? Все свѣтлое, чистое, новое; бабы — франтихи; дѣвки — одно заглядѣнье. А наши? Нѣтъ, наши не такіе! Ни тебѣ поѣсть какъ слѣдуетъ, ни тебѣ одѣться понаряднѣе,—этого и въ заведеніи нѣтъ.

Носимъ мы старенькое, ѣдимъ сѣренькое — только какъ-либо день перемотать, а все стараемся, какъ бы это по домашности прибывало, да въ сундукахъ лежало.

На старинѣ зерна у насъ запаснаго, — продолжала она свой разсказъ—для себя на пять лѣтъ было складено, — неурожай намъ былъ не страшенъ, — худобы (скота) водили сколько... и все продавали. Хорошо жили, что и говорить... скромно, тихо, честно..."

Вообще надо сказать, что на ряду съ чувствомъ широкой филантропіи, которая свойственна духоборцамъ „ради души спасенія", на ряду съ замѣчательно стойкимъ мужествомъ и жертвой всего своего, когда это „свое нажитіе" отнимается, бросается, раздается или уничтожается ради защиты ихъ, *духоборческои*, религіозно-общественной идеи, на ряду со всѣмъ этимъ, *въ обыденной жизни* у многихъ, особенно у тѣхъ, которые стремятся перейти на частный способъ веденія хозяйства—уживается страстное поклоненіе собственности, и не только поклоненіе, но и стремленіе ко все большему пріобрѣтенію и накопленію богатства.

Къ 1 января 1900 г. *всѣхъ* духоборцевъ, ведущихъ въ Канадѣ частное хозяйство, насчитывалось 2215 душъ,— т.-е. около $^{2}/_{7}$ всѣхъ духоборцевъ, переселившихся въ Канаду, включая сюда женщинъ, дѣтей и стариковъ.

2.

Временная община.

Большинство изъ членовъ такъ называемыхъ „временныхъ общинъ", пріѣхавъ въ Канаду, были твердо увѣрены, что они навсегда соединяются на „общую" жизнь. Всѣмъ хотѣлось выполнить тотъ нравственный законъ, который духоборцы считаютъ справедливымъ и обязательнымъ для нихъ, законъ, предписывающій братскую, общую жизнь.

Различныя обстоятельства жизни,—между прочимъ, пониженіе религіознаго подъема духа, а также и многое другое, властно придавливали наименѣе духовно сильныхъ изъ духоборцевъ, подчиняя ихъ общему уровню существующихъ частновладѣльческихъ отношеній, разстраивали всѣ ихъ начинанія и, наконецъ, убѣдили ихъ самихъ, что большинство изъ образовавшихся общинъ—

временны, обречены на скорую погибель, что ихъ братья не въ силахъ выдержать высокихъ требованій христіанской жизни. Конечно, были и такія общины, члены которыхъ сознали свое безсиліе для высшей формы жизни еще ранѣе прибытія въ Канаду. Въ Канадѣ они повели общественное хозяйство только потому, что въ первое время по переселеніи жить въ одиночку, надѣясь только на свои силы, имъ было совершенно невозможно. Средствъ нѣтъ, нѣтъ орудій производства, нѣтъ избъ и необходимыхъ надворныхъ построекъ; нужно пахать, косить, возить сѣно, лѣсъ, муку изъ города для пропитанія,—а въ селеніи на 100—150—180 душъ всего на всего одна пара лошадей и столько-же быковъ. Само собой разумѣется, эти трудныя обстоятельства заставили бѣдняковъ обьединиться и производить различныя работы сообща.

Эти общины, соединившіяся временно по нуждѣ, сначала жили все-таки очень дружно, но по мѣрѣ пріобрѣтенія отдѣльными хозяйствами денегъ и частной собственности вообще, — породили въ себѣ такой непріятный духъ разъединенія, что всякому стороннему наблюдателю было ясно, что, разойдясь, эти люди сильно облегчатъ и скрасятъ свое существованіе.

Кромѣ этихъ причинъ, была еще одна, которая удерживала многихъ долгое время въ общинѣ. Дѣло въ томъ, что большинство жертвователей (квакеры и др.) помогали только тѣмъ, кто жилъ общиной: узнавъ это, многіе изъ духоборцевъ, считая для себя выгоднымъ получать „жертву", остались — до поры, до времени— жить въ общинѣ.

Большинство изъ представителей временныхъ общинъ,—особенно на южномъ участкѣ, — являлись тормазящимъ началомъ на всѣхъ общественныхъ съѣздкахъ, такъ какъ они почти никогда не являлись выра-

зителями общаго мнѣнія. Представители такихъ деревень часто тянули руку какой-либо партіи, образовавшейся внутри общины. Ихъ голосованіемъ часть односельчанъ иногда оставалась недовольна, почему рѣшенія общей „съѣздки“ выполнялись нерадиво.

Лѣтомъ 1899 года многіе изъ „временныхъ общинъ“ жили еще совершенно общинно и даже отъ нихъ выходила инициатива на попытки устройства жизни въ Канадѣ вполнѣ „по христіански“. Такъ, среди „кипрскихъ“ духоборцевъ, жившихъ на южномъ участкѣ іорктонскаго района, общины которыхъ къ веснѣ 1900 г. пришли въ большой упадокъ, [1]) зимой 1899 г. не только зародилась, но и была предложена на обсужденіе всѣхъ духоборцевъ очень интересная попытка общественной организации. Ихъ представитель, Василій Потаповъ, живущій въ селеніи Родіоновка, на одной изъ общихъ съѣздокъ южнаго участка, бывшей въ іюнѣ 1899 года, предложилъ всѣмъ своимъ братьямъ — жить сообща, имѣя общую духоборческую кассу, общіе амбары, склады и пр. Съѣздка присоединилась къ этому предложенію кипрскихъ духоборцевъ и препроводила свое рѣшеніе на сѣ-

[1]) С. П. Прокопенко, живущіи и сейчасъ среди духоборцевъ въ Канадѣ, въ письмѣ ко мнѣ отъ 1 мая 1900 г писалъ. „Общины почти всѣ разстроились, и вотъ теперь весною каждый хозяинъ (кто можетъ) началъ покупать себѣ коровъ. Въ нашемъ селеніи (Каменка, южнаго участка) куплено 13 коровъ, „а всѣхъ 21 дворъ“. Замѣтимъ, что къ 1 января 1900 г въ Каменкѣ были только двѣ коровы. Это распаденіе общинъ „кипрскихъ“ духоборцевъ, однако, не помѣшало имъ въ 1902 г. частью присоединиться къ извѣстному аскетическому движенію, которое окончилось отпускомъ скота на свободу и пилигримствомъ. Въ слѣдующемъ очеркѣ мы разсмотримъ причины этого движенія, которое, какъ читатель самъ въ этомъ убѣдится, по существу своему не могло имѣть ничего общаго съ организаціей сельско-хозяйственнаго производства на общественныхъ началахъ.

верный участокъ Іорктонскихъ поселеній, приглашая и сѣверянъ присоединиться къ намѣчаемой организаціи.

Сѣверяне на съѣздкѣ своего участка 9 іюня 1899 г. постановили:

1) Всѣ 13 селъ Громовой горы будутъ жить общественною жизнью и имѣть одну общую для всѣхъ 13 селъ кассу, но независимо отъ южной колоніи, главнымъ образомъ, въ виду большого разстоянія, при которомъ трудно сообщаться и собирать съѣздки для рѣшенія общественныхъ вопросовъ. Но, съ другой стороны, *они* обѣщаютъ и просятъ, при первой нуждѣ на южномъ участкѣ, обращаться за помощью къ нимъ, которая всегда будетъ подана, если только будетъ что дать.

2) Мука въ Іорктонѣ (620 мѣшковъ) будетъ тратиться на себя и *на всѣхъ нуждающихся въ южной колоніи безъ отдачи*. Нуждающіеся должны обращаться къ совѣту старичковъ, который собирается по понедѣльникамъ въ селеніи Михайловка.

3) Деньги отъ всѣхъ слѣдующихъ заработковъ пойдутъ въ руки кассира, выбраннаго обществомъ и тратиться будутъ только съ общаго согласія [1]).

Но этому благому началу, дружно встрѣченному, не суждено было осуществиться. На южномъ участкѣ совсѣмъ не вышло *общей* организаціи; только кипрскіе имѣли на всю свою тысячу душъ общіе огороды и на

[1]) Изъ протокола съѣздки сѣвернаго участка, состоявшейся 9 іюня 1899 г въ селѣ Михайловкѣ. Протоколы обыкновенно велъ Л. А. Суллержицкій, въ которые вписывались предложенія и рѣшенія съѣздки. Протоколы эти, послѣ окончанія съѣздки, прочитывалась духоборцамъ, исправлялись или принимались ими. Протоколы не имѣли, конечно, оффиціальнаго значенія, а замѣняли какъ бы памятную записку съѣздки

деньги, сложенныя въ одну кассу покупали все необходимое.

Сѣверяне какъ рѣшили, такъ и сдѣлали: вышли сообща на желѣзнодорожную работы и все заработанное ими поступало въ общую кассу; такъ продолжалось слишкомъ два мѣсяца. Но вскорѣ стало для всѣхъ очевидно, что такая организацiя еще не подъ силу всѣмъ четырнадцати сотнямъ „христiанъ" сѣвернаго участка. Многiе не являлись на работу, другiе работали лѣниво, третьи набирали подъ работу въ складѣ для сѐбя лично, безъ разрѣшенiя комитета, различные продукты, обувь, одежду и пр.

Все это раздражало другихъ, аккуратно относившихся къ своимъ обязанностямъ и, наконецъ, послѣ всякихъ разговоровъ и обсужденiй, рѣшено было прекратить такую гуртовую работу, уничтожить общую участковую кассу и продолжать работать по деревнямъ.

Лишь только это рѣшенiе вступило въ силу, какъ на работу вышло вмѣсто еле державшихся 150 человѣкъ— 300, а дневная выработка поднялась съ 56 центовъ [1]) до 80—90 и даже до одного доллара. Правда, къ этому времени рабочiе, дѣлавшiе насыпь подъ полотно желѣзной дороги, перешли изъ болотъ на болѣе сухое мѣсто, такъ что нельзя все повышенiе выработки относить на счетъ реорганизацiи общественной кассы, но, во всякомъ случаѣ, довольно большой процентъ изъ этого повышенiя приходится на долю этой реорганизацiи, что охотно признали и сами духоборцы.

Соревнованiе въ работѣ между деревнями усиливало интенсивность труда рабочихъ. Достаточно было пронестись слуху, что любомировскiе, напримѣръ, ребята догнали сегодня выработку до 85 центовъ, какъ на дру-

[1]) Центъ въ то время равнялся 2 копейкамъ

той же день всѣ отставшіе старались изо всѣхъ силъ перещеголять любомировцевъ, а любомировцы, въ свою очередь, не желая уступить, гнали работу, что есть силы. Такимъ образомъ, въ какія-нибудь двѣ недѣли взаимное состязаніе деревень подняло напряженіе труда до высшихъ предѣловъ, дневная выработка, дойдя до возможнаго максимума, остановилась и всѣ стремились поддержать ее на этой высотѣ. Результатомъ такого новаго положенія вещей было то, что духоборцы за послѣдніе 1½ мѣсяца этой осенней работы выработали почти вчетверо больше, чѣмъ при общей участковой организаціи, за тотъ же періодъ времени.

Такъ попытка Василія Потапова и не увидѣла свѣта.

Отличіе хозяйствъ частныхъ отъ временно-общинныхъ весьма малое.

Частныя хозяйства, въ большинствѣ случаевъ, богаче, самостоятельнѣй: въ нихъ отношенія сельчанъ болѣе опредѣленны. Тамъ вамъ такъ и говорятъ, если вы спросите объ устройствѣ ихъ жизни. — „живемъ по себѣ“.

— А какъ хлѣбъ закупаете?—приходилось мнѣ спрашивать въ такихъ селахъ.

— По очереди ѣздимъ въ городъ и закупаемъ для каждаго хозяина, кто что пожелаетъ. Вотъ разживемся, скотины будетъ побольше,—всякъ самъ про себя будетъ знать...

— А пахали какъ?

— Пахали всякъ для себя,—отвѣтятъ вамъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ селеній. Въ другихъ же селеніяхъ этого типа вамъ скажутъ:

— Пахали на всѣхъ... А урожай дѣлить будемъ по душамъ...

— А какъ работаете, касса общая или нѣтъ?

— Нѣтъ, всякъ про себя...—просто отвѣтятъ вамъ.

Здѣсь вы видите сельскихъ хозяевъ, мелкихъ собственниковъ, но по крайней мѣрѣ вполнѣ опредѣленно смотрящихъ на вещи и прямо высказывающихъ свои сужденія, касающіяся ихъ экономической стороны жизни.

Во многихъ временныхъ общинахъ вы услышите совершенно другое.

— Какъ живете?

— Общиной живемъ, сообща...

— Все имѣете общее или нѣтъ?

— Да какъ же и быть-то, какъ законъ велитъ,— обыкновенно получался уклончивый отвѣтъ

— Лошади, быки у васъ общіе?

— Да какимъ же имъ и быть-то, когда всего-то ихъ у насъ по парѣ, а семейка-то наша — сто пятьдесятъ душъ...

— На работу отъ общины посылаете?..

— А какъ же, отъ общины...

— Деньги отъ рабочихъ въ одну кассу идутъ или нѣтъ?..

— Да, конечно, какъ мы есть христіане...

— Какъ же сообща,—прорывается кто-нибудь,—смотрикось, съ работъ пришли, бабамъ чего понакупили, сами подъ соблазнъ разодѣлись [1]); вона Петръ на двадцать рублей (долларовъ) одёжи принесъ, а Ваня своихъ бабъ какъ убралъ.

И пошло, и пошло...

Прорвало одного; на него напали, вступились бабы

[1]) „Разодѣться подъ соблазнъ" это значитъ хорошо, красиво одѣться, такъ „чтобы, какъ идешь по селу, всѣ дѣвушки на тебя смотрѣли"—пояснилъ мнѣ одинъ изъ парней этотъ оригинальный духоборческій терминъ.

и картина внутренней смуты все шире и шире развертывается передъ вами.

Многіе духоборцы изъ такихъ общинъ сами прекрасно видѣли и понимали весь „неладъ" ихъ жизни.

Такъ уже упоминавшійся нами духоборецъ, Василій Потаповъ, писалъ въ ноябрѣ 1899 г. своимъ друзьямъ въ Англію слѣдующее:

„Духоборцы, пріѣхавшіе въ Канаду, сильно вступили въ работу, но отъ недостатка большого, гдѣ былъ порядокъ въ работѣ, а гдѣ и не было. Былъ порядокъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ шелъ весь заработокъ на покупку муки и рабочаго скота; а не было тамъ, гдѣ частью на муку, а частью на себя самаго. Каждый изъ насъ чувствуетъ въ себѣ эту ошибку, но никакъ не наладишь самъ себя на настоящій порядокъ."

И мы знаемъ, что многіе духоборцы искренне скорбѣли о всѣхъ этихъ неладахъ. Но, въ сущности, такому „неладу" не приходится удивляться: новыя условія жизни, совершенно невѣдомыя раньше духоборцамъ политическія отношенія, гражданскія права и обязанности и пр.,— все это должно было выбить изъ колеи нашихъ закавказскихъ соотечественниковъ и не могло не отразиться на внутреннемъ устройствѣ ихъ общежитія и взаимныхъ отношеніяхъ. Если чему и приходится удивляться, такъ это тому спокойствію и выдержанности, которыя на каждомъ шагу проявляли духоборцы въ Канадѣ въ первые годы своего поселенія.

Временно общинники закупали хлѣбъ сообща и дѣлили его или по душамъ,—это чаще,—или, въ нѣкоторыхъ деревняхъ, по количеству работниковъ.

На работы они выставляютъ людей отъ каждой семьи.

Въ нѣкоторыхъ такихъ общинахъ были установлены временныя общественныя должности, напримѣръ, кучеръ, представитель на съѣздкахъ и пр.

Но естъ и такія, въ которыхъ за лошадьми и быками смотрятъ по очереди отъ каждаго двора и по очереди ѣздятъ на нихъ въ городъ за мукой и пр. Въ такихъ общинахъ скотина находилась въ самомъ жалкомъ состояніи и бывали случаи, когда она вся пропадала, не имѣя правильнаго за собой ухода.

— Почему же это такъ? Вѣдь у нихъ такъ мало скотины и она такъ нужна для всѣхъ, неужели каждый не можетъ со вниманіемъ отнестись къ ней?—какъ-то разспрашивалъ я одного духоборческаго старичка, послѣ крупнаго несчастья, случившагося на сѣверномъ участкѣ, когда въ селѣ Освобожденіи пали быки и лошадь, а оставшіяся въ живыхъ не годились для ѣзды и муку пришлось бы за тридцать верстъ везти на себѣ, если бы не помогли сосѣднія деревни.

— А вотъ у насъ какой сказъ есть, - отвѣтилъ мнѣ старикъ. — У семи братьевъ была кобыла, а хозяина надъ ней не было. Поставили братья кобылу на конюшнѣ; ну, думаютъ, будемъ мы за ней доглядать сообща. Стоить себѣ кобыла на конюшнѣ; ходятъ за ней братья исправно... Прошла недѣля, пошла другая, смотришь Ивану некогда; ну, думаетъ, не бѣда, — Петра напоитъ, накормитъ, а Петра объ Иванѣ съ тѣмъ же помышляетъ; да такъ день за днемъ, кобыла-то семь дёнъ не поена, не кормлена, и смотришь, на конюшнѣ-то стоитъ ужъ не кобыла, а такъ,—одинъ хвостъ. Спохватились братья,—ахъ кобылка плоха! На ногахъ не стоитъ, любошная!.. Отъ вѣтра валится... Ну и давай кормить ее да поить!.. Всѣ на конюшню навѣдываются... Кобылу-то семь разъ на день поили, семь разъ кормили... Объѣлась, опилась съ голодухи кобылка, да на другой день и сдохла... Ну, такъ вотъ и у нихъ: хозяина надъ скотиной нѣтъ, одинъ поѣхалъ сегодня—не доглядѣлъ какъ слѣдуетъ, лишь бы дѣло обчественное справить. Другой

завтра ѣдетъ—какъ-бы только дѣло-то это съ рукъ свалить, ну вотъ, и остались безъ скотины! — какъ-то укоризненно-сердито проговорилъ старикъ и долго еще развивалъ онъ мнѣ идею о томъ, что „у семи нянекъ всегда дитя безъ глаза“.

Въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ временно-общинниковъ строили избы общими силами всей деревни, а потомъ поконались: кому какая изба досталась, въ той тому и жить. Въ другихъ — каждая семья строила сама себѣ избу отдѣльно и, конечно, вышло такъ, что маломочныя семьи, въ которыхъ мало рабочихъ, а много дѣтей, больныхъ и стариковъ, обстроились хуже, тѣснѣй и холоднѣй.

По первое января 1900 г. въ Канадѣ временными общинами жили тридцать деревень, имѣвшихъ населеніе въ 3574 человѣка, т. е. почти ровно половина всѣхъ духоборцевъ, прибывшихъ въ Канаду.

3.

Община.

Общинный способъ веденія хозяйства и проведеніе общинныхъ принциповъ въ частную жизнь встрѣчался сравнительно у малого числа духоборцевъ.

Къ первому января 1900 г. общиною жили въ Канадѣ 1605 духоборцевъ, т. е. немногимъ больше, чѣмъ 1/4 всѣхъ переселенцевъ.

Всѣ эти общины можно было подраздѣлить на два типа: одинъ—общины, придерживающіяся коллективнаго способа производства; другой — общины, которыя внутреннее устройство своей жизни построили на принципахъ полнаго коммунизма. У первыхъ существуетъ общность производства, общность орудій труда и инвен-

таря, но продуктъ дѣлится подушно, и разъ продуктъ раздѣленъ, онъ является частною собственностью.

У вторыхъ уже весь продуктъ, какъ производимый своимъ трудомъ, такъ и купленный на деньги, находится въ общественныхъ кладовыхъ и выдается всѣмъ по потребности. Обработка полей, постройка хатъ и вообще все хозяйство производится сообща. Въ такихъ общинахъ замѣтно стремленіе даже къ общей трапезѣ и пр.

а) *Община Терпѣніе на землѣ Принцъ-Альберта* [1]).

Строиться терпѣнцы стали отдѣльными домами; скотъ покупался на общественныя деньги и отдавался по жребію тому или другому домохозяину; получившій скотъ исключался изъ слѣдующихъ жеребьевокъ. Приплодъ считался общественнымъ достояніемъ и также распредѣлялся по жребію. Когда всѣ домохозяева будутъ имѣть по парѣ лошадей, по одной коровѣ, по нѣсколько штукъ овецъ, тогда, если общество найдетъ нужнымъ, опять можетъ быть покупаема на общественныя деньги та или другая скотина, которой домохозяева надѣляются по тому же способу. Скотъ всегда долженъ считаться общественною, а не частною собственностью, хотя каждая отдѣльная штука скота находилась въ единоличномъ завѣдываніи и пользованіи того или другого домохозяина.

Скотъ не долженъ находиться въ общественной конюшнѣ, потому что, какъ говорятъ духоборцы, „скотинѣ нуженъ хозяинъ и она любитъ уходъ, а если по ставить ее на общественномъ дворѣ, то никто смотрѣть, какъ слѣдуетъ, не будетъ, и скотъ пропадетъ". Если же,

---

[1]) Хотя эта община въ своемъ цѣломъ въ настоящее время не существуетъ,—она распалась на группы,—но такъ какъ ея устройство было весьма оригинально, то мы думаемъ, что за ея описаніе на насъ читатель не посѣтуетъ.

положимъ, лошади понадобятся обществу для тѣхъ или другихъ нуждъ (подвозъ хлѣба, лѣса и т. п.), то никто не имѣетъ права отказать обществу въ пользованіи лошадьми, при чемъ, конечно, должна соблюдаться извѣстная очередь. Если лошадь или другая „худоба" умерла, пропала, „схарчилась", — какъ говорятъ духоборцы,—на ея мѣсто покупается другая на общественныя средства. Если корова безъ молока, то этому хозяину молоко выдается отъ общества и т. д.

При надѣленіи скотиной принимается во вниманіе каждый „домъ", т. е. мужъ и жена съ холостыми дѣтьми.

Каждый „домъ" имѣетъ свою отдѣльную хату со всѣми надворными постройками; соединяться въ одну семью нѣсколько домовъ могутъ только по *общему* согласію соединяющихся.

Вся земля, кромѣ усадебной, не дѣлится, а остается въ одной межѣ и обрабатывается всѣмъ рабочимъ населеніемъ. Продуктъ, получаемый съ этой земли, дѣлится подушно между *всѣми* общинниками, не исключая малолѣтнихъ, больныхъ и неспособныхъ къ работамъ. На сѣмена отдѣляется извѣстная часть урожая. Предполагалось устроить общественные магазины для ссыпки зерна въ запасъ, на случай неурожая, пожара или какого-либо другого подобнаго несчастья. Послѣ подушнаго дѣлежа урожая всѣ счеты прекращаются и каждый воленъ дѣлать съ полученнымъ имъ продуктомъ все, что онъ захочетъ. Въ случаѣ нехватки хлѣба или какого-либо иного продукта въ одной изъ семей, никто изъ общинниковъ не обязанъ содержать эту семью на свой счетъ, равно какъ и вся община не обязана поддерживать такую семью.

Продукты отъ скота, имѣющагося на рукахъ даннаго хозяина, поступаютъ въ его полное распоряженіе, ко-

нечно, послѣ того времени, когда „худобой“ будутъ одѣлены всѣ.

Земледѣльческія орудія — плуги, бороны, фургоны, косы и пр.—покупаются на общественный счетъ и сохраняются у каждаго домохозяина отдѣльно, поступая вслѣдъ за лошадьми.

Наличный капиталъ, который былъ у общинниковъ въ личномъ распоряженіи до прибытія въ Канаду, весь былъ сложенъ въ одну кассу и врученъ выбранному кассиру. Деньги вносились, по разсказамъ самихъ общинниковъ, безъ всякаго равненія: каждый давалъ сколько имѣлъ. Всего было внесено около 2000 рублей. Кассиръ только сохраняетъ деньги, а расходы совершаются выборными отъ общины, послѣ утвержденія этихъ расходовъ всѣми домохозяевами на „съѣздѣ“ всей общины:

Каждый членъ общины можетъ въ свободное отъ общественныхъ работъ время заниматься какимъ угодно производствомъ, ремесломъ, и все получаемое имъ отъ этой его личной работы не касается общинниковъ, а идетъ въ его личное распоряженіе.

Точно также каждый домохозяинъ долженъ самъ заботиться о поддержаніи одежды и обуви своей семьи, а также упряжи, построекъ и всѣхъ прочихъ домашнихъ надобностей.

При образованіи новаго „дома“, новой семьи, общество должно надѣлить новаго хозяина живымъ и мертвымъ инвентаремъ въ равномъ количествѣ со всѣми другими общинниками, а также выстроить домъ („комнатки“—какъ говорятъ духоборцы) въ рядъ съ другими по общей улицѣ и возвести всѣ надворныя и хозяйственныя постройки въ такомъ же размѣрѣ и по такому же плану, какъ и у другихъ хозяевъ.

Каждый домохозяинъ вноситъ ежегодно опредѣленную сумму денегъ на общественныя нужды, какъ-то:

исправленіе и устройство дорогъ, мостовъ, паромовъ и т. п., а также и участвуетъ, по назначенію общества, въ подобнаго рода общественныхъ работахъ. Въ случаѣ экстренныхъ расходовъ, какъ напримѣръ, постройка мельницы, кузни, пріобрѣтеніе паровой молотилки, падежъ скота, пожаръ, покража и пр.—могутъ быть производимы добавочные, равные для всѣхъ сборы, по рѣшенію всѣхъ домохозяевъ общины. Вообще, какъ видно изъ всего вышесказаннаго, въ этой общинѣ намѣчался коллективизмъ производства главныхъ средствъ къ существованію, общность орудій производства и живого инвентаря, но объ удовлетвореніи *всѣхъ* потребностей личности, членовъ общины, заботится не община, а каждое отдѣльное хозяйство, семья.

б) *Община Благодареніе на южномъ участкѣ.*

Наиболѣе устойчивою и всесторонне проводящею въ жизнь свои принципы является община Благодареніе на южномъ участкѣ іорктонскаго района. Въ этой общинѣ всего было въ 1900 г. 200 душъ. Я имѣлъ случай подробно наблюдать жизнь этой общины.

Благодаренцы—степенные, глубоко честные люди, пунктуально исполняющіе весь изстари установленный духоборческій обрядъ. У нихъ все общее до послѣдней нитки; частной собственности нѣтъ совершенно. Какъ на пароходѣ, а также, по разсказамъ, и на старыхъ еще земляхъ, во время послѣдняго движенія, такъ и теперь они ничего не дѣлятъ подушно. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ особенно выдѣляются своимъ умомъ и организаторскими способностями, и вотъ они-то какъ бы стоятъ во главѣ всей общины, но совершенно на равныхъ основаніяхъ съ другими своими сообщинни-

ками. Они не только не имѣютъ никакихъ особенныхъ правъ, но, наоборотъ, несутъ еще большія обязанности. Двое изъ нихъ—Иванъ Стрѣляевъ и Ремезовъ—больше всѣхъ другихъ хлопочутъ объ остальныхъ. Они дѣлаютъ положительно все для своей общины. Оба они очень умные, смѣтливые, грамотные, а потому на ихъ обязанность легли заботы о прискании работъ, веденіе всякихъ записей, гуртовая закупка продукта, сохраненіе денегъ и всякихъ бумагъ, касающихся всей общины, чтеніе и писаніе писемъ и пр. и пр

Скотъ у благодаренцевъ, конечно, общій и стоитъ въ общественныхъ конюшняхъ· къ нему приставлены выборные люди, на обязанности которыхъ возлагается забота и наблюденіе за скотомъ.

Орудія производства также общія и сохраняются въ особенномъ общинномъ складѣ.

Вся земля остается въ одной межѣ, обрабатывается сообща, а весь продуктъ ссыпается въ общественные склады и подвалы.

Каждый домохозяинъ, или вообще каждый членъ общины, беретъ себѣ изъ склада всего столько, сколько надо для удовлетворенія его личныхъ потребностей или потребностей его семьи. Изъ каждаго урожая отдѣляется на сѣмена столько, сколько найдетъ это нужнымъ общій совѣтъ общины. Община выбираетъ изъ своей среды людей, которые должны наблюдать за складами и принимать всѣ мѣры предосторожности къ охраненію продуктовъ отъ порчи. Тотъ, кто беретъ продуктъ, имѣетъ право брать его только на собственное и его семейное потребленіе и ни въ коемъ случаѣ на продажу.

Всѣ деньги, которыя вырабатываются членами общины на сторонѣ, поступаютъ въ общую кассу, которою завѣдуетъ выбранный кассиръ. Распоряжается день-

гами общій совѣтъ всѣхъ „хозяевъ-старичковъ“, т.-е. женатыхъ духоборцевъ этой общины.

По постановленію совѣта общины, опредѣленная часть того или другого продукта можетъ быть продана, а деньги отъ этой продажи должны поступать въ общую кассу и могутъ быть употреблены на покупку какого-либо товара, нужнаго всей общинѣ. Общинники стремятся все имъ нужное изготовлять своими руками и возможно меньше вступать въ обмѣнъ. На этомъ основаніи они сильно хлопочутъ о разведеніи у себя овецъ и вообще скота, а также льна, конопли и нѣкоторыхъ красящихъ растеній, но все-таки, конечно, ихъ потребности столь уже разрослись, что имъ не избѣжать купли и продажи продуктовъ.

Одежда, обувь, бѣлье и пр. и пр.—все покупается на деньги изъ общей кассы и раздается не подушно, а тому, кому это дѣйствительно нужно.

„Если къ нашей общинѣ присогласится кто-либо изъ другого селенія, мы его съ удовольствіемъ примемъ,—говорили мнѣ благодаренцы,—конечно, впередъ разсказавши о нашемъ порядкѣ жизни, и если у него, къ примѣру сказать, одёжи будетъ по двѣ перемѣнки, а у насъ у всѣхъ по одной,—у кого старенькая, у кого худенькая,—то мы будемъ сначала одѣлять одёжей того, кому это всего необходимѣй, и такъ до тѣхъ поръ, пока не увидимъ, что у всѣхъ всего довольно. Послѣ этого будемъ давать тому, у кого что „стратится“ (испортится, износится); по душамъ же равнять не будемъ.“

Эта община, можетъ быть, наиболѣе устойчивая, и очень вѣроятно, что она просуществуетъ дольше другихъ. Но я долженъ здѣсь же сказать, что болѣе тяжелой атмосферы, чего-то давящаго, щемящаго, тусклаго, я не встрѣчалъ ни въ одномъ изъ духоборческихъ селеній сѣвернаго и южнаго участка іорктонскаго района.

Здѣсь сектантскій фанатизмъ такъ и сквозитъ вездѣ, виситъ надъ вами. Благодаренцы—это самые нетерпимые люди по отношенію къ тѣмъ изъ своихъ же братьевъ-духоборцевъ, которые въ чемъ бы то ни было отступили отъ ихъ духоборческаго обряда и обычая или отъ предписаній духоборческаго руководителя Петра Васильевича Веригина.

Мнѣ какъ-то пришлось ночевать въ Благодареновкѣ; со мной были нѣсколько человѣкъ духоборцевъ съ сѣвернаго участка,—такъ называемые „холодненскіе" духоборцы, мало знающіе своихъ карскихъ братьевъ. Одинъ изъ моихъ спутниковъ имѣлъ родственниковъ по женѣ въ этой общинѣ и онъ, по духоборческому обряду, пошелъ поздороваться съ своимъ „сродствіемъ" и передать поклонъ отъ жены. Расцѣловавшись со всѣми бывшими въ хатѣ и поздоровавшись по обычаю, онъ разговорился съ своими родственниками. Изъ разговоровъ благодаренцы узнали, что онъ, какъ и многіе другіе изъ сѣверянъ, сталъ ѣсть рыбу.

— Почему-жъ ты намъ раньше не сказалъ этого? Развѣ мы стали бы съ тобой цѣловаться?—накинулись на него благочестивыя благодареновскія бабы.

Уѣзжая, онъ уже не цѣловался съ ними.

— Небось и сейчасъ рыбой воняетъ...—говорила ему его родня, брезгливо сплевывая набѣгавшую слюну...

Надо помнить, что духоборцы съ конца девятнадцатаго вѣка, по предложенію П. В. Веригина, сдѣлались строгими вегетаріанцами и отступленіе отъ этого правила наиболѣе правовѣрными считается большимъ грѣхомъ. Въ Канадѣ очень многіе, почти половина, стали ѣсть рыбу, а кое-кто и мясо.

в) *Община Вознесеніе на сѣверномъ участкѣ.*

Во главѣ общины Вознесеніе стоитъ замѣчательно энергичный, выдающійся по своимъ практическимъ способностямъ, страстный общинникъ—Николай Савельевичъ Зибаровъ. Въ его общинѣ также нѣтъ ничего частнаго; живутъ въ Вознесеніи довольно дружно; амбаръ у нихъ всегда открытъ и всякій изъ общинниковъ можетъ брать все, что ему нужно. Но уже въ концѣ 1900 г. и въ этой общинѣ стало проявляться недоразумѣніе. Прежде всего стали раздаваться голоса, что нужно хлѣбъ дѣлить по душамъ и пусть онъ хранится у каждаго хозяина отдѣльно,—нечего ему, молъ, лежать въ общемъ амбарѣ. Подушное дѣленіе хлѣба въ тѣхъ общинахъ, которыя начали съ того, что отказались отъ частной собственности и признали все общимъ, является первымъ грознымъ признакомъ ихъ разложенія. Это отлично знаютъ и духоборцы-общинники. Какъ только въ Вознесеніи раздались голоса, что нужно хлѣбъ дѣлить по душамъ, Николай Зибаровъ и нѣсколько его друзей сейчасъ же заявили на „съѣздѣ“ своей общины, что если это такъ случится, если хлѣбъ подѣлятъ, то они немедленно отдѣлятся и уйдутъ на другія мѣста, такъ какъ считаютъ такую жизнь нехристіанскою. Эта угроза подѣйствовала и тогда община осталась жить на тѣхъ же основаніяхъ, но каждому было очевидно, что, если дѣло дошло до угрозъ и только ими можно было водворить кажущіеся тишину и порядокъ, то внутреннее равновѣсіе жизни общины уже нарушено; искра распри и недовольства втайнѣ продолжаетъ теплиться и вопросъ во времени, когда она вновь разгорится, навѣрное, съ еще большею силой.

Въ этомъ не сомнѣвались и сами главари духоборческихъ общинъ, и они еще въ началѣ 1900 г. стали

принимать всѣ мѣры лишь бы „поднять“ своихъ братьевъ. Такъ, тотъ же Николай Зибаровъ писалъ своимъ друзьямъ въ Англію отъ 17 февраля 1900 г. слѣдующее:

„Дорогой братецъ В. Г., не всѣ люди равны и не всѣ живутъ одинаково; но есть люди, которые живутъ совершенно по христіански и сознаютъ законъ Христа не внѣшне, а внутренно. Конечно, много и такихъ людей, что по переселеніи въ Канаду совсѣмъ поперемѣнились и живутъ себѣ какъ будто сонные, не заботясь о вѣчной жизни.

...„По пріѣздѣ моемъ изъ Winnipeg'а собралъ я общій съѣздъ относительно нашей жизни, и одинъ старичекъ, Вася Поповъ [1]), который былъ большой богачъ, началъ говорить и плакать, да и еще съ нимъ нѣсколько старичковъ начали просить весь міръ, чтобы не жить во сну, во лѣности, во гордости, во ненависти и т. д. А нужно бы проснуться и осмотрѣться, гдѣ мы теперь есть и какъ мы попали сюда и почему начали утериваться.

„И вотъ послѣ этого съѣзда рѣшили такъ, что кто только желаетъ жить въ „христіанской общинѣ всемірнаго братства“ и не имѣть никакихъ долговъ [2]), и не считать нечего своимъ, а чтобы было бы все общее,— тѣ будутъ соединяться въ село одни, акто не хочетъ, тѣ въ другое. Конечно, еще есть люди такіе, что до сего времени не знаютъ долговъ, но только уже въ послѣд-

[1]) Вася Поповъ на Кавказѣ обладалъ довольно значительнымъ состояніемъ, но, когда началось послѣднее движеніе, отдалъ все свое имущество въ общую кассу. *Прим. В. Б. Б.*

[2]) Имѣть долги, по старинному духоборческому обычаю, чрезвычайно нехорошо. Денежный долгъ, по понятію духоборцевъ,— первый признакъ нравственнаго поворота человѣка въ дурную сторону. Въ этомъ обычаѣ духоборцы совершенно сходятся съ англійскими квакерами. *Прим. В. Б. Б.*

нее время оставалось такихъ слишкомъ мало. Какъ это только все устроиться, напишу вамъ все подробно."

Но „это" такъ и не устроилось. Много разъ собирались сѣверяне въ теченіе зимы и весны 1900 г. и обсуждали, какимъ образомъ имъ устроить свою жизнь, и такъ ни до чего и не договорились.

Тотъ же Николай Зибаровъ въ ноябрѣ 1900 г. т.-е. ровно черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ вышеприведеннаго письма, писалъ мнѣ слѣдующее: „Въ настоящее время мы сообщаемъ вамъ о своей жизни. Жизнь наша продолжается хорошо, слава Господу нашему Богу. Въ матеріальныхъ потребностяхъ нуждаться стали меньше, да и вообще уже стали жить хорошо. Богъ послалъ урожай на хлѣбушко и разныя овощи, да и худобой обзавелись и съ долгами расплатились. Въ духовной же жизни идетъ большой распряжъ среди нашей духоборіи, такъ что нѣкоторые оставили все Божіе повелѣніе и начинаютъ творить свою собственную похоть. По виду нашего положенія, навѣрное выйдетъ расколъ нашего міра, но сейчасъ этого совершенно (т.-е. окончательно) не произошло. Но видно, что это все исполнится, и тогда мы вамъ напишемъ."

Расколъ, дѣйствительно, „исполнился" и, послѣ долгихъ, всевозможныхъ примирительныхъ компромиссовъ, осенью 1902 г. мы видимъ Николая Зибарова, бросившаго „всю свою собственную похоть" и ставшаго во главѣ знменитаго канадскаго пилигримства духоборцевъ, двинувшихся „прославлять имя Единаго Бога" и „устилать" стезю Господу нашему Христу.

г) Община Успеніе на сѣверномъ участкѣ.

Душой общины Успеніе является одинъ изъ замѣчательныхъ духоборцевъ—Емельянъ Романовичъ Коны-

гинъ. Ему теперь за шестьдесятъ лѣтъ. „На старинѣ", т.-е. на Кавказѣ, онъ долгое время былъ старостой деревни Троицкое.

Остроумный, всегда оживленный, твердо и страстно вѣрящій всей духоборческой премудрости, фанатично настроенный ко всѣмъ отступникамъ отъ обряда,— Емельянъ Коныгинъ является яркимъ представителемъ независимаго, стараго духоборчества и общимъ любимцемъ своихъ братьевъ. Онъ напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы спасти гибнущія общины, но и его силы не въ силахъ удержать естественнаго процесса. Съ самаго начала возлѣ него сгруппировалась большая община, рѣшившая жить „по христіански", имѣя все общее. Община состояла изъ 265 человѣкъ. Не прошло и мѣсяца, какъ 202 человѣка отпали, не захотѣвъ имѣть все общее; они образовали новое поселеніе въ трехъ верстахъ отъ селенія Успенія и назвали его „с. Троицкое". Прошелъ еще мѣсяцъ,—расколъ пошелъ дальше и послѣ одного изъ недоразумѣній 119 человѣкъ рѣшили уйти изъ с. Троицкаго. Они выбрали участокъ ва десять верстъ отъ прежняго поселенія, по другую сторону Громовой горы, построились и наименовали свое поселеніе Новотроицкимъ. Троицкое и Новотроицкое принадлежатъ къ типу временныхъ общинъ, которыя все болѣе и болѣе переходятъ къ частновладѣльческому способу веденія хозяйства.

Мелёша Коныгинъ, — какъ его обыкновенно зовутъ духоборцы,—остался съ шестьюдесятью тремя вѣрными общинниками; онъ понемногу обзавелся хозяйствомъ и не перестаетъ мечтать о тѣхъ лучшихъ временахъ, когда народъ „перебуровитъ и остановится" и когда, вспомня законъ, обратится снова къ „христіанской жизни"...

д) Община Терпѣніе-Карское на южномъ участкѣ.

По своему внутреннему распорядку совершенно особнякомъ стоитъ община Терпѣніе-Карское. Въ ней тоже все общее. Главнымъ ея организаторомъ является Павелъ Васильевичъ Планидинъ. Это тоже одинъ изъ выдающихся духоборцевъ. Вѣжливый и политичный, онъ, не разъ ѣздя въ Россію къ своимъ друзьямъ и знакомымъ, что называется, „пріобрѣлъ манеры и обхожденіе".

Энергія его очень велика и настойчивость несокрушима. Хорошій работникъ, онъ всегда самъ даетъ примѣръ въ трудолюбіи. Выросши въ богатой семьѣ,—(когда женился на моей свадьбѣ сто ведеръ водки выпили, пили всѣ, кто только хотѣлъ—разсказывалъ мнѣ о своей прежней жизни Планидинъ),—онъ и сейчасъ не утерялъ стремленія жить хорошо, широко, хозяйничая на крупную ногу.

Правда, онъ очень преданъ „новой жизни", т.-е. той, которая началась у духоборцевъ съ конца восьмидесятыхъ годовъ XIX столѣтія и когда они бросили пить водку, курить табакъ, ѣсть мясо, и многіе стали стремиться жить сообща, но эту „новую жизнь", „христіанство", — какъ мы увидимъ ниже, — онъ понимаетъ весьма своеобразно.

Пріѣхавъ въ Канаду, Планидинъ еще въ карантинѣ на островѣ Grosse Isle въ устьѣ рѣки Святого Лаврентія, какъ-то при общемъ сходѣ народа, вышелъ впередъ и рѣшительно заявилъ: „кто хочетъ жить со мной сообща, выходите, братья!" Сейчасъ же изъ толпы вышли одинъ за другимъ его товарищи, родственники и приверженцы и такихъ набралось 154 человѣка.

Этимъ громогласнымъ заявленіемъ, раньше чѣмъ кому-либо другому пришло то же самое въ голову, Па-

влуша Планидинъ сразу зажалъ рты всѣмъ его недругамъ изъ карскихъ богатѣевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣлъ еще болѣе вѣса въ глазахъ всѣхъ духоборцевъ, какъ человѣкъ, строго хранящій завѣты „новой жизни" и желающій жить какъ подобаетъ, по понятію духоборцевъ, „христіанину всемірнаго братства".

Община Планидина двинулась на южный участокъ іорктонскихъ поселеній, соединилась тамъ съ ранѣе уже прибывшими ихъ же односельчанами, согласными на „общую" жизнь и, такимъ образомъ, возникла община Терпѣніе-Карское, обращающая своей организованностью всеобщее вниманіе не только со стороны духоборцевъ и ихъ русскихъ друзей, но и канадцевъ, которые такъ или иначе соприкасаются съ духоборцами. Все рабочее населеніе этой общины лѣтомъ и осенью уходило на работы. Весь заработокъ до копейки долженъ былъ поступить къ кассиру общины, на должность котораго былъ выбранъ Планидинъ. Онъ, вернувшись съ работъ, созвалъ всю общину, выложилъ има самимъ заработанныя деньги, а также и тѣ, которыя ему прислали друзья изъ Россіи, и заявилъ: „кто хочетъ жить въ общинѣ, пусть каждый складываетъ всѣ свои деньги въ кассу, а кому это неспособно, тотъ можетъ уйти на сторону".

Всѣ выложили денежки до копейки.

Терпѣнцы въ первое же лѣто, несмотря на то, что на работы они могли выйти только въ іюнѣ, заработали очень хорошо.

Дѣйствительно, благодаря своей организованности и энергіи, только они одни изъ всѣхъ прибывшихъ въ Канаду духоборцевъ, не имѣя ни денегъ, ни скота, ни сельско-хозяйственныхъ орудій заработали столько въ это первое лѣто, что вполнѣ обезпечили себя всѣмъ необходимымъ провіантомъ на всю зиму и весну, до

лѣта 1900 г., купили хорошихъ лошадей, коровъ, обзавелись плугами и пр. инвентаремъ, сами закупили сѣмена и съ первой же весны принялись за устройство водяной мельницы на небольшой рѣчкѣ, которая протекаетъ по владѣніямъ терпѣнской общины.

Я не видалъ ни одного духоборческаго селенія болѣе благоустроеннаго, чѣмъ Карское-Терпѣніе. У нихъ было болѣе всего вспахано земли; почти вся пахота обнесена плетнемъ, а это необходимо при той системѣ скотоводства, которая существуетъ въ Канадѣ и отъ которой посѣвы многихъ духоборческихъ селеній въ первые годы жестоко страдали, если не были обнесены плетнями.

Работаютъ терпѣнцы все сообща. Все ихъ рабочее населеніе, находящееся дома, раздѣлено на группы и каждая группа имѣетъ свои строго опредѣленныя обязанности. Одни плотничаютъ, другіе заготовляютъ дрова и лѣсъ на постройки, третьи устраиваютъ плетни вокругъ пахоты и пр.; кончивъ одну работу, „старички" назначаютъ этой свободной группѣ другую и т. д. Кучера, ѣздящіе въ городъ за хлѣбомъ, также выборные, и ихъ уже не отрываютъ на другія работы.

Въ конюшняхъ, въ амбарѣ, при подвалѣ съ картошкой, капустой и другими овощами — вездѣ есть особо приставленный человѣкъ, который точно зная свои обязанности, несетъ за нихъ отвѣтственность передъ обществомъ.

Когда Планидинъ еще не осѣлъ на землѣ, онъ разсказывалъ мнѣ о предполагаемомъ устройствѣ своей общины и развертывалъ картины болѣе свободной жизни. Но эти его планы сейчасъ же рухнули, какъ только онъ коснулся хозяйства: инстинкты собственника взяли перевѣсъ, и онъ обратилъ „христіанскую" общину, о которой онъ прежде мечталъ, въ хорошо устроенную,

умно ведущую свои дѣла, своеобразную артель земледѣльцевъ.

Эта община Терпѣніе-Карское, навѣрное, продержится довольно долго, такъ какъ слишкомъ ужъ заманчива та широкая перспектива полнаго довольства и крупнаго хозяйства, которую такъ любитъ рисовать и такъ умѣетъ энергично осуществлять этотъ незаурядный организаторскій талантъ, Павлуша Планидинъ, вмѣстѣ съ своими братьями-однообщинниками, очень трудолюбивыми и умѣлыми хозяевами.

Популярность Планидина и всей его общины очень велика, и она поддерживается еще тѣмъ, что Планидинъ, конечно, съ согласія всей общины, время отъ времени совершаетъ тѣ или другія дѣла благотворительности. Такъ, напримѣръ, при дѣлежѣ общественнаго капитала всего южнаго участка онъ на общей съѣздкѣ всѣхъ селеній отказался получить долю этого капитала, приходившуюся терпѣнцамъ съ другой, задолжавшей комитету, деревни.

Долгъ гостепріимства терпѣнцы понимаютъ очень широко. Они построили отдѣльную конюшню для лошадей тѣхъ изъ заѣзжихъ людей, которые ночуютъ въ ихъ деревнѣ. Каждый изъ проѣзжихъ, духоборецъ онъ или нѣтъ, смѣло можетъ итти къ терпѣнцамъ; тамъ онъ всегда найдетъ себѣ пріютъ, тамъ его накормятъ, напоятъ и хорошо устроятъ на ночлегъ. Я знаю случаи, когда къ терпѣнцамъ приходили ночевать по сто человѣкъ рабочихъ и всѣ всегда находили себѣ мѣсто.

е) *Община Вѣровка на южномъ участкѣ.*

Чтобы закончить описаніе различныхъ типовъ духоборческихъ общинъ, считаю необходимымъ сообщить объ общинѣ Николая Фофанова, называющейся Вѣровка

и находящейся на южномъ участкѣ іорктонскихъ поселеній.

Вѣровка образовалась изъ части деревни Кирилловки, находившейся въ Карской области. Она—одна изъ бѣдныхъ общинъ канадскихъ духоборцевъ. Порядокъ жизни въ ней наименѣе регламентированъ, а потому у вѣровцевъ болѣе свободно дышется. Въ Вѣровкѣ собрались люди, распродавшіе и раздавшіе „на старинѣ" все свое имущество до послѣдка. Ихъ предводитель или, вѣрнѣе сказать, самый любимый человѣкъ, другъ и братъ—Николай Фофановъ, тоже былъ когда-то на Кавказѣ богатымъ, хозяйственнымъ духоборцемъ.

Самъ Фофановъ—очень скромный, застѣнчивый, деликатный человѣкъ, очень малаго о себѣ мнѣнія. Онъ всегда старается незамѣтно что-нибудь сдѣлать для другого, и онъ является душой своей общины.

Община эта состоитъ на три четверти изъ женщинъ-вдовъ, дѣтей и сиротъ. Вокругъ Фофанова сгруппировалась вся бѣднота его прежней деревни Кирилловки. И не только Кирилловцы, но и изъ другихъ селъ, кому трудно жилось, пошли къ Фофанову и нашли у него душевный покой, ласку, братскую любовь и заботу.

Вѣровцы довезли до Канады всего-на-всего 60 рублей.

Пріѣхавъ въ эмигрантское помѣщеніе въ East-Selkirk'ѣ, самъ Фофановъ сейчасъ же поступилъ рабочимъ въ кузницу въ сосѣднемъ городкѣ; всѣ остальные мужчины тоже разбрелись на работу; бабы и ребята собирали ягоды и продавали ихъ по фермамъ и въ городѣ; съ этого они кое-какъ кормились—имъ также удалось выдать небольшую помощь мукой, — а спустя нѣкоторое время они, общими усиліями, сколотили денегъ на одну лошаденку. Перебравшись на участки, они построились; до зимы успѣли заработать еще на лошадь и такъ, мало-

по-малу, устроились съ хозяйствомъ и теперь живутъ не хуже другихъ духоборцевъ.

Нечего и говорить о томъ, что въ этой общинѣ положительно все—общее.

Я не буду описывать другія общины: всѣ онѣ подходятъ къ тому или другому типу, обрисованному мною выше; конечно, то въ томъ, то въ другомъ случаѣ наблюдаются нѣкоторыя отклоненія, но они не столь существенны, чтобы о нихъ стоило говорить отдѣльно.

Мы видимъ, что большинство изъ тѣхъ духоборческихъ общинъ, которыя ведутъ свои хозяйства, не признавая частной собственности и проводя коммунистическое начало до послѣднихъ мелочей, — напримѣръ, община Благодареніе — какъ разъ несутъ съ собой наибольшее стѣсненіе отдѣльной личности, подчасъ совершенно подавляя ее. Такое отсутствіе общественной свободы въ подобныхъ общинахъ не является какимъ-либо неразрѣшимымъ, страннымъ противорѣчіемъ, наоборотъ, это обстоятельство, имѣя вполнѣ основательное историческое разъясненіе, только лишній разъ подтверждаетъ тотъ взглядъ, что никакія насильственно привитыя (хотя бы и безъ проявленія внѣшнихъ признаковъ прямого насилія, а путемъ нравственнаго авторитетнаго давленія) общественныя учрежденія и реформы не могутъ быть плодотворны и долговѣчны, какъ бы онѣ ни были хороши по своимъ стремленіямъ и цѣлямъ. Онѣ обязательно обречены на погибель, какъ всякое растеніе, не имѣющее корней въ почвѣ.

Общинный способъ веденія хозяйства въ духоборческихъ селеніяхъ есть явленіе послѣдняго десятилѣтія.

Мы знаемъ, что духоборцы, начиная со времени

смерти Капустина (1820 г.) [1]) до девяностыхъ годовъ XIX столѣтія, никогда не жили общинною, коммунистическою жизнью, а вели частныя хозяйства. Если въ Крыму еще оставались тѣ или другія общинныя начинанія до 30-ыхъ и 40-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія, то, переселившись на Кавказъ, на Мокрыя Горы, духоборцы не принесли съ собой почти никакихъ остатковъ бывшаго стараго духоборческаго коммунизма, который несомнѣнно теплился въ отдѣльныхъ маленькихъ общинахъ во время жестокихъ гоненій на духоборцевъ въ XVII столѣтіи и болѣе широко проявился въ первые годы жизни духоборцевъ въ Крыму. Только общинная запашка земель еще указываетъ намъ, что традиціи стараго духоборчества къ серединѣ XIX столѣтія на этотъ счетъ ими были забыты не окончательно. „Сиротскій Домъ", на который обыкновенно ссылаются, существовавшій у нихъ издавна, вовсе не представлялъ изъ себя общиннаго имущества. На Кавказѣ онъ всецѣло находился въ полномъ безконтрольномъ распоряженіи ихъ руководительницы, Лукерьи Васильевны Калмыковой, и долженъ былъ преемственно перейти къ избранному ею своему преемнику Петру Васильевичу Веригину. Точно также въ Крыму, „Сиротскій Домъ" находился въ такомъ же распоряженіи Капустина и его преемниковъ. Правда, имущество „Сиротскаго Дома" составлялось и поддерживалось доброхотными пожертвованіями

[1]) Капустинъ сначала завелъ на Молочныхъ водахъ общинное хозяйство, но къ концу своей жизни распродалъ общественныя стада и тѣмъ положилъ начало частновладѣльческому способу хозяйства у крымскихъ духоборцевъ. До переселенія же на Молочныя воды, духоборцы, живя разсѣянно по разнымъ мѣстамъ, тоже, въ большинствѣ случаевъ, вели частныя хозяйства, впрочемъ, оказывая поддержку наименѣе состоятельнымъ своимъ братьямъ

духоборцевъ. Но можно-ли называть его общественнымъ учрежденіемъ, организованнымъ на общинныхъ началахъ, когда никто изъ всего общества не имѣлъ права, кромѣ руководителя, не только распорядиться въ немъ, не только взять подъ отчетъ, но даже просто поинтересоваться, сколько чего имѣется въ кладовыхъ, амбарахъ, ларяхъ и сундукахъ этого „Сиротскаго Дома"?

Крайне интересенъ тотъ фактъ, что послѣ смерти Лукерьи Васильевны, когда Зубковъ и Губановъ подстроили такъ, что все имущество, по праву наслѣдства, перешло къ Губанову, духоборцы совершенно не знали и сейчасъ не знаютъ, сколько какого добра и денегъ было въ „Сиротскомъ Домѣ". Когда я разспрашивалъ уже въ Канадѣ у стариковъ, сколько же пропало денегъ, никто, положительно никто, не могъ сказать мнѣ вѣрной цифры. Одни говорили милліонъ, другіе — два, третьи — пятьсотъ тысячъ, четвертые — двѣсти тысячъ, вообще, каждый знаетъ, что было много денегъ, и это „много" опредѣляется тою цифрой, которая представляется ему дѣйствительно большою. Всѣ были согласны въ одномъ, что точныя свѣдѣнія можетъ дать только одинъ человѣкъ—это Петръ Васильевичъ Веригинъ. Вообще, „Сиротскій Домъ", какъ намъ кажется, былъ филантропическимъ учрежденіемъ при дворѣ духоборческой правительницы, Лукерьи Васильевны, которая, построивъ, его вложила въ его кассу духоборческія жертвованныя деньги, перешедшія къ ней по наслѣдству отъ ея мужа, Петра Ларіоновича Калмыкова, который былъ, въ свою очередь, полновластнымъ наслѣдственнымъ духоборческимъ правителемъ.

Что „Сиротскій Домъ" на Кавказѣ построенъ не кѣмъ-либо другимъ, какъ Лукерьей Васильевной, видно изъ слѣдующаго вопроснаго псалма:

— Кто „Сиротскій Домъ" построилъ?

— Лукерья Васильевна, съ своей суммы, для чести, для славы, для вѣчной памяти. Богу нашему слава.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что за семидесятилѣтній періодъ (послѣ смерти Капустина) у духоборцевъ не только развился, но и обострился,—въ особенности во время русско-турецкой войны 1877—78 г.г. — частнохозяйственный интересъ. За послѣднее десятилѣтіе XIX столѣтія, когда ихъ руководитель, Петръ Веригинъ, старается вернуть народъ къ „сознанію нашихъ предковъ", которое „можетъ быть, мы уже и утеряли", — какъ не разъ упоминаетъ онъ въ письмахъ къ своимъ братьямъ—духоборцы стали пробовать жить и работать сообща, общинно. Эта проба, построенная на религіозно-христіанскомъ сознаніи *отдѣльныхъ личностей, вожаковъ* и, въ особенности, *на желаніи ихъ руководителя*, имѣла чрезвычайно непрочную связь съ сознаніемъ и экономическимъ положеніемъ массы духоборцевъ.

Еще на пароходѣ я заинтересовался тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ духоборцы, отъ подростковъ до стариковъ, говорятъ положительно слово въ слово одно и то же относительно предполагаемаго устройства ихъ поселеній въ Канадѣ. Мнѣ показалось подозрительнымъ такое удивительное, можно сказать, безпримѣрное единомысліе и, занявшись разслѣдованіемъ этого вопроса, я дошелъ до первоисточника. Это было не что иное, какъ нижеслѣдующее письмо Петра Веригина, которое духоборцы выучили наизусть и которое они цитировали на память, разъ ихъ спрашивали о томъ, какъ они хотятъ поселиться въ Канадѣ.

„... За границей жизнь надо устраивать, мнѣ кажется, на общинныхъ основахъ, то есть что потребуется необходимое, какъ-то скотъ, плуги и другія сельскохозяйственныя орудія, а также потомъ и амбары для ссыпки хлѣба, мельницы и маслобойни для выжимки раститель-

ныхъ сѣмянъ или, напримѣръ, кузнечныя и столярныя мастерскія, на первыхъ порахъ хоть маленькія, но должны быть построены общими силами; каждое село-колонія должно это имѣть въ отдѣльности. Большими селами селиться не надо. Самое большое 50 семействъ. Село должно обстраиваться обыкновенно небольшими домиками для помѣщенія каждаго семейства; улицы должны быть широкія; если селиться придется въ лѣсу, то въ окружности села лѣсъ не должно вырубать, если же на чистомъ мѣстѣ, то на первыхъ же порахъ улицы должны быть обсажены деревьями. Если климатъ позволитъ, по возможности, фруктовыми. Да и вообще слѣдуетъ посадить хоть небольшія рощи". [1])

Этотъ планъ большинствомъ духоборцевъ выполняется пунктуально, конечно, только по внѣшности: широкая улица, обсадка деревьями и пр., что же касается „общественной жизни", то, какъ мы видѣли выше, этому доброму совѣту въ Канадѣ послѣдовала меньшая часть духоборцевъ [2]).

Это несомнѣнное ослушаніе, грѣхъ и отступничество, въ глазахъ правовѣрныхъ духоборцевъ, совершилось само собой, въ силу самодовлѣющихъ обстоятельствъ

[1]) Изъ письма П. В. Веригина отъ 6 января 1899 г. с. Обдорскъ. Копія съ этого письма хранится въ моемъ архивѣ.

[2]) Считаемъ необходимымъ замѣтить, что здѣсь мы разсматриваемъ жизнь духоборцевъ, устраивавшихся въ Канадѣ болѣе или менѣе самостоятельно, безъ непосредственнаго дозора такого авторитетнаго лица, какъ ихъ руководитель. Потому-то это устройство особенно и интересно. Черезъ два года послѣ поселенія въ Канадѣ среди духоборцевъ опять вспыхнуло стремленіе къ „общей жизни". Но такъ какъ это стремленіе всецѣло и непосредственно связано съ пріѣздомъ ихъ руководителя изъ Сибири въ Канаду и совершилось, несомнѣнно, подъ его сильнымъ давленіемъ, то этому вопросу, равно какъ и движенію канадскихъ духоборцевъ за эти и слѣдующіе года, мы посвятимъ особый очеркъ.

жизни, и одинъ этотъ ужъ фактъ, небывалый, какъ сами духоборцы говорятъ, въ ихъ исторіи, указываетъ намъ на то, что устои духоборческой жизни начинали колебаться, вскорѣ по прибытіи въ Канаду, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ ихъ части.

Когда я разспрашивалъ духоборцевъ о томъ, почему они на Кавказѣ въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка перестали жить частными хозяйствами и стали стремиться жить и работать общинно, — я долгое время не могъ получить точно опредѣленнаго отвѣта. Всѣ въ одинъ голосъ говорили мнѣ:

— А что въ законѣ сказано?.. Люби ближняго, какъ самого себя,—отвѣчалъ обыкновенно самъ себѣ вопрошающій.

— А мы какъ христіане,—продолжалъ онъ,—по христіански и жить должны, Христову закону слѣдовать...

Я задавалъ вопросы дальше.

— Почему же будетъ не по христіански, если жить своею семьей, трудиться, помогать бѣднымъ, быть честнымъ, но жить не въ общинѣ, а отдѣльнымъ домомъ?..

Многіе отвѣчали опять тѣмъ же указаніемъ на законъ, другіе говорили, что „какъ мы есть христіане всемірнаго братства, то и должны жить міромъ, а не по одиночкѣ". Подобныхъ этому отвѣту я получалъ очень много, которые, ничего не уясняя, показывали только одно: отвѣчающіе не имѣли опредѣленныхъ мыслей относительно того, что они такъ настойчиво проводили въ жизнь въ послѣдніе годы своего пребыванія на Кавказѣ. Только отдѣльныя, болѣе развитыя личности изъ духоборцевъ и примыкающія къ нимъ небольшія группы приверженцевъ вполнѣ разумно и толково объясняли мнѣ преимущества общинной жизни передъ частновладѣльческою и ясно выдвигали на первый планъ ту эти-

ческую подкладку, на которой они желали, какъ христіане, строить свою жизнь.

Но меня *на этотъ разъ* не такъ интересовали главари духоборцевъ съ ихъ приверженцами, какъ самъ духоборческій народъ во всей своей массѣ. Послѣ долгихъ бесѣдъ, рѣшительно ничего не прибавившихъ новаго, одинъ изъ рядовыхъ старичковъ,—добрый, услужливый, насквозь пропитанный христіанскою добродѣтелью, до мелочей исполнявшій свой духоборческій „уставъ", бѣдный и чрезвычайно преданный новому „христіанскому" жизнеположенію духоборцевъ,—завелъ со мной бесѣду издалека и, наконецъ, сказалъ мнѣ при большой толпѣ народа слѣдующее: „вотъ ужъ сколько дней слышу я твои разговоры, Владимиръ; понялъ я, что ты хочешь знать, и вижу, что водятъ тебя наши ребята вокругъ да около, а правды тебѣ не говорятъ. Косили мы сообща, амбаръ сдѣлали, швальни завели и все прочее и жить хотимъ въ Канадіи вмѣстѣ, потому что „они" [1]) приказали намъ такъ жить. Петръ Васильевичъ писали намъ объ этомъ и сообщали устно черезъ людей нашихъ, которые доходили до нихъ, а что они велятъ намъ, то мы и дѣлаемъ. Есть теперь и такіе, что не хотятъ дѣлать; но этихъ попуталъ грѣхъ, потерялись бѣдные люди, а мы вотъ всѣ исполнять хотимъ. А намъ самимъ-то, темнымъ людямъ, гдѣ бы до этого додуматься. Для этого нужна развитая голова, а мы все въ работѣ, и мысли наши не туда идутъ. А какъ „они" всю премудрость Божію и законъ Его постигли, то и преподали намъ доброе указаніе, а мы исполнять должны, если желаемъ душѣ своей спасенія, да вотъ силы-то наши никакъ этого не подымутъ..."

[1]) „Они"—это Петръ Васильевичъ Веригинъ Канадскіе духоборцы называютъ его также „хозяинъ", повелитель", „сами"

Эти искреннія слова старика лроизвели ошемляющее впечатлѣніе на слушателей; всѣ какъ-то отрадно вздохнули, точно что свалилось съ нихъ; всѣ заговорили о томъ, какъ жить должно и что старикъ говоритъ вѣрно. Но я замѣтилъ и недовольныя лица: „выдалъ ты, молъ, насъ, старина"—безмолвно говорили они.

Впослѣдствіи мнѣ не разъ пришлось убѣдиться въ совершенной справедливости словъ старика. Вообще, надо замѣтить, что намъ, на пути нашихъ очерковъ, еще не разъ придется возвращаться къ этому ключу— „они", растолковывающему и приводящему въ ясность многое изъ жизнидѣятельности духоборцевъ.

Само собой очевидно, что цементъ связавшій духоборческія частныя хозяйства въ общины, слишкомъ непроченъ, и онъ долженъ будетъ распасться подъ давленіемъ могучихъ факторовъ общаго экономическаго развитія страны.

Въ распадении духоборческихъ общинъ, совершающемся на нашихъ глазахъ, участвуютъ нѣсколько внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ. Одна изъ главныхъ причинъ этого распаденія,—какъ я уже сказалъ,—это весь историческій укладъ духоборческой жизни за послѣднія ¾ девятнадцаго столѣтія. Нравы и привычки, выработанные этимъ укладомъ, конечно, не могутъ быть пересилены временнымъ, вполнѣ понятнымъ религіознымъ подъемомъ духа и свойственнымъ сектантамъ упорствомъ, прямолинейностью и, если хотите, фанатизмомъ.

Заповѣдь, „люби ближняго" большинствомъ канадскихъ духоборцевъ понимается какъ филантропія, и поэтому постоянно приходилось слышать: „погодите, вотъ обзаведемся хозяйствомъ, будетъ у насъ и скотинка всякая, птицей разживемся, будетъ у насъ и молочко, и творожокъ, и сметанка, и маслицо и яичко, — вотъ

тогда и заживемъ по христіански, а то какіе же мы христіане, что и помочь ничѣмъ никому не можемъ?"

Такой чисто филантропическій вглядъ показываетъ намъ, что духоборцы, почерпнувъ изъ христіанскаго ученія принципы милосердія и помощи ближнему, не сумѣли, однако, примѣнить этого ученія, въ широкомъ смыслѣ слова, къ организаціи своего собственнаго общества. Послѣдствіемъ этого явилось то, что духоборцы совершенно не могутъ создать *прочной*, но свободной, „христіанской", общины, т. е. той общественной формы, которая, казалось бы, болѣе всего была бы подходяща для нихъ, какъ для людей открыто заявляющихъ, что они исповѣдуютъ *только христіанскій* законъ, только съ нимъ считаются, за него стоятъ, переносятъ гоненія и страданія и, наконецъ, уѣзжаютъ за океанъ изъ своего отечества, отъ родныхъ мѣстъ, отъ дорогихъ и священныхъ имъ могилъ.

Существующія же попытки коммунистической жизни у духоборцевъ, о которыхъ мы разсказывали выше, несомнѣнно, возникли подъ сильнымъ нравственнымъ давленіемъ ихъ руководителя.

Но эта форма жизни оказалась слишкомъ для нихъ высокою, не соотвѣтствующею той ступени соціально-экономическаго развитія, на которой стоитъ въ настоящее время это сильное племя русскаго народа. Духоборцы не могутъ въ ней развернуться и жить свободно, вольно, что называется—„во всю". Наоборотъ, чтобы сохранить эту коммунистическую форму жизни, которую они считаютъ вполнѣ и единственно угодною Богу, духоборцы должны все время вести сильную борьбу и съ своею „плотью" и другъ съ другомъ. Они должны все время поднимать себя и не давать проявляться тѣмъ сторонамъ своей натуры, которыя *на практикѣ* идутъ въ явный разрѣзъ *съ теоріей* ихъ жизни.

Мы не можемъ не относиться съ глубокимъ уваженіемъ къ этому постоянному стремленію къ лучшему образу жизни, къ той борьбѣ, часто омываемой мученическою кровью, которая такъ упорно велась и ведется еще частью духоборцевъ за принципы своего ученія и ихъ реализацію въ жизни. Но мы не можемъ также изъ нашего анализа выкинуть того общественно-историческаго наблюденія, которое съ подавляющею силой указываетъ намъ, что подобная сектантская геройская борьба и тѣсно связанное съ ней „нравственное совершенствованіе“, при прекращеніи гоненій и преслѣдованій со стороны господствующихъ классовъ и ихъ религій,—всегда начинаютъ ослабѣвать. Носители наиболѣе крайнихъ элементовъ ученія, мало-по-малу, теряютъ свою устойчивость, строгую опредѣленность и непреклонность; многіе объединявшіе раньше принципы совершенно забываются и исчезаютъ, и, наконецъ, когда-то могучій протестъ обращается въ безжизненную форму внѣшняго исполненія обряда.

Признаки такого прогрессивнаго ослабленія, несмотря на неожиданныя вспышки коммунистическихъ желаній,—какъ мы указали,—начинаютъ проявляться и у канадскихъ духоборцевъ.

Создать же другую, новую форму общественной жизни, болѣе подходящую къ ихъ ступени соціальнаго развитія, болѣе гармонирующую съ ихъ совѣстью, кромѣ какъ на христіанской основѣ, совершенно ужъ не свойственно духоборцамъ, такъ какъ духоборцы сами по себѣ не творцы новой жизни, а только протестанты противъ нѣкоторыхъ устарѣлыхъ сторонъ намъ современнаго порядка вещей. Я думаю, что духоборцы, въ большинствѣ случаевъ, не сумѣвъ реализировать и примѣнить къ жизни на полной свободѣ въ Канадѣ понятіе объ общественномъ устройствѣ, которое проповѣ-

дуется отчасти ихъ „Животной Книгой“ и въ особенности современнымъ ихъ руководителемъ съ приверженцами,—вернутся къ тому порядку, какъ учили ихъ дѣды, т. е. заживутъ отдѣльными частными хозяйствами, усовершенствовавъ ихъ на американскій манеръ; будутъ накоплять богатства, заниматься „для ради души спасенія“ широкою филантропіей; если это будетъ возможно, пропагандировать свое религіозное ученіе и замѣчательно стойко, организованно бороться противъ всякаго посягательства на ихъ обычаи, вѣру, обряды и всѣ прочія установленія.

Есть и еще внутренняя причина, которая пока играетъ малую роль, но будущность которой велика: она разлагаетъ не только духоборческія общины, но подтачиваетъ и самые коренные устои духоборческаго житья-бытья.

Еще въ 1899 г. (зимой) мнѣ пришлось быть знакомымъ съ нѣсколькими духоборцами, которые, хорошенько поразмысливъ, понаблюдавъ жизнь другихъ людей въ ссылкѣ и въ Канадѣ и кое-что почитавъ, пришли къ тому заключенію, что не нужно исполнять никакихъ обрядовъ, а стало быть и духоборческихъ; не нужно ходить на моленія, такъ какъ и это—обрядъ, и вообще убѣдились, что всѣ люди одинаковы, равны, что нѣтъ избранныхъ, какъ это они раньше думали о себѣ, и что „духоборчество“ само по себѣ—вовсе еще не „свобода“, а до большой степени—путы, и что можно жить гораздо болѣе свободною жизнью. Прозелиты этого новаго направленія были замѣчены и подвергнуты гоненію общественнаго мнѣнія, и въ настоящее время этимъ, можно сказать, дѣйствительно передовымъ людямъ изъ духоборцевъ, приходится выселяться изъ духоборческихъ поселковъ на фермы. Несомнѣнно, что съ развитіемъ у духоборцевъ истиннаго, свободнаго

просвѣщенія случаи подобнаго, весьма симпатичнаго „отпаденія" будутъ все учащаться и учащаться.

Среди духоборцевъ появились уже даже и обличители самого духоборчества. Среди нихъ особенно выдѣлялся молодой духоборецъ Зарубинъ, который дѣйствительно, велъ примѣрный образъ жизни. Онъ между прочемъ не пропускалъ ни одного удобнаго случая, чтобы не указать своимъ братьямъ, что они „утеряли сознаніе своихъ предковъ".

— Вы отказались креститься, а никто изъ васъ не сядетъ за̀ ѣду и не ляжетъ спать, не пошептавши молитву, поджавъ на животѣ руки... Не то ли самое дѣлаютъ тѣ, кого мы называемъ „кривославными"?..—не разъ говаривалъ Зарубинъ своимъ братьямъ, садясь съ ними обѣдать и не принимая участія въ ихъ общей молитвѣ.

Таковы главнѣйшія внутреннія причины разложенія духоборческихъ общинъ, въ частности, и духоборческихъ устоевъ вѣры, вообще.

Главнѣйшая внѣшняя причина — это жестокая нагайка англо-саксонской цивилизаціи. Весь окружающій духоборцевъ міръ идетъ противъ общинной жизни, и это обстоятельство не можетъ не отразиться на самихъ духоборцахъ и ихъ общественныхъ отношеніяхъ.

XXII.

Фермеры и духоборцы.

Если вы ѣдете по преріи, то встрѣчаете то тамъ, то здѣсь, одиноко стоящія фермы канадскихъ поселенцевъ. Фермеру нѣтъ никакого дѣла до чьихъ-либо интересовъ, кромѣ своихъ собственныхъ. Если напримѣръ взятый имъ гомстедъ какъ разъ пришелся на дорогѣ,

уже существующей можетъ-быть десятки лѣтъ, онъ никогда не оставитъ ее для проѣзда всѣхъ—какъ это дѣлаютъ духоборцы, — онъ первымъ долгомъ огородитъ весь свой участокъ колючею проволокой, перегородивъ и дорогу. Подъѣзжая къ нашей русской деревнѣ среди вольныхъ степей Канады, чувствуешь на сердцѣ отраду. Видишь, что здѣсь люди поселились для суровой борьбы и труда, и вмѣстѣ съ тѣмъ они не чужды общественной жизни. Но что радостно намъ, то часто совершенно непонятно и чуждо весьма корыстолюбивому канадцу, который на все смотритъ съ точки зрѣнія business'а, доллара. Вотъ почему на первыхъ порахъ часто бывали сцены по истинѣ интересныя между духоборцами и канадцами.

Стояли духоборцы лагеремъ на берегу Swan-River'а; дѣло было еще весной.

— Слышимъ мы, — добродушно разсказывали мнѣ духоборцы, — кричитъ кто-то за рѣчкой, а ледоходъ только прошелъ, и „Осланъ-ливеръ“ [1]) шумитъ, вздулся, широкій сталъ. Пошли къ парому, смотримъ, стоитъ на томъ берегу англикъ у самой воды; на спускѣ повозка парня, а на ней сидитъ женщина и нѣсколько ребятишекъ. Кричитъ намъ англикъ, а что—мы не поймемъ. Показываетъ на воду: „глубоко, молъ, аль нѣтъ?“, броду проситъ; а какой тамъ бродъ, — на броду вода двѣ сажени, а тутъ такая глыбь, только держись... Мы ему по своему закричали, нѣтъ, молъ, стой; понялъ, нѣтъ ли, кто жъ его знаетъ? только, видимъ, стоитъ, сердится, руками машетъ, а лошадей не трогаетъ. Мы отвязали паромъ; паромъ маленькій; поплыли на тотъ берегъ, — вода рветъ, крутитъ, ажъ страшно. А у насъ только что, нѣсколько дней ранѣе, потопъ былъ, па-

[1]) Такъ духоборцы зовутъ рѣчку Swan-River

ромъ опрокинулся, люди попадали, кое-какъ изъ воды повылѣзли, а дѣвка одна, большая Сухорукова дочь, утонула, такъ и не нашли... Переплыли это мы, людей сначала перевезли; потомъ поплыли за лошадьми, а потомъ за фургономъ; часа два возились. Какъ фургонъ перевезли — запрягли ему лошадей, а онъ, любошный, продрогъ, трясется, на насъ посматриваетъ. Достаетъ бумажникъ, вынимаетъ два рубля (доллара); мы это ему руками машемъ,—не надо, молъ, намъ денегъ, а перевезти, — почему не перевезти, — человѣку всегда помощь надо дать. А онъ, сердяга, не понимаетъ. Посмотрѣлъ это на насъ, забормоталъ что-то, никакъ мы его не поймемъ; кабы по нашему, а то Богъ его знаетъ, что за языкъ, кабыть и подходитъ къ татарскому, а, смотришь, ничуть не примѣтный... Достаетъ это онъ пять рублей. Мы опять машемъ, — не надо, молъ, оставь пожалуйста, спаси васъ Господи, и поклонились мы ему. Онъ посмотрѣлъ на насъ, опять что-то сказалъ по своему, — ну вотъ ни слова не поймешь, — досталъ десять рублей, подаетъ намъ; ну мы опять ему свое. Тогда досталъ двадцать, — мы машемъ ему рукой. Испугался онъ, обернулся къ своимъ, сказалъ что-то, хозяйка-то его съ дѣтьми какъ заголосятъ, поприжались другъ къ дружкѣ, а онъ суетъ намъ весь бумажникъ. Видимъ мы, не сговориться намъ съ нимъ, взялъ я его за рукавъ а другой нашъ—лошадей и повели мы ихъ къ переводчику. Идетъ онъ, еле ступаетъ. Пришли мы къ переводчику и говоримъ, объясни ты ему, Павелъ, что ничего намъ за перевозъ не нужно, а вотъ если прозябъ онъ, пусть къ печкѣ садится съ своимъ семействомъ. А потомъ и повечеряемъ... Какъ сказалъ ему Павелъ, какъ началъ англикъ хохотать, такъ просто покраснѣлъ, какъ буракъ, а Павелъ и говоритъ намъ: вѣдь онъ думалъ, что вы все были не-

довольны, все мало вамъ было; думалъ, вы все отъ него заберете.

Такихъ случаевъ было довольно много на первыхъ порахъ. Но потомъ *нѣкоторые* изъ духоборцевъ, видя, что здѣсь въ Канадѣ все оцѣнивается на деньги, стали забывать долгъ гостепріимства, освященный и укрѣпленный ихъ собственною религіей; а болѣе практичные изъ нихъ стали изъ всѣхъ подобныхъ случаевъ извлекать выгоды и брать и за перевозъ, и за ночевку.

Но *въ массѣ* духоборцы своимъ безкорыстіемъ удивляли англичанъ, которые называли духоборцевъ „страннымъ народомъ".

Среди англичанъ находилось много и такихъ, которые просто глумились надъ духоборцами, въ особенности это случалось на работахъ, гдѣ иногда духоборцевъ, положительно, изводили: плевали въ кашу, въ чай, не давали спать, клали въ супъ мясо и пр. и пр. Дѣлалось это для того, чтобы вызвать со стороны духоборцевъ сопротивленіе. Но духоборцы, вѣрные закону „не противься злому насиліемъ", съ внѣшнимъ смиреніемъ переносили все это, возмущаясь и негодуя въ разговорахъ. Многихъ все это очень сильно озлобило противъ англичанъ.

— Мы-то думали, что въ Канадіи никакихъ безобразій нѣтъ, а тутъ на тебѣ, другой разъ хуже, чѣмъ на Кавказѣ.

Многіе изъ духоборческой молодежи сломились и стали подчиняться почти-что требованіямъ „англиковъ". Одни, работая вмѣстѣ съ англичанами, стали ѣсть мясо, многіе смѣнили свой нарядъ на англійскій. Смѣнивъ же свой исконный и традиціоный костюмъ на цивильное англійское платье, духоборческая молодежь совершила изъ ряда вонъ выдающійся поступокъ, такъ какъ это дѣйствіе

является прямымъ показателемъ отступничества отъ обычаевъ духоборчества. Правовѣрные духоборцы чрезвычайно цѣнятъ свой нарядъ, который рѣзко отличаетъ ихъ отъ другихъ людей, и они обыкновенно не рѣшаются его мѣнять безъ особенно крайней нужды. Многіе же изъ духоборческой молодежи, вернувшейся съ работъ, одѣлись не только въ канадскія рабочія блузы и пиджаки, но купили и праздничныя пары. Вообще, надо сказать, что молодежь, побывавшая въ Канадѣ на отхожихъ заработкахъ и немного уже научившаяся англійскому языку, вернулась домой сильно измѣнимшеюся. Старики не разъ говорили мнѣ: „не узнаемъ мы своихъ ребятъ: тѣ, да не тѣ".

Идеалистично настроенные вожаки духоборцевъ, видя, что старые нравы начинаютъ шататься, съ жаромъ хватались за все, что хоть сколько-нибудь можетъ направить духоборцевъ „на путь истинный".

Это особенно ясно было замѣтно во время обсужденія „старичками" сѣвернаго участка іорктонскаго района, плана устройства кооперативной лавки на средства А. Н. Коншина пожертвовавшаго на это дѣло 2,000 долларовъ.

На сѣверномъ участкѣ по этому поводу была собрана съѣздка, и послѣ того, какъ „старички" подробно ознакомились съ идеей, смысломъ и выгодностью этого предпріятія, съѣздка сейчасъ же порѣшила устроить кооперативную лавку, поручивъ это дѣло избранному на этой же съѣздкѣ особому участковому комитету.

Устройство „комитетовъ" было вызвано самою жизнью, такъ какъ съ каждымъ днемъ прибавлялось общественныхъ дѣлъ, а вести ихъ было некому. До этого времени всю переписку, закупку провіанта, подряды на работы и проч. и проч. вели и производили друзья духоборцевъ, но этотъ временный порядокъ, годный для горя-

чаго времени переселенія, казался большинству изъ насъ, жившихъ съ духоборцами, совершенно напригоднымъ для дальнѣйшаго ихъ существованія, когда они мало-по-малу стали переходить изъ разряда переселенцевъ на положеніе осѣвшихъ на землю земледѣльцевъ. Намъ казалось необходимымъ передать всѣ дѣла въ въ руки самихъ духоборцевъ, и мы были увѣрены, что этотъ прекрасно организованный народъ великолѣпно справится съ задачею самоуправленія въ еще мало знакомой имъ странѣ, тѣмъ болѣе, что въ первое время выборнымъ отъ духоборцевъ будутъ помогать живущіе съ ними друзья.

Сотрудникъ селенія Каменка, А. Бодянскій, пріѣхавшій въ Канаду послѣ переселенія духоборцевъ и помогавшій имъ въ различныхъ дѣлахъ, написалъ воззваніе къ духоборцамъ, которое было разослано во всѣ селенія южнаго участка [1]).

Вотъ его текстъ:

„Братья! Многіе изъ насъ недовольны, что нѣтъ порядка въ нашей общественной жизни. Многіе ропщутъ. Одни говорятъ, что милость неправильно раздѣляется, другіе жалуются, что не знаютъ, къ кому обратиться, чтобы нужному дѣлу дать толкъ, третьи разсказываютъ, что въ ихъ общинахъ неустойка.

Братья! У кого порядокъ въ душѣ, тотъ будетъ наблюдать и въ жизни порядокъ.

Братья, постараемся установить и наблюдать порядокъ въ нашей общественной жизни. А для этого давайте, братья, выберемъ въ каждой нашей общинѣ по одному *полномочному*. Не для начальства надъ нами слѣдуетъ намъ выбрать полномочныхъ, а для порядка,

---

[1]) На сѣверномъ участкѣ это воззваніе было прочитано на общей съѣздкѣ.

чтобы ѣздили на съѣздки, чтобы заявляли нужное и желанія своихъ общинъ, отчеты и всякія свѣдѣнія для общины получали, своихъ общинъ касающіяся, на съѣздкахъ разбирали и рѣшали. Потомъ, когда полномочные будутъ выбраны, пусть они собираются въ съѣздъ, въ воскресенье 29 числа [1]), въ зимніе бараки, что около села Благодареновки; на этомъ съѣздѣ пусть наши полномочные назначатъ трехъ консуловъ: одного отъ общинъ на Лиманѣ, другого отъ общинъ Бѣлой рѣчки и третьяго отъ 13 южныхъ общинъ. И пусть назначаютъ такихъ консуловъ, которые могли бы жить постоянно въ Іорктонѣ и умѣли бы вести письменную и счетную работу. Эти консулы будутъ управлять нашею конторой, а въ конторѣ нашей будутъ производиться слѣдующія дѣла:

1) Сношенія съ правительственными учрежденіями и частными лицами отъ имени всѣхъ нашихъ общинъ.

2) Продажа и покупка всякихъ товаровъ и матеріаловъ по указанію съѣзда общинъ и отдѣльныхъ духоборцовъ.

3) Завѣдываніе деньгами и имуществомъ, которыя будутъ принадлежать всѣмъ нашимъ общинамъ.

Когда будутъ у насъ свои консулы и контора, тогда мы будемъ сами себѣ хозяевами, о чемъ и объявимъ въ газетахъ.

Сотрудникъ общества села Каменки *Александръ Бодянскій*".

Сѣверный участокъ сейчасъ же присоединился къ этому воззванію, выбралъ по одному представителю отъ каждой деревни, а изъ нихъ—трехъ въ комитетъ. Комитету сейчасъ же были сданы всѣ дѣла и бумаги.

На южномъ участкѣ дѣло пошло не такъ гладко, и

[1]) Октябрь 1899 г. *Прим. В. Б. Б.*

на первыхъ порахъ къ организацiи присоединились только 13 селъ, такъ называемыя „Кипрскiя“, которыя и избрали представителей и комитетъ.

Дѣлу этой организацiи на съѣздкѣ южнаго участка сильно помѣшали представители общинъ, хранители „закона“.

Между ними особенно выдѣлялся добрый старикъ Ѳедя Невокшеновъ, пользующiйся влiянiемъ среди духоборцевъ, какъ страстный приверженецъ старины и постановленiй Петра Веригина. Онъ явился на съѣздку и ни въ коемъ случаѣ не соглашался на такое новшество. На всѣ вопросы онъ все время упрямо отвѣчалъ одно и то же. „Не законъ. Какъ мы есть христiане, отъ старшинъ отказались, и старшинъ намъ не нужно.“ Когда ему разъясняли, что здѣсь старшинъ никакихъ и нѣтъ, что предлагаютъ такъ устроиться для общаго удобства, онъ ничего и слушать не хотѣлъ, все твердя одно и то же. Его поддержали другiе „хранители закона“, и къ общему рѣшенiю съѣздка такъ и не пришла. Впрочемъ, комитетъ *фактически* вскорѣ былъ признанъ и другими, такъ какъ почти всѣ пользовались его услугами, но ясно было видно, что эта организацiя долго не устоитъ на южномъ участкѣ, такъ какъ ей есть сильная оппозицiя и она оказалась чуждою по духу большинству южанъ.

Очень интересно отмѣтить тотъ фактъ, что всѣ тѣ деревни, которыя были въ ссылкѣ по ауламъ на Кавказѣ, благодаря чему пришли въ соприкосновенiе со многими людьми различныхъ слоевъ общества и народа,—въ Канадѣ быстро поняли выгодность и смыслъ такой организацiи и присоединились къ ней.

Въ то время, какъ на сѣверномъ участкѣ комитетъ все больше и больше развивалъ свою дѣятельность и приносилъ большую пользу всѣмъ духоборцамъ-сѣве-

рянамъ своей кооперативной лавкой, на южномъ участкѣ недовольное большинство взяло перевѣсъ, и къ веснѣ 1900 г. комитетъ этого района, вмѣстѣ съ кооперативною лавкой, почти-что уничтожился.

Вотъ что писалъ мнѣ А. М. Бодянскій отъ 14 апрѣля 1900 г.: „Изъ общественной духоборческой жизни отмѣчу слѣдующіе факты. Во время нашего отсутствія изъ Канады [1]) были выбраны вмѣсто Потапова и Борисова новые консулы, несомнѣнно люди честные, но довольно неспособные: Федоръ Дутовъ—аскетическаго направленія жизни, и Алексѣй (фамилію забылъ)—человѣкъ вообще безцвѣтный. Оба изъ Орловскихъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства и разныхъ наговоровъ, я охотно поспѣшилъ передать имъ всѣ комитетскія дѣла. Послѣ этого пошла большая неурядица, которая, однако, закончилась всеобщимъ удовлетвореніемъ, когда общественный капиталъ былъ раздѣленъ подушно, а заведенныя мною библіотека и аптека—разобраны."

„Мнѣ кажется, — прибавляетъ къ этому сообщенію А. М. Бодянскій,—что у духоборцевъ со временемъ все будетъ: и библіотека, и аптека, и многое другое, но только тогда, когда иниціаторами этого явятся люди изъ ихъ среды, побуждаемые къ такой иниціативѣ опытомъ жизни. А сторонняя иниціатива имъ ничего не даетъ. Нѣтъ болѣе замкнутой среды, какъ среда духоборцевъ."

Мнѣ лично пришлось особенно близко наблюдать комитетъ сѣвернаго участка, хорошо знать его дѣятельность, а потому я и разскажу о немъ болѣе подробно.

Въ комитетъ сѣвернаго участка были выбраны: Николай Зибаровъ, Ермолай Лежебоковъ и Григорій Ка-

[1]) Бодянскій и еще два духоборца ѣздили, по иниціативѣ г. Тверского, осматривать Калифорнію которая представляетъ очень удобный рынокъ для рабочихъ. По веснѣ 1900 г. небольшая часть духоборцевъ поѣхала туда на заработки.

ныгинъ. Главнымъ дѣятелемъ комитета выступилъ Зибаровъ.

Прежде всего рѣшено было построить возлѣ городка Swan-River'а амбаръ для продуктовъ, конюшни для лошадей, пріѣзжающихъ за мукой духоборцевъ, и общественный домъ для ночевки. Сейчасъ же были отряжены люди съ каждаго селенія, и черезъ нѣсколько дней все было уже готово. Кромѣ того, комитетъ предложилъ селеніямъ выслать шестьдесятъ человѣкъ на починку дороги до городка.

Въ складъ вскорѣ прибыли мука, соль, капуста, картошка, лукъ, кукуруза, масло и другіе продукты, закупленные какъ на средства квакеровъ, такъ и, въ особенности, на средства А. Н. Коншина, который пожертвовалъ 2,000 долларовъ. Изъ склада духоборцамъ все отпускали за деньги, а у кого не было денегъ, то въ долгъ, на запись въ книжку.

Дѣло склада сильно оживило духоборцевъ: много говорилось и за, и противъ, но когда вдругъ пришло время, что мельница не успѣла выслать хлѣба, а въ кооперативномъ амбарѣ оказался запасъ въ шестьсотъ мѣшковъ муки и когда всѣ деревни сѣвернаго участка могли просуществовать на этомъ хлѣбѣ до прибытія новой партіи, — всѣ въ одинъ голосъ поняли, что значитъ такой амбаръ. Какъ только партія муки была получена, каждое село немедленно вернуло въ запасный магазинъ ту долю, которую оно взяло; нѣкоторыя же заплатили за муку деньгами.

Вскорѣ всѣ воочію еще болѣе ясно убѣдились въ цѣлесообразности такого учрежденія.

До сего времени духоборцы должны были каждую мелочь покупать въ городкѣ, платя за все въ три-дорога. Николай Зибаровъ, сильно увлекшійся идеей кооператива, поѣхалъ за свой страхъ и рискъ въ Вини-

пегъ и закупилъ различный товаръ частью на деньги своей общины, частью въ долгъ. Привезя этотъ товаръ въ свою общину, онъ объявилъ по всѣмъ селамъ, что въ такую-то недѣлю общественная лавка будетъ распродавать этотъ товаръ. Въ назначенное время духоборцы пришли изъ всѣхъ селъ и были пріятно удивлены, найдя у Николы положительно все, что только было нужно, и при томъ все лучшаго качества и гораздо дешевле, чѣмъ раньше покупали они въ городѣ. Здѣсь были пилы, топоры, весь плотничій инструментъ, желѣзныя печки, керосинъ, сахаръ, подошва, кожа, сапоги, поддѣльный барашекъ на шапки, теплыя перчатки, чернила, перья, бумага, конверты, карандаши, ручки — вообще все-все, что могло понадобиться духоборкѣ или духоборцу въ хозяйствѣ. Разница въ цѣнахъ была громадная. Такъ напримѣръ за бочку керосина — вмѣсто 17 долларовъ 50 центовъ (цѣна въ городѣ Swan-River) — въ общественной лавкѣ платили 13 долларовъ 50 центовъ. Сахаръ былъ дешевле на 2 цента на фунтъ; ситецъ тоже, и даже лучшаго качества, тѣхъ же цвѣтовъ, что и въ городѣ, — дешевле на 2, 4, 6, и даже 8 центовъ на ярдъ и т. д.

Въ одну недѣлю все было раскуплено, и тутъ-то всѣ окончательно убѣдились, какая польза отъ такой лавки и что могутъ сдѣлать 600 долларовъ, положенные въ основной капиталъ ея, если ихъ съ умомъ и постоянно пускать въ оборотъ. Лавочники города Swan-River'а очень были смущены тѣмъ, что духоборцы завели у себя лавку, такъ какъ они вполнѣ расчитывали на сбытъ своихъ товаровъ именно не кому-либо иному, какъ духоборцамъ. Цѣны на нѣкоторые товары въ Swan-River'ѣ сейчасъ же упали.

Многіе изъ духоборцевъ-сѣверянъ очень радовались такому ходу дѣла и говорили, что они теперь

ясно видятъ, что начало общественному капиталу положено, „столбъ поставленъ“, и теперь надо его только поддерживать, чтобы не упалъ.

Какъ разъ въ это время въ комитетѣ произошелъ меленькій, но очень принципіально важный и характерный инциндентъ. Ермолай Лежебоковъ, — очень самовластный, честолюбивый старикъ,—почувствовалъ почву подъ ногами и хотя относительную, но все-таки власть въ своихъ рукахъ и въ отсутствіе Зибарова, сталъ разсылать „приказы“ по селеніямъ, напримѣръ такого содержанія:

Приказъ.

Покровскимъ, Спасовскимъ, Любомировскимъ, Страдневскимъ, Богдановскимъ, Освобожденскимъ выборнымъ.

Немедленно собрать въ каждомъ селеніи сходъ, об совѣтовать на счетъ земли, гдѣ какое селеніе оснуется, на какомъ тауншипѣ и переписать по фамиліи, то есть всѣхъ, кто достигъ семнадцати лѣтъ, такъ какъ мы получили письма отъ Макриды [1]), въ которомъ онъ говоритъ немедленно назначить мѣсто поселенія, а то иначе обрежутъ землю тамъ, гдѣ сейчасъ кто сидитъ. Сей приказъ передавать изъ селенія въ селеніе немедленно безъ задержки. Съѣздка о землѣ будетъ собрана по приказу, и мы своевременно вытребуемъ васъ на нее.

Члены Комитета *Ермолай Лежебоковъ.*
Григорій Каньшинъ.

23-го Ноября
1899 г.
Селеніе Михайловка.

[1]) Начальникъ Эмигрантскаго бюро въ Виннипегѣ. г. Макъ-Крири.

Такіе приказы, писавшіеся въ прежней кавказской формѣ, многимъ духоборцамъ въ Канадѣ не понравились, а мнѣ невольно пришло въ голову, какъ бы изъ этихъ нашихъ комитетовъ не произошло бѣды. Мнѣ представилось, что въ комитетѣ сосредоточатся всѣ общественныя нити, связывающія духоборцевъ съ внѣшнимъ міромъ; комитетчики все будутъ держать въ своихъ рукахъ, ознакомятся со всѣми мѣстными порядками и, въ концѣ концовъ, такіе властные люди, какъ Ермоша Лежебоковъ, начнутъ командовать и разыгрывать изъ себя роль мѣстныхъ царьковъ. Эта перспектива перехода изъ огня да въ полымя взволновала меня, и я счелъ своею обязанностью написать письмо на съѣздку, разъясняя смыслъ появленія „приказовъ" и что изъ этого можетъ выйти. Мое письмо, какъ оказалось, отвѣчало настроенію большинства. На этой же съѣздкѣ было рѣшено разъ и навсегда перемѣнить форму письменнаго обращенія и никому не писать „приказовъ", а разсылать по деревнямъ „просьбы" отъ комитета, а для того, чтобы не могла укрѣпиться власть, рѣшено было, что никто не можетъ быть въ комитетѣ болѣе полгода. На шестой мѣсяцъ въ комитетъ вступаютъ новыхъ три члена; имъ передаются въ теченіе мѣсяца всѣ дѣла и связи. По прошествіи шестого мѣсяца, старый комитетъ совершенно слагаетъ съ себя свои обязанности. Такимъ образомъ, черезъ комитетъ должно пройти все взрослое мужское населеніе участка.

— Мы уже учены,—говорили мнѣ послѣ духоборцы,— вонъ у насъ на старинѣ Зубковъ двадцать пять лѣтъ за старшину ходилъ, со всѣми спознался, всѣхъ облюбовалъ, со всѣми другъ-пріятель. А какъ пошелъ противъ міра, съ нимъ никто совладать и не можетъ. Его всѣ знаютъ, всѣ принимаютъ, генералы съ собой чай пить сажаютъ; а онъ тоже не промахъ — всѣхъ уго-

щаетъ, нашими же деньгами всѣхъ одѣляетъ. А ты что? Куда ни пойдешь, никто намъ не вѣритъ, никто насъ не принимаетъ и слушать не хотятъ. Такъ вотъ какъ мы все это помнимъ, такъ теперь насъ ужъ и не проведешь. Вотъ мы и завели такой порядокъ: шесть мѣсяцевъ походилъ, послужилъ обществу, а потомъ и иди на покой.

Нельзя не согласиться, что этотъ порядокъ наиболѣе охранитъ духоборцевъ отъ посягательствъ на власть тѣхъ или иныхъ изъ ихъ же „братьевъ".

XXXIII.

Условія, на которыхъ духоборцы были поселены въ Канадѣ.

Духоборцы были поселены въ Канадѣ на слѣдующихъ условіяхъ: каждый мужчина, достигшій 17 лѣтъ [1]), или вдова имѣли право занять свободный, принадлежащій правительству, гомстэдъ (Homstead).

Гомстэдъ равняется 160 акрамъ, т.-е. около 53 десятинамъ, и представляетъ изъ себя квадратикъ, сторона котораго равна $^1/_4$ мили. Такой квадратикъ составляетъ четвертую часть бòльшаго квадрата, называемаго section (секція). Section, въ свою очередь является $^1/_{36}$ частью самого большого, шестимильнаго квадрата, называемаго tawnship (тауншипъ). Такъ что 1 тауншипъ = 36 секціямъ = 144 гомстэдамъ. На такіе-то квадратики и разбита вся земля въ Канадѣ.

[1]) По канадскимъ законамъ предѣльный низшій возрастъ опредѣляется 18 годами, но для духоборцевъ было сдѣлано исключеніе, и правительство разрѣшило всѣмъ семнадцатилѣтнимъ парнямъ записать на себя гомстэдъ, мотивируя эту льготу тѣмъ, что. пока духоборцы устроятся, послѣ взятія участковъ пройдетъ не менѣе года.

Необходимо здѣсь замѣтить, что эти квадраты называются тауншипами только въ просторѣчіи. На самомъ же дѣлѣ тауншипами называются *полосы* земли, въ шесть миль шириною каждая, идущія черезъ всю Канаду съ востока на западъ. Всѣ эти полосы занумерованы, и счетъ имъ ведется съ юга на сѣверъ, при чемъ нумерація идетъ съ номера перваго до тридцать четвертаго; послѣ тридцать четвертаго нумерація опять начинается съ перваго номера.

Съ сѣвера на югъ черезъ всю Канаду тянутся другія полосы, тоже въ шесть миль ширины каждая. Онѣ называются range (ренжъ). Каждый ренжъ занумеровывается такъ же, какъ и тауншипъ, но счетъ имъ ведется съ востока къ западу. Эти перпендикулярныя полосы въ своемъ пересѣченіи даютъ квадраты, за которыми, какъ мы уже сказали выше, усвоилось названіе тауншиповъ.

Всѣ sections, *разъ онѣ заселены*, отдѣляются одна отъ другой полевыми дорогами и просѣками, при чемъ дороги и просѣки, въ направленіи съ сѣвера на югъ, идутъ по краямъ каждой section, а съ запада на востокъ — черезъ одну. Тауншипы раздѣлены большими дорогами.

Для наглядности мы предлагаемъ вниманію читателя планъ такого тауншипа.

Въ каждомъ тауншипѣ правительству принадлежатъ всѣ четныя секціи, а всѣ нечетныя—собственность желѣзнодорожныхъ компаній, за исключеніемъ №№ 11 и 29, которыя оставлены правительствомъ подъ школы. Изъ четныхъ, № 8 и три четверти № 26 въ каждомъ тауншипѣ принадлежатъ Hudson bay Company.

Занявши гомстэдъ, необходимо выполнить нѣкоторыя условія, чтобы оставить навсегда его за собой: 1) въ теченіе трехъ лѣтъ работать на занятомъ участкѣ не

менѣе шести мѣсяцевъ въ году; 2) въ теченіе трехъ лѣтъ фермеръ долженъ обработать не менѣе 30 акровъ земли, или имѣть не менѣе 40 штукъ крупнаго скота, или возвести постройки для какого-либо предпріятія (сыроварня, маслобойня, мельница и пр.). Выполнивши эти два необходимыхъ условія, занявшій гомстэдъ поселенецъ обязанъ сдѣлать entry—заявку [1]), т.-е. внести 10 долларовъ (20 руб.) и получить *патентъ* на свой участокъ.

31	32	33	34	35	36
30	Школьная 29 секція.	28	27	Г. Б.[2]) 26 секція.	25
19	20	21	22	23	24
18	17	16	15	14	13
7	Г. Б.[2] 8	9	10	Школьная 11 секція.	12
6	5	4	3	2	1

[1]) Заявку можно сдѣлать и раньше; фермеры большею частью дѣлаютъ ее сейчасъ же, какъ только выберутъ землю.

[2]) Г. Б.—это секціи, принадлежащія „Hudson bay Gompany"—громадной торговой фирмѣ—„Компаніи Гудзонова залива", ведущей торговлю по всей Канадѣ.

Если на занимаемомъ гомстэдѣ сидѣлъ кто-либо раньше и тамъ есть уже обработанная земля, то за патентъ платятъ дороже 10 долларовъ, (иногда 12, 15, 18 долл. и дороже), смотря по количеству ранѣе обработанной земли.

Получить патентъ—это еще не значитъ пріобрѣсти землю въ свою полную собственность; это значитъ обезпечить за собой *право наслѣдственнаго пользованія*. Десять же долларовъ платится для покрытія правительственныхъ расходовъ по поземельному устройству (межеваніе, содержаніе иммигрантскихъ домовъ и бюро, содержаніе land office и т. п.).

Желающіе могутъ покупать землю въ вѣчную собственность. Правительство продаетъ свои земли обыкновенно по 2—3 доллара за акръ, но иногда много дешевле и много дороже, въ зависимости отъ качества почвы, мѣстоположенія, рудныхъ богатствъ и др. Точно также можно пріобрѣтать землю у компаній желѣзныхъ дорогъ и у Hudson bay Company. Цѣны этихъ земель всегда значительно выше казенныхъ, и колебаніе ихъ весьма различно.

Закладывать землю въ кредитныхъ учрежденіяхъ можно только послѣ ея окончательной покупки; или же при сдѣлкѣ съ частнымъ заимодавцемъ должно быть заключено особое условіе, гарантированное правительствомъ, что въ случаѣ неуплаты долга земля должника, со всѣмъ недвижимымъ имуществомъ, переходитъ въ пользованіе заимодавца. При такой операціи обыкновенно entry оплачивается заимодавцемъ, а самая запись выдается на имя дѣйствительнаго владѣльца земли. Правительство наблюдаетъ, чтобы заимодавцы не брали высокихъ процентовъ, и—какъ это было съ духоборцами, которые именно на этихъ условіяхъ искали капиталъ въ 100.000 долларовъ—не допускаетъ сдѣлку, разъ оно

находитъ условія тяжелыми для поселенцевъ. Въ случаѣ съ духоборцами правительство дважды отказало канадскимъ капиталистамъ потому, что они требовали одинъ разъ 8, а другой разъ 7 процентовъ [1]). Канадское же правитетьство находило возможнымъ утвердить заемъ только при 6%. Надо замѣтить, что правительство вообще старается устранять подобные займы, и, насколько мнѣ извѣстно, духоборцамъ первымъ была разрѣшена такая операція, въ виду ихъ особенно затруднительнаго положенія, въ первый годъ поселенія, но заемъ такъ и не состоялся. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ была оказана подобная помощь переселившимся въ Канаду менонитамъ, но этотъ заемъ былъ не частный, а правительственный.

Если въ гомстэдѣ есть сплошной лѣсъ или лугъ въ 25 акровъ по площади, то его, по закону, занимать нельзя; занять такой участокъ можно только въ томъ случаѣ, если никто изъ сосѣдей не протестуетъ. Но это случается только въ очень глухихъ мѣстахъ, такъ какъ въ болѣе или менѣе населенныхъ, интересы пришельца сейчасъ же столкнутся съ интересами ранѣе поселившихся въ окрестностяхъ фермеровъ, такъ какъ лугъ или лѣсъ въ 25 акровъ,—разъ онъ будетъ казенный, — находится въ общественномъ пользованіи сосѣднихъ фермеровъ. Если же ихъ кто-либо займетъ въ свое личное владѣніе, тогда это неоспоримое удобство исчезаетъ; вотъ почему чрезвычайно рѣдки случаи занятія такихъ обширныхъ луговъ въ лѣсной мѣстности и большихъ лѣсовъ въ степной однимъ поселенцемъ. Пользованіе казенными лѣсами, а также лѣсами на школьныхъ участ-

[1]) Весьма понятно, что духоборцамъ, привыкшимъ къ русскимъ условіямъ крестьянскаго кредита, 8—7%, могло казаться очень дешевымъ кредитомъ.

кахъ—свободное, въ той мѣрѣ, въ какой это нужно для необходимыхъ домашнихъ построекъ [1]) и отопленія жилища. Разъ постройки возведены, то фермеръ обязанъ брать разрѣшеніе въ land offce на каждую значительную порубку. Такія разрѣшенія обыкновенно выдаются, и за нихъ взимается крайне незначительная пошлина. Также казенные лѣса иногда сдаются въ аренду подъ лѣсопильни.

Фермеръ можетъ покинуть свою землю, когда онъ только захочетъ. Но если онъ не выполняетъ двухъ вышеприведенныхъ условій, то правительство можетъ потребовать отъ него удалиться съ занятаго имъ гомстэда, предупредивъ его за 30 дней. Фермеръ долженъ будетъ или выполнить за это время необходимыя условія, или уйти съ занятаго имъ участка.

Въ Канадскихъ преріяхъ есть особый видъ фермеровъ, которые называются squatter (сквотэръ), они всегда садятся на землю безъ всякаго освѣдомленія, чья она, занята или нѣтъ; большинство изъ нихъ скотоводы. Если та земля, гдѣ осѣлъ сквотэръ, кому-либо принадлежитъ или если правительство захочетъ отдать ее въ чье-либо пользованіе или владѣніе, то сквотэра необходимо также предупредить, и черезъ 30 дней онъ будетъ, по закону, обязанъ удалиться съ занятаго имъ мѣста.

Косить можно всѣ казенные сѣнокосы, при чемъ наблюдается правило перваго захвата; но „первый захватъ"—это только обычай. Его можно спокойно нарушить и устранить, если въ рукахъ имѣешь такъ называемый permit, т.-е. позволеніе отъ мѣстнаго земельнаго управленія (land office) косить въ такомъ-то таунщипѣ, въ такой-то секціи, столько-то возовъ сѣна. Ку-

[1]) По закону, каждый поселенецъ изъ казеннаго лѣса можетъ выстроить себѣ домъ для жилья, двѣ конюшни и сарай.

пившій такое разрѣшеніе имѣетъ преимущество передъ всѣми тѣми, кого бы онъ ни встрѣтилъ на этихъ сѣнокосахъ.

Весьма оригинально законодательство въ сѣверо-западной Канадѣ, касающееся скотоводства. Скоту дается полная свобода; его можно гнать, и на волѣ онъ можетъ ходить, гдѣ только хочетъ. Если фермеръ желаетъ уберечь свои посѣвы, огороды, скирды сѣна и хлѣба, то онъ долженъ огородить свои владѣнія. Если же не огородитъ, то это его вина, и за потраву хозяинъ потравленнаго не можетъ ничего ни съ кого взыскивать. Если скотъ, проходя мимо фермы, попадетъ въ колодецъ или въ какія-либо выкопанныя ямы, то за него отвѣчаетъ владѣлецъ фермы. Если скотина объѣстся овса, ячменя и пр. на полѣ фермера и издохнетъ, то за нее отвѣчаетъ передъ скотоводомъ владѣлецъ поля. Если скотина забредетъ на линію желѣзной дороги и будетъ раздавлена или изувѣчена, то компанія должна будетъ уплатить скотоводу или фермеру стоимость задавленной или испорченной скотины. Никакой фермеръ не можетъ отказать напоить въ его колодцѣ прогоняемый скотъ.

Въ западной части Канады, въ такъ называемой North West Tiritories податей нѣтъ никакихъ, кромѣ уплаты за entry или permit; есть лишь такъ называемая дорожная повинность, по которой каждый, принявшій гомстэдъ, обязанъ по совѣсти проработать не меньше двухъ лѣтнихъ дней въ году на грунтовыхъ дорогахъ, соединяющихъ поселки и фермы. Если фермеръ богатъ, то эта повинность увеличивается до 3, 4 и больше дней въ году, по усмотрѣнію мѣстныхъ властей.

Въ преріи есть также свои обычаи. Такъ, напримѣръ, свято чтится и строго преслѣдуется обычай ничего не поднимать на дорогѣ, если точно не знаешь,

кому принадлежитъ потерянная вещь. Вещь можно только положить съ боку дороги. Этотъ обычай вкоренился въ силу необходимости, такъ какъ по веснѣ, въ дождливую погоду и пр. фермеру нерѣдко приходится облегчать свой возъ, скидывая кладь возлѣ дороги, и эта общая нужда выработала соотвѣтствующій обычай. Уличеннаго нарушителя нерѣдко преслѣдуютъ судомъ Линча.

Кстати коснемся и законоположеній по школьному вопросу. Если поселенцы строятъ и содержатъ школы исключительно на свой счетъ, то правительство совершенно не вмѣшивается въ устройство и систему преподаванія въ школѣ. Если же строители школы получаютъ помощь отъ правительства въ размѣрѣ до 70% содержанія учителя, то тогда правительство ставитъ свои условія, напримѣръ: обязательный тотъ или другой дипломъ учителя; преподаванie англійскаго языка и т. п., при чемъ въ такую школу учебники присылаются изъ министерства народнаго просвѣщенія.

На школьныхъ секціяхъ строятся правительственныя школы. Иногда эти школьныя участки, если они не нужны въ данной мѣстности подъ школу, продаются правительствомъ, обыкновенно по болѣе высокой цѣнѣ, вырученныя деньги присоединяются къ капиталамъ, ассигнованнымъ на школы.

Таковы общія условія занятія земель поселенцами въ Канадѣ, съ которыми приходилось считаться духоборцамъ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что правительство выхлопотало для духоборцевъ очень важную льготу. Такъ какъ духоборцы въ большинствѣ рѣшили селиться не фермами, а селеніями, то, по ихъ просьбѣ, правительство вошло въ соглашеніе съ компаніей желѣзной дороги, по которому эта послѣдняя уступила въ мѣстностяхъ возлѣ г. г. Іорктона и Swan-River'a всѣ свои

земли духоборцамъ по той же оцѣнкѣ какъ и казенныя, обмѣнявъ ихъ на предложенное правительствомъ въ другомъ мѣстѣ соотвѣтствующее число секцій. Такимъ образомъ духоборцы сѣверной и южной колоніи избѣжали обязательную черезполосицу и должны были получить земли въ цѣльныхъ кускахъ на селеніе. Къ сожалѣнію Hudson bay Gompany не уступила свои секціи (№ 8 и 26), и такимъ образомъ въ каждомъ тауншипѣ, принадлежащемъ духобордамъ, осталось по четыре секціи (двѣ изъ нихъ школьныя), на которыя наши соотечественники не имѣютъ правъ.

Общій принципъ весьма гибкихъ канадскихъ законовъ въ западной преріи можно формулировать такъ: дѣлай что хочешь, но то, что не мѣшаетъ другому. Привилегій по закону здѣсь нѣтъ никому, кромѣ скота, который, какъ мы видѣли, совершенно свободенъ въ своихъ поступкахъ, и всѣ жители преріи должны приспособливаться съ своимъ хозяйствомъ такъ, чтобы *оградить себя* отъ дѣйствій свободно пасущихся стадъ и табуновъ.

Принцъ-альбертовскіе духоборцы поселены на тѣхъ же условіяхъ, за исключеніемъ того, что желѣзная дорога тамъ не уступила своихъ земель, и духоборцы должны были поселиться отчасти фермами, отчасти деревнями, земли которыхъ не будутъ находиться въ округленныхъ участкахъ.

Что касается религіозныхъ убѣжденій, то канадское правительство конечно, наряду со всѣми жителями, предоставило духоборцамъ полнѣйшую свободу и совершенно уволило ихъ отъ воинской повинности въ какой бы то ни было формѣ, подведя духоборцевъ подъ слѣдующую статью законовъ:

„Всякое лицо, имѣющее свидѣтельство отъ общинъ квакеровъ, менонитовъ или тункеровъ (tunkers), а рав-

нымъ образомъ всякій обитатель Канады, какого бы то ни было религіознаго наименованія, подлежащій отбытію воинской повинности, будетъ освобожденъ отъ этой повинности послѣ вынутія жребія какъ въ мирное, такъ и въ военное время, подъ такими условіями и при такихъ правилахъ, какія губернаторскій совѣтъ предписываетъ отъ времени до времени."

Всѣ эти обязательныя условія и льготы были своевременно и подробно разъяснены какъ духоборческимъ ходокамъ, Ивину и Махортову, — такъ и самимъ духоборцамъ, въ лицѣ ихъ „старичковъ" — представителей отъ всѣхъ селеній.

И духоборцы на все это съ великою благодарностью соглашались.

Единственнымъ несомнѣннымъ упущеніемъ того лица, которое вело переговоры съ канадскимъ правительствомъ, именно англичанина А. Моода, было то, что онъ не освѣдомился о порядкѣ регистраціи новорожденныхъ, смертей, браковъ и самихъ брачныхъ контрактовъ, *обязательныхъ* для жителей всей Канады и которые совершенно противорѣчатъ всему обычному праву и религіознымъ убѣжденіямъ духоборцевъ. Это упущеніе впослѣдствіи вызвало къ жизни большія осложненія въ отношеніяхъ духоборцевъ съ канадскими властями и было главнѣйшимъ базисомъ впослѣдствіи пережитаго канадскими духоборцами всеобщаго волненія и движенія.

Что же касается условій пріемки земли, то всѣ безъ исключенія духоборцы въ первое же лѣто своего поселенія, т.-е. еще въ 1899 г., готовы были принять землю на этихъ условіяхъ. На южномъ участкѣ шла усиленная размежовка, которою особенно много занимался А. К. Синджонъ. На сѣверномъ участкѣ духоборцы изучали свои земли и собирали много съѣздовъ

для обсужденія всѣхъ возникавшихъ спорныхъ вопросовъ. Въ каждомъ селѣ были составлены поименные списки всѣхъ тѣхъ духоборцевъ, которые по своему возрасту имѣли право взять землю. Кромѣ того былъ составленъ Л. А. Суллержицкимъ, въ сотрудничествѣ съ англичаниномъ Гербертомъ Арчеромъ [1]), планъ на всю землю, которая должна была отойти изъ сѣвернаго резерва духоборцамъ, при чемъ были обозначены границы владѣній каждаго села и каждому селу была выдана выкопировка на приходящіяся имъ секціи. Ожидали только пріѣзда правительственнаго землемѣра, чтобы составить официіальные планы для каждаго отдѣльнаго полноправнаго духоборца, утвердить ихъ и тѣмъ ввести во владѣніе землей новыхъ поселенцевъ.

Къ ранней веснѣ 1900 г. настроеніе духоборцевъ на счетъ земли начинаетъ мѣняться. Нѣкоторыя недоразумѣнія, происшедшія между канадскими властями и духоборцами, пошатнули довѣріе нашихъ переселенцевъ къ мѣстному правительству. Духоборцы насторожились и стали болѣе пытливо вникать во все, что исходило изъ иммигрантскаго департамента.

На южномъ участкѣ шли особенно оживленные разговоры на счетъ земли, и среди всѣхъ выдѣлялись такъ называемые „кипрскіе" духоборцы. Среди нихъ поселился прибывшій изъ Россіи А. М. Бодянскій, который и повелъ страстную пропаганду, развивая ту мысль, что здѣсь, въ Канадѣ, духоборцы должны отстаивать себя и свою самостоятельность, а такъ какъ земля—„божья", то частной собственности на землю не должно быть,

---

[1]) Гербертъ Арчеръ былъ посланъ въ Канаду отъ лондонскаго квакерскаго комитета для оказанія возможной помощи духоборцамъ въ ихъ сношеніяхъ съ канадскимъ правительствомъ. Онъ еще долгое время жилъ среди духоборцевъ.

слѣдовательно и записывать ее на каждое отдѣльное лицо ненужно. Такъ началось первое броженіе въ Канадѣ по поводу земли, быстро перешедшее въ недовольство властями вообще и давшее впослѣдствіи такое совершенно своеобразное движеніе какъ „свободническое“ движеніе духоборцевъ, о которомъ мы подробно разскажемъ во второмъ томѣ этой нашей работы.

XXIV.

Женскій вопросъ.

Когда муравейникъ духоборческой жизни закипѣлъ самодѣятельностью, конечно, рельефно проявились различныя бытовыя стороны жизни этой своеобразной общины.

Женщина—мать „чуднаго, дивнаго творенія Божія“— человѣка, занимаетъ почетное мѣсто въ жизни духоборцевъ. Она окружена особымъ почитаніемъ. Ей на богомоленіи отдается особый поклонъ. Ее чтутъ и уважаютъ. Она—„няня“ дѣтямъ своимъ, „спутница“—мужу, руководительница—всей общины: Лукерья Васильевна Калмыкова, стоявшая болѣе 20 лѣтъ во главѣ всей общины духоборцевъ, была особенно любимымъ вождемъ всѣхъ духоборцевъ и слава о ней и до сего времени велика, а память священна. Здоровыя, сильныя, мощныя, красивыя духоборческія дѣвы и женщины являются если не правящимъ элементомъ всей общины, то во всякомъ случаѣ именно онѣ имѣютъ громадный вѣсъ во всѣхъ дѣлахъ, стремленіяхъ и рѣшеніяхъ общины. Вотъ почему всѣ руководители общины всегда искали и ищутъ популярности среди духоборокъ. Онѣ фанатичны, преданы дѣлу и идеѣ, онѣ настойчивы, радостны въ радости, упорны въ достиженіи, и веселы и счастливы на пѣніи, на собраніяхъ, на бесѣдахъ.

Въ своихъ затѣйливыхъ, пестрыхъ, почти особо „національныхъ“ духоборскихъ костюмахъ—теперь въ Канадѣ пропала эта красочность и тамъ всѣ одѣваются въ обыкновенное „нѣмецкое“ платье,—духоборки производятъ большое впечатлѣніе въ своей массѣ. Застѣнчивыя на чужихъ людяхъ, онѣ всегда имѣютъ въ своей средѣ такихъ сестеръ, которыя не посмотрятъ ни на что и кому угодно при всѣхъ обстоятельствахъ, прямо и открыто, скажутъ все, до самаго конца, какъ бы эта правда не была жестока, прямо обидна, для слушающаго и рискованна для говорящаго. Великолѣпныя работницы,—это онѣ построили въ первый годъ жизни въ преріяхъ почти всѣ деревни и вспахали на себѣ цѣлину полей,—онѣ стремятся къ просвѣщенію, радостно берясь за букварь вечерами послѣ долгаго и труднаго рабочаго дня. Являясь носительницами, какъ бы „ларчикомъ“, всей устной духоборческой литературы, помня на память множество псалмовъ, стишковъ, вопросовъ и отвѣтовъ, сказаній и преданій, женщины-духоборки, конечно, мало были причастны къ грамотности какъ къ таковой, но очень охотно, въ сознаніи всей необходимости, брались за ученіе и теперь въ Канадѣ процентъ грамотныхъ женщинъ колоссально возросъ. Новое женское поколѣніе, конечно, все грамотно. Любительницы одѣться покрасивѣй въ домотканныя одежды, духоборки цѣнятъ мужество, выносливость, силу и отвагу мужчинъ, не любятъ маленькую породу, и помню несчастное положеніе одного духоборца маленькаго роста, за котораго ни одна духоборка не захотѣла выйти за мужъ, такъ какъ,—говорили онѣ,—„намъ такихъ на раззаводъ не нужно“.

Особой рослостью отличаются духоборцы великорусскаго и малорусскаго происхожденія, въ отличіе небольшой группы приземистыхъ духоборцевъ изъ мордвы.

Въ бракѣ женщина свободна; она можетъ выйти за кого ей будетъ угодно, но, конечно, родительское вмѣшательство и здѣсь существуетъ въ достаточной мѣрѣ. Въ Канадѣ „дѣти“ энергично стремились уйти въ этомъ вопросѣ отъ дозора родителей и я знаю много браковъ и притомъ наиболѣе счастливыхъ, заключенныхъ молодежью самостоятельно.

Почтительное отношеніе къ женщинѣ сказывается также еще и въ томъ, что мы среди духоборцевъ нерѣдко встрѣчаемъ замѣну фамиліи, издавна существовавшей, прозвищемъ всей семьи по имени какой-либо выдающейся женщины въ данномъ роду. Называвшись раньше — и много лѣтъ — Шерстобитовыми, а теперь Грунины, потому что была среди нихъ Груня, женщина рѣдкихъ душевныхъ качествъ и вотъ „отошла“ она, умерла, и порѣшили всѣхъ Шерстобитовыхъ называть Груниными, такъ и называютъ они въ этихъ случаяхъ.

Само собой понятно, что несмотря на все особенное отношеніе къ женщинѣ и здѣсь какъ и вездѣ въ женскомъ вопросѣ все-таки не все обстоитъ благополучно. Конечно и здѣсь бываютъ несчастные браки, бываетъ плохое отношеніе къ женщинѣ, желаніе ее также поработить, какъ мы это видимъ вездѣ и всюду. Особенно это плохое отношеніе къ женщинѣ нами было замѣчено среди тѣхъ духоборцевъ, которые не были „на стражѣ“, которые не примкнули къ идейному теченію ихъ общины и къ ея борьбѣ, которые болѣе богаты или тянутся за богатыми. Особенно это бросилось мнѣ въ глаза на нашемъ четвертомъ пароходѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, по преимуществу ѣхали богатые духоборцы.

Въ четвертой партіи духоборцевъ, у насъ совершенно неожидано возникъ „женскій вопросъ“, который долгое время волновалъ умы и вызывалъ довольно любопыт-

ный обмѣнъ мыслей среди духоборцевъ этой партіи. Вопросъ этотъ возникъ такимъ образомъ.

Пріѣхали мы почти со всей партіей—(400 человѣкъ прямо изъ Квебека проѣхало въ Іорктонъ)—на маленькій полустанокъ Canadian Pacnitk Railway, называемый East Selkirk и находящійся въ 25 верстахъ отъ города Виннипега. Около этого полустанка имѣется помѣщеніе для 1700 эммигрантовъ. Такъ какъ насъ пріѣхало 1900 человѣкъ, то 200 духоборовъ не помѣстились въ домъ и казенную палатку; они разбили свои палатки и расположились таборомъ. Въ одной изъ этихъ палатокъ поселилась семья духоборца П. Въ этой семьѣ есть женатый сынъ,—громадный, саженный дѣтина.

Вотъ именно онъ то съ своей женой и былъ причиной возникновенія „женскаго вопроса" среди духоборцевъ нашей партіи.

Среди семейныхъ П. были какія-то непріятности, ссоры, въ которыхъ дѣятельное участіе принимала, въ качествѣ оппозиціи, молодая жена сына П.

Такъ или иначе—страсти разгорѣлись и П. — сынъ рѣшилъ „поучить" свою жену и избилъ ее до безчувствія.

Но жена не унялась, продолжала настаивать на своемъ и грозила мужу, что уйдетъ отъ него къ своимъ роднымъ, если онъ не согласится сдѣлать то-то и то-то.

— Уйдешь?.. Ты кто мнѣ есть?.. Говори!.. Жена аль нѣтъ?..—наступалъ на жену громадный духоборецъ, въ сердцахъ забывшій и о христіанствѣ, и о братствѣ и объ почитаніи женщины.

— Да, жена...

— Ну коли ежели ты мнѣ жена, то и бойся меня, а то такъ произведу, моя голубушка, — взгляда моего бояться будешь...

На этотъ разъ угрозы остались угрозами, но на дру-

гой день, какъ оказалось послѣ, „жена“ была избита еще ужаснѣй, такъ что ее отливали водой...

Мужъ, очевидно, освирѣпѣвалъ все болѣе и болѣе и билъ свою жену такъ, что та, придя въ сознаніе, убѣгала отъ него въ лѣсъ и не являлась домой цѣлыми днями.

Никакія уговоры, просьбы и прочее не дѣйствовали на П. Онъ обѣщалъ остепениться, перестать бить, но какъ только жена начинала ему „прекословить“, онъ опять принимался за старое со все возростающимъ озлобленіемъ. Говорили, что ревность здѣсь была главной причиной озлобленія духоборца. Я обратился къ духоборческимъ старичкамъ, чтобы они подѣйствовали на него. Они собирались, толковали, „постановляли:“ „прекратить бой жены П.“ — но ничего не дѣйствовало: — „бой“ продолжался.

По наведеннымъ справкамъ оказалось, что П. бьетъ свою жену уже съ полгода и еще раньше, первую свою жену, билъ до тѣхъ поръ, пока „старички“ не развели ихъ, и тоже изъ-за ревности.

— Онъ у насъ чудной, — разсказывалъ мнѣ про П. его дядя,—изобьетъ жену до полусмерти, выгонитъ изъ хаты, а потомъ сядетъ около ея сундука, раскроетъ и почнетъ перебирать платья да рубашки, а самъ плачетъ, рѣкой разливается...

Не знаю плакалъ ли здѣсь П. надъ рубахами своей жены, но знаю то, что „бой“ продолжался и, наконецъ, мать жены П. пришла и пожаловалась, такъ сказать оффиціально, намъ и переводчику-канадцу, что ея дочь „безвинно-напрасно избиваетъ мужъ“.

Переводчикъ вскипѣлъ. Какъ? драться и еще бить женщину? Женщина подъ особой охраной законовъ въ Канадѣ и тотъ, кто бьетъ жену, пойдетъ въ тюрьму...

На другой день съ повторной жалобой пришла и сама избиваемая жена П.

Тогда англичане обратили на это серіозное вниманіе и просили меня немедленно объявить всѣмъ женщинамъ объ ихъ правахъ въ Канадѣ.

Къ сожалѣнію я не могъ достать свода канадскихъ законовъ, чтобы сдѣлать оттуда точныя выписки изъ статей, касающихся правъ женщинъ, а просто ограничился передачей того, что разсказали мнѣ по этому поводу англичане и что я, по ихъ оффиціальной просьбѣ, передалъ духоборческимъ женщинамъ.

Въ Канадѣ на этотъ счетъ такой установленъ порядокъ: Если мужъ бьетъ свою жену, то жена имѣетъ право жаловаться на него мѣстной судебной власти. По канадскимъ законамъ за такое преступленіе виновника сажаютъ на шесть мѣсяцевъ въ тюрьму. Въ случаѣ если жена побоится, или по какимъ-либо другимъ причинамъ не заявитъ о плохомъ обращеніи съ ней мужа, то полиція, узнавъ о поступкахъ мужа отъ своихъ агентовъ или частныхъ лицъ, обязана вызвать къ себѣ эту женщину и допросить ее о тѣхъ фактахъ дурного обращенія мужа, которые стали извѣстны полиции. Если полиція удостовѣрится въ дурномъ обращеніи мужа, то она обязана возбудить противъ виновнаго дѣло въ судебномъ порядкѣ.

Если мужъ, выйдя изъ тюрьмы, продолжаетъ дурно обращаться съ женой, то его вторично привлекаютъ къ отвѣтственности и сажаютъ въ тюрьму срокомъ на годъ.

Дурное обращеніе съ женой служитъ законнымъ поводомъ къ разводу по инциціативѣ жены, причемъ каждый разводъ санкціонируется особымъ парламентскимъ актомъ.

При разводѣ дѣти, по установившемуся обычаю, дѣлятся по поламъ: мальчики—мужу, дѣвочки—женѣ; если имѣется только одинъ ребенокъ, то онъ безусловно, какого бы пола не былъ, принадлежитъ матери.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда мужъ пьянствуетъ, жена имѣетъ право заявить объ этомъ въ магистратъ и на основаніи этого заявленія подлежащей властью дѣлается распоряженіе о томъ, чтобы такому-то лицу нигдѣ въ окрестностяхъ не продавалось бы ни капли спиртныхъ напитковъ. Кабатчикъ или трактирщикъ, нарушившій это постановленіе—отвѣчаетъ штрафомъ въ пятьдесятъ долларовъ (сто рублей).

Мнѣ было неловко собирать духоборческихъ женщинъ, „христіанокъ", и объявлять имъ эти законы.

Но такъ какъ духоборцамъ предстоитъ жить въ Канадѣ, среди уже сложившихся и выработавшихся въ извѣстныя формы отношеній, то я счелъ за необходимое передать духоборческимъ женщинамъ то, что мнѣ разсказали англичане.

Я собралъ женщинъ и все разсказалъ имъ.

Женщины слушали съ живѣйшимъ интересомъ и, къ моему удивленію, то и дѣло перебивали меня возгласами:

— Вотъ это дѣло!..

— Постой, погоди, любошный, теперь прикрутимъ тебя!..

— Теперь, значитъ, битью нашему конецъ...

— Теперь не больно-то палкой смиганешь по чемъ ни попало...

— Здѣсь и на васъ, разбойниковъ, управа есть, не то что тамъ, въ Азіи...

— Теперь и нашей сестрѣ праздникъ...

И много, много тому подобныхъ возгласовъ и замѣчаній.

Спѣшу оговориться, что такое дикое обращеніе и отношеніе къ своей женѣ не принадлежитъ всѣмъ духоборамъ, такъ какъ я лично знаю многія семьи, гдѣ и въ голову не придетъ мужу не только бить, но просто грубо

или дурно обращаться съ своей женой. Но тотъ фактъ несомнѣненъ, что были такіе духоборцы, которые били своихъ женъ и жестоко били.

Многія женщины очень серіозно отнеслись къ этому моему объявленію и недоумѣвающе спрашивали у меня: „такъ, значитъ, теперь, по этой странѣ, мужья будутъ у насъ въ подчиненіи?"

Нашлись и такія женщины, которыя остались очень недовольными канадскими законами и рѣзко заявляли мнѣ, что это „только одинъ развратъ и потачка нашей сестрѣ. Да ежели насъ не бить, что изъ насъ, глупыхъ, выйдетъ? Да ежели я чавось наглуплю, или не такъ сдѣлаю, или супротивъ мужа пойду—какъ же ему и не поучить меня уму-разуму? На то онъ и мужъ! Въ писаніи какъ сказано: „жена да убоится своего мужа",—какъ же намъ противъ писанія идти? Вѣдь мы какъ есть христіанки!"

Впрочемъ такого консервативнаго элемента въ общемъ проявилось мало, больше старухи. А молодайки, такъ тѣ открыто радовались и говорили, что „хоть не дай никому Боже этакимъ закономъ себя защитить, а все-таки наши мужики опасаться будутъ и все, смотришь, подумаютъ, прежде чѣмъ—зачать женѣ бока оббивать?"

Мужчины, въ громадномъ большинствѣ, отнеслись, конечно, враждебно къ этому канадскому установленію и говорили, что объ этомъ лучше было бы молчать, такъ какъ эти законы повадку бабамъ даютъ и изъ повиновенія ихъ выбиваютъ.

Эта новость для духоборокъ дала толчокъ ихъ мыслямъ.

Долго слышалось обсужденіе этихъ законовъ, и соображенія о томъ, что „въ Канадіи наша сестра живетъ, кажись, по другому обряду..."

Между прочимъ объявленіе это очень хорошо подѣйствовало на буяна П. Сначала онъ продолжалъ буянить и кричалъ: „хошь въ тюрьму, хошь подъ тюрьму, хошь на висѣлицу;—какъ мы есть духоборцы, то и готовы мы на всякое страданіе во всякій часъ, для ради души спасенія, грѣховъ—прощенія; а жена—моя; что хочу то съ ней и дѣлаю, все равно приволоку ее къ себѣ—(она въ это время скрывалась у матери)—и заставлю взгляда моего бояться...“

На другой день онъ смягчился, просилъ прощенія за свой вчерашній шумъ, говорилъ чтобы мы „велѣли“ вернуться къ нему женѣ и прибавлялъ, что онъ ее бить не будетъ „какъ тутъ въ Канадіи не полагается“, но что онъ привяжетъ ее за ногу на веревку, „чтобы чувствовала, что я ей мужъ. Не итти же мнѣ у бабы прощеніе просить?“—брезгливо прибавлялъ онъ, впередъ оскорбляясь за униженіе своего, мужняго, достоинства.

На третій день, онъ пришелъ и сказалъ, что все вновь обдумалъ и что „ежели я самъ въ такую не сурьезную страну заѣхалъ, и ежели здѣсь не Кавказъ, а на все прописана управка, то надо и это въ сумлѣніе взять. Коли тутъ бабамъ полагается на шеѣ у мужей сидѣть,—ничего не подѣлаешь,—сиди, матушка,—повеземъ; въ отдѣлку заѣздѣешь,—будемъ везть,—ничего, слова не скажемъ...“ и еще много говорилъ онъ на ту же тему, выразивъ желаніе помириться съ женой и жить „на чистоту“; „и вотъ я тутъ вамъ заявляю, какъ передъ Богомъ,—сказалъ онъ мнѣ,—ежели я свою жену еще хоть разъ въ сердцахъ колыхну...—крышка мнѣ! Сажай меня, Канадія, на десять лѣтъ въ самую, что ни на есть растюрьму“...

Повліялъ ли на него страхъ передъ отвѣтственностью, или не желаніе—„стремиться“, или еще что, но только „бой“ прекратился, жена пришла къ мужу; мужъ

сдѣлалъ все такъ, какъ хотѣла жена, вплоть до переписки въ другое общество и теперь они живутъ болѣе или менѣе дружно.

Такъ закончился этотъ характерный эпизодъ изъ жизни духоборцевъ.

Въ той же части духоборцевъ, которые были „на стражѣ" мнѣ не приходилось никогда наблюдать плохого отношенія къ женщинамъ: тамъ царили прекрасныя отношенія и искренняя дружба той и другой половины рода человѣческаго. Здѣсь же былъ поднятъ вопросъ о полномъ уравненіи женщины въ ея правахъ въ общинѣ и въ скоромъ времени въ этихъ общинахъ женщины также стали принимать дѣятельное участіе на общественныхъ съѣздахъ, какъ и мужчины.

Помимо этого на долю женщины у духоборцевъ досталась медицина, знахарство, повитушество, нашептываніе и пр.

Этими же дѣлами занимаются и мужчины, но только въ гораздо меньшей степени.

XXV.

Леченіе у духоборцевъ.

Населеніе духоборцевъ въ общемъ весьма здоровое. Только ссылка и тюрьма сильно подорвали здоровье многихъ, но, конечно и въ Канадѣ, и ранѣе на Кавказѣ имъ также приходилось прибѣгать къ медицинскимъ средствамъ и въ томъ числѣ къ домашнимъ, общенароднымъ.

Народъ, въ особенности женщины, любятъ лѣчиться — это извѣстно всѣмъ. Духоборческій народъ не является какимъ либо исключеніемъ изъ этого наблюденія; онъ имѣетъ своихъ лѣкарей, костоправовъ, лѣкарокъ, повитухъ, ворожей, шептухъ и отличается развѣ только

тѣмъ, что кромѣ общенародныхъ средствъ употребляетъ еще свое специфическое:—это духоборческая молитва отъ той или иной болѣзни духоборческому Богу.

Вѣра въ шептухъ—безусловная и всеобщая—превратилась въ нѣчто такое, что сокрушить было весьма трудно.

Я разговаривалъ съ самыми выдающимися по своему уму мужчинами-духоборцами нашей партіи и къ моему удивленію вездѣ нашелъ одно и то же: сильную вѣру въ шептухъ

Вѣра эта зиждится на томъ основаніи, что шептуха шепчетъ молитву, а духоборческая молитва,—по понятію духоборцевъ—не можетъ не дойти до Бога, такъ какъ они самые настоящіе христіане, стоящіе ближе всѣхъ другихъ людей къ Богу, къ тому же заслужившіе своей жизнью его полнаго расположенія.

Еще на пароходѣ былъ такой случай: заболѣлъ духоборецъ сильнѣйшей лихорадкой—онъ вывезъ ее съ Кавказа; температура повысилась весьма значительно, и онъ лежалъ на палубѣ въ полусознаніи. Намъ сказали и мы сейчасъ же пришли къ нему. Ѣхавшая на „Lake Huron'ѣ" фельдшерица спѣшила смѣрить больному температуру и растегивала его, чтобы поставить градусникъ. Въ это время съ другой стороны подбѣжала какая-то баба среднихъ лѣтъ, сѣла возлѣ больного и, мѣрно покачиваясь взадъ и впередъ, стала шептать что-то надъ кружкой съ квасомъ. Мы вмѣстѣ съ капитаномъ парохода съ любопытствомъ смотрѣли на шептуху. Наконецъ, я не выдержалъ и спросилъ ее:

— Что это вы дѣлаете? Шептуха недоумѣвающе посмотрѣла на меня и продолжала шептать. Въ окружающей насъ толпѣ духоборцевъ почувствовалась какая-то неловкость, всѣ молчали, снисходительно погля

дывая на меня: „вотъ, молъ, чего не знаетъ, а еще проводникъ!“

Я переспросилъ опять. Шептуха, очевидно снисходя къ моей глупости, отрывисто сказала:

— Лѣчимъ.

— Лѣчите? Чѣмъ?

— Молитвами.

— И помогаетъ?

— Завсегды.

— Почему же помогаетъ квасъ, когда надъ нимъ что-то пошепчутъ?

— Почему? А потому какъ мы христіане, то наша и молитва самая настоящая, Богу угодная, до него всегда доходящая.

Шептуха, послѣ этого маленькаго перерыва, продолжала сосредоточенно шептать.

И вотъ такихъ сценъ—сколько вамъ угодно. Въ любой день вы натолкнетесь въ какомъ либо углѣ на шептуху, врачующую всѣ недуги молитвами своего сочиненія или перешедшими къ ней по наслѣдству.

Я заинтересовался этимъ народнымъ творчествомъ и, наконецъ, мнѣ удалось узнать и записать нѣсколько такихъ молитвъ.

Привожу для примѣра двѣ молитвы наиболѣе типичныя по своему содержанію:

I. Молитва отъ пупа [1]).

Господи благослови на морѣ, на океанѣ, на востромъ вертіянѣ; тамъ стоитъ столище; на томъ столищѣ лежитъ котища, ушики у него серебрянныя, лапки золотыя, хвостикъ сребрянный. Онъ жретъ, пожирая свой пу-

[1]) Желудочно-кишечное заболѣваніе

пище—чемерище. Пришелъ къ нему рабъ Божiй и говоритъ ему: возьми, рабѣ Божiй, свой пупище—чемерище съ его бѣлыхъ плечей и съ черныхъ очей, съ семидесятъ семи жилъ, съ семидесятъ семи полужилъ и съ семидесятъ семи суставовъ, съ семидесятъ семи полусуставовъ,—ни я тебѣ говорю, ни я тебѣ выговариваю, а говоритъ тебѣ бабушка Салмонида, которая Христа на руки принимала, бѣлымъ пеленомъ обвивала. Приговоръ трижды, приговоръ трижды и приговоръ трижды, какъ съ гуся скатилась, слилась,—такъ съ рабе Божiей всѣ скорби и болѣзни скатились и слились; какъ вечерняя зоря стухаетъ, такъ у раба *такого-то* всѣ скорби утихаютъ.

II. Молитва отъ солношницы [1]).

Господи помилуй рабе Божьей отъ солношницы, Сольноцы завариваю, заговариваю, запекаю; тутъ тебѣ не быть, тутъ тебѣ не жить, тѣло бѣло не сушить, желтыхъ костей не рушить во всякie часы, во всякiя минуты отъ денныхъ, отъ полуденныхъ, отъ ночныхъ, отъ полуночныхъ, отъ часовыхъ, отъ получасовыхъ, отъ минутныхъ, отъ полуминутныхъ, отъ глазовыхъ, отъ водяныхъ, отъ вдовыхъ,—идите вы въ лѣсъ подъ гнилыя колоды; мѣсяцъ молодой, солношница туда же крещенаго, пораженнаго. Аминь. Аминь,—что бъ не было никакихъ скорбей—болѣзней.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ молитвамъ шептухи присоединяютъ жесты, несомнѣнно, по ихъ понятiямъ, заключающiе въ себѣ глубокiй, тайный, кабалистическiй смыслъ.

Такъ напримѣръ я видѣлъ, что при сильнѣйшей ди-

---

[1]) Желудочно-кишечное заболѣванiе.

зентеріи, называющейся у духоборцевъ мытъ, — больному шептуха накинула на животъ большой кухонный горшокъ, а сама взяла столовую, деревянную ложку и два ножа и что то безпрерывно шепча, переставляла эту ложку и ножи на донышкѣ горшка съ мѣста на мѣсто, держа ихъ вертикально и быстро перехватывая изъ руки въ руку. Больной лежалъ съ закрытыми глазами и по его сосредоточенному лицу можно было догадаться, что онъ придаетъ большое значеніе этимъ безсмысленнымъ дѣйствіямъ и проникнутъ даже нѣкоторымъ страхомъ передъ чѣмъ—то невѣдомымъ и таинственнымъ, совершающимся надъ нимъ.

Было бы съ полугоря если бы эти бабки нашептывали свою чепуху надъ кипяченой водой, — это не осложняло бы болѣзней, но вся бѣда въ томъ, что онѣ не удовлетворяются даже и квасомъ. Онѣ очень часто подмѣшиваютъ къ наговоренной водѣ такія сильно дѣйствующія и прямо смертельно-ядовитыя средства какъ напримѣръ нашатырь, желѣзный и мѣдный купоросъ, сулема, крѣпкая водка, сурикъ, фосфоръ (со спичекъ), ртуть и многія другія менѣе вредныя, но все-жъ таки вредныя снадобья.

Мнѣ разсказывали старики, что еще на Кавказѣ очень многіе поумирали отъ лѣченія бабокъ-шептухъ въ особенности отъ спичечныхъ головокъ и что теперь спичекъ ѣдятъ меньше, но иногда и до сихъ поръ употребляютъ какъ лѣкарство.

Вчера умерла женщина 48 лѣтъ. Она больна дизентеріей и въ послѣднее время совсѣмъ уже поправлялась. Случилось такъ, что русская женщина-врачъ, работающая здѣсь, поѣхала въ г. Виннипегъ съ больными духоборами, чтобы помѣстить ихъ въ госпиталь и пробыла тамъ два дня. Этого срока было вполнѣ достаточно, чтобы шептухи вновь завладѣли больной и

вмѣсто назначенной строгой діэты, стали накачивать больную нашептаннымъ квасомъ съ громадными дозами нашатыря. Это лѣченіе произвело свое дѣйствіе: больная ослабѣла, дизентерія страшно усилилась, и черезъ сутки больной уже не стало.

Страшно бываетъ смотрѣть на то, что продѣлываютъ лѣкарки со всевозможными ожогами, пораненіями, порубами, ранами, язвами и т. п. хирургическими и накожными случаями!

Я видѣлъ, какъ большія раны засыпались сажей, жженой и растертой въ порошекъ подошвой, жженой тряпкой, землей, толченымъ стекломъ и т. п. растравляющими и заражающими раны веществами.

Пусканіе крови — очень распространено среди духоборцевъ; пускаютъ же ее преимущественно и безъ того истощеннымъ и малокровнымъ больнымъ, „для очистки крови, чтобъ вышла вся дрянь"—какъ говорятъ они.

Въ карантинѣ въ одинъ день было выпущено изъ людей три ведра крови. Больные сваливались замертво послѣ операцій кровопускателя.

Суевѣрія среди духоборцевъ такъ же много, какъ и вездѣ среди крестьянъ; они вѣрятъ въ „глазъ", въ „приворотъ", въ „изсушеніе по злобѣ другого"; они вѣрятъ въ нечистую силу, которая можетъ вселиться въ человѣка и мучить и изводить его.

Такъ мнѣ пришлось слышать, какъ нѣсколько женщинъ таинственно, шепотомъ разсказывали лѣчившей ихъ женщинѣ-врачу объ одной больной, которая теперь уѣхала на мѣста новаго поселенія, что у ней въ животѣ завелись лягушки и что эти лягушки не просто лягушки, а сама нечистая сила и что послѣ долгихъ моленій нѣкоторыя изъ этихъ лягушекъ выпрыгиваютъ изъ нее, и что онѣ сами, своими собственными глазами видѣли этихъ лягушекъ и даже одну убили; бѣда же теперь

въ томъ, что нечистая сила всё-таки еще осталась въ этой женщинѣ, а потому и лягушки продолжаютъ жить въ ней и мучить больную...

Женщины эти подробно разсказывали о цвѣтѣ, видѣ и величинѣ этихъ лягушекъ и очень тужили, что убили лягушку, а ее надо было повѣсить за ноги надъ печкой, тогда бы нечистая сила вышла бы изъ больной.

Духоборцы создаютъ, на почвѣ этихъ суевѣрій, безконечное множество самыхъ нелѣпѣйшихъ, самыхъ страшныхъ разсказовъ. Эти разсказы дѣлаются достояніемъ массы, въ которой всегда найдутся люди, категорически заявляющіе вамъ, что все это они видѣли своими собственными глазами и тѣмъ значительно подтверждающіе достовѣрность небылицы.

Вамъ разскажутъ о томъ, какъ шептухи выманиваютъ на пшеничный колосъ изъ гніющихъ пальцевъ „живые волосы", которые, по зову шептухи, вылѣзаютъ изъ кости и обвиваютъ колосъ такъ крѣпко, что его и расплесть нельзя... Вамъ укажутъ на знахарку, которая молитвой превращаетъ сгнившій палецъ въ самый настоящій. Тутъ же вамъ покажутъ не только пальцы, изъ которыхъ шли „живые волосы" на колосъ, но принесутъ и самый колосъ якобы обмотанный этими волосами. Вмѣсто „живыхъ волосъ" вы найдете на колосѣ остатки вьющагося растенія, но вы и не пробуйте убѣждать, что это не „волосъ", а просто усико полевого горошка или что либо подобное,—вамъ все равно не повѣрятъ, такъ какъ всѣ глубоко убѣждены въ томъ, что это „живой волосъ" вышедшій изъ человѣка на колосъ по зову шептухи...

XXVI.

Заключенiе.

По обстоятельствамъ, изложеннымъ въ предисловiи, я не коснулся очень многаго изъ жизни духоборцевъ въ Канадѣ. Здѣсь совершено не затронутъ рабочiй вопросъ, организацiя стачекъ духоборцами на канадскихъ желѣзныхъ дорогахъ, борьба ихъ съ правительствомъ въ послѣдующихъ стадiяхъ, прiѣздъ ихъ вождя Петра Васильевича Веригина, новое громадное свободническое движенiе среди духоборцевъ, гдѣ люди стремились выпутаться изъ тенетъ мелкой собственности и мѣщанскаго уклада жизни.

Не отмѣчена также борьба представителей русской церковности, черносотства и русской правительственной власти съ пропагандой канадскихъ духоборцевъ, здѣсь также нѣтъ экономическаго анализа второго года жизни духоборцевъ въ Канадѣ, когда они стали становиться на собственныя ноги, все болѣе и болѣе освобождаясь отъ опекуновъ всѣхъ странъ и нацiональностей; также я не описалъ, хотя и хотѣлъ, нѣкоторыя весьма характерныя особенности жизни и быта духоборцевъ на фонѣ своеобразнаго свободнаго бытiя въ канадскихъ прерiяхъ и жизни самихъ прерiй и ихъ обитателей. Всѣ эти обстоятельства и будутъ предметомъ описанiя и изученiя во второй части этой моей книги.

Въ настоящее время духоборцы серiозно задумались о своемъ возвращенiи въ Россiю, гдѣ они хотѣли бы зажить, въ привычныхъ условiяхъ, свободной и вольной жизнью. Несомнѣнно послѣ войны вопросъ ихъ переселенiя на старую родину станетъ ребромъ. Тѣмъ болѣе, мы думаемъ, полезно теперь зарегистровать весь опытъ

жизни этой старой крестьянской общины въ условіяхъ американской дѣйствительности, чтобы дать возможность будущимъ изслѣдователямъ имѣть матеріалъ для сравненія жизни и быта духоборцевъ въ разные періоды ихъ бурной жизни.